

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

4
2013

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2013

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

4.2013

Издается с 2010 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77-19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16-18

Интернет-адрес:
www.mgoru.ru

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М. А. Шолохова

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия

И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.А. Орлов (*зам. гл. редактора*),
О.И. Шмелёва (*отв. секретарь*),
Е.В. Бродовская,
А.В. Миронов,
В.Д. Нечаев,
Дж. Савино,
А.Д. Эпштейн,
А.И. Юрьев

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Андреева Е.А.

История градостроительства городов Вятской губернии
(конец XVIII – начало XX вв.) 5

Антонова Т.В.

Из истории первого русского издания
собрания сочинений Ф. Лассалья 17

Ширяева С.В.

Основные тенденции развития частной благотворительности
в Российской империи XIX – начала XX вв. 34

Мамаев А.В.

Переход московского городского самоуправления
под контроль большевиков (конец 1917 – начало 1918 гг.) 44

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

Волкова Е.Ю.

Католическая церковь в вице-королевстве Перу:
этапы и специфика процесса христианизации аборигенного
населения Южной Америки в XVI в. 57

Нохрин И.М.

Политическое развитие и межэтнические отношения в Канаде
после Войны за независимость США: к проблеме
конституционной реформы 1791 г. 66

ПОЛИТОЛОГИЯ

Копоть Е.М., Барышева А.С.

«Образ другого»: Россия на страницах печатных средств
массовой информации США в 2005–2012 гг. 78

Самохин А.В.

Книга Ю.И. Семёнова «Философия истории» и критика
глобально-стадиальной концепции. 90

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Суховерхов В.В.

К вопросу о необходимости изучения истории испанской философии в курсе «Новая история Испании»: исходные понятия	101
НАШИ АВТОРЫ	107
CONTENTS	108
ПАМЯТКА АВТОРУ	112

Е.А. Андреева

История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв.)

В статье описано градостроительное развитие наиболее интересных в архитектурном отношении городов Вятской губернии. Выявленные архивные материалы позволили уточнить историю разработки первых генеральных планов и дать общую историко-архитектурную характеристику городов Вятки, Сарапула, Елабуги, Глазова.

Ключевые слова: геометрический план города, планировка уездных городов XVIII в., застройка российских городов XIX в., история проектирования.

В статье делается попытка рассмотреть историю формирования и этапы градостроительного развития губернского центра Вятки и трех малых городов Вятской губернии – Глазова, Сарапула и Елабуги как городов с различными планировочными приемами, использующими решения губернского города; ввести в научный оборот новые архивные данные, позволяющие шире рассмотреть процесс проектирования первых «высочайше конфирмованных» планов.

Основным источником изучения послужили графические и текстовые материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и достаточно полно отражающие застройку всех городов России¹.

Во второй половине XVIII в. в России развернулись большие работы по перепланировке и устройству новых городов, что было вызвано ростом

¹ Планы городов и обмеры некоторых зданий XVIII в. хранятся в Российском государственном историческом архиве в фонде 1399 («Планы, карты и чертежи Петербургского сенатского архива»). Этот же период и XIX в. довольно полно представлен в фонде 1293 («Техническо-строительный комитет МВД»). О развитии и застройке уездных городов в начале XX в. дают представление документы фонда 1140 («Взаимное страховое общество “Русь”»), содержащие не только планы, но и статистические данные по каждому городу. Ценные сведения встречаются в фондах 1287 («Хозяйственный департамент МВД»), а также в фонде 1289 («Главное управление почт и телеграфов МВД»).

мануфактурного производства, торговли, развитием русской горнозаводской промышленности. Для этой цели была создана «Комиссия о каменном строении С.Петербурга и Москвы», просуществовавшая с 1762 по 1796 г., которую последовательно возглавляли А.В. Квасов, И.Е. Старов, И.М. Лем.

Если в первой половине XVIII в. главным градостроительным объектом был Петербург, то период классицизма выдвинул вопрос о реконструкции и создании новой планировки большинства городов России. До конца XVIII в. комиссией было составлено и рассмотрено около четырехсот проектов, в том числе 13 планов городов Вятской губернии.

В них удачно решена композиция центра и направления улиц, определен характер кварталов, установлены границы города. Живописная разбросанность застройки уступила место геометрически правильной регулярной планировке.

Обнаруженные в фондах РГИА материалы по Вятской губернии дают возможность уточнить деятельность петербургской комиссии. Известно, что первые генеральные планы городов Вятской губернии были составлены столичным архитектором Иваном Лемом и утверждены Екатериной II 13 августа 1784 г. Годы работы комиссии под руководством И. Лема (1774–1796) считаются самыми насыщенными за все время ее существования. Проекты, выполненные еще при Квасове и Старове, начали довольно быстро реализовываться в Пскове, Новгороде, Костроме и других русских городах. Практика показала, что сплошная перепланировка возможна и для всех остальных городов государства. Число утвержденных проектов за годы работы Лемма достигло 287. Выполнить такое количество было реально только при наличии съемок и предложений, поступающих с мест.

Автором монографии «Планировка и застройка города Вятки» выдвигается предположения относительно использованных комиссией местных материалов. В качестве исходного документа для составления проекта И. Лемом А.Г. Тинский называет план Вятки, выполненный губернским землемером Бестужевым летом 1784 г. [27].

Обнаруженные в фондах РГИА более ранние материалы позволяют иначе рассмотреть этот вопрос. Удалось выявить серию планов всех городов Вятского наместничества, датированных 1780 г. На плане «провинциального города Хлынова (Вятка – Е.А.), назначенного быть губернским городом вятского наместничества»¹, стоит подпись: «снял и сочи-

¹ По указу Екатерины II от 11 сентября 1780 г. город Хлынов стал центром вновь образованного наместничества в составе нижегородского генерал-губернаторства. В декабре 1796 г. наместничество преобразовали в губернию.

нял уездный землемер порудчик Сергей Григоров» [10]. Сравнительный анализ графической манеры исполнения этих чертежей дает основание утверждать, что все планы городов наместничества выполнены одним лицом – С. Григоровым и визированы Алексеем Ступишиным – нижегородским генерал-губернатором. Сопоставление планов Вятской губернии 1780 г. и «конфирмованных» 1784 г. позволяет более полно представить процесс проектирования в комиссии И. Лема. Планы, подписанные петербургским архитектором, сохраняют те же планировочные приемы, что и проекты 1780 г. Именно они использовались комиссией. Таким образом, первые генеральные планы Вятки и уездных городов проектировались на подосновах, составленных еще в 1780 г., и лишь редактировались Лемом с небольшими изменениями. Гигантская работа, проводимая по перепланировке городов, не могла охватить всю территорию России, а потому на местах работали достаточно опытные специалисты, составившие проекты. Знаменитый петербургский архитектор Иван Лем, скорее всего, является не столько автором, сколько лицом, редактирующим и утверждающим предложения, поступившие из нижегородского наместничества.

При составлении регулярного плана учитывалось уже сложившееся к 1780 г. самобытное лицо города. Вятка – старинный город с большим историческим прошлым, красиво расположенный и украшенный монументальными сооружениями. Еще в XVI в. на крутом левом берегу Вятки, пересеченном тремя оврагами, образовался административный и церковный центр города – кремль, укрепленный рвом. Со временем кремль превращается в резиденцию архиереев, орган управления епархией. Торг был вынесен за пределы укрепления кремля и существовал до регулярной планировки конца XVIII в. Напротив кремля, через глубокий Засорный овраг, в конце XVII в. был основан Трифанов монастырь с сохранившимся до наших дней Успенским собором. В центральной части посада размещалась торговая площадь, окруженная кольцом городской постройки. Здесь же на торгу стояли попарно 4 церкви. Посад имел веерный характер планировки и состоял из 9 улиц, 4 переулков, повторяющих очертания рельефа. В середине XVII в. была усилена система укреплений города. Кремль окружала стена, срубленная в два ряда толстых бревен. За городской стеной и рвом к северу от кремля был основан Преображенский женский монастырь.

После утверждения в 1656 г. самостоятельной Вятской и Великопермской епархий Хлынов начал интенсивно застраиваться. Освоение новых территорий сопровождалось расширением границ торгового посада, переносом церквей на посад. Планировочная структура древней Вятки при

этом полностью сохранялась. Дворцовые участки не имели той правильной геометрической формы, которая будет характерна для застройки по регулярному плану. Границы их определялись берегами оврагов, направлениями дорог. Культовые здания XVII в. стояли среди жилья. Во многом определяли силуэт города монастырские комплексы.

Геометрический план Григорова 1780 г. сохранил исторический центр города с живописно расположенными ансамблями монастырей и архиепископского дома на месте бывшего кремля. В этом сказалось стремление ориентировать новую структуру города к его историческому ядру.

Севернее Преображенского монастыря тоже на высоком берегу реки Вятки отводилось место для обширной площади с домами губернатора и присутственными местами. От старой части города начиналась регулярная застройка. На месте пересечения главных осей устраивались небольшие площади. Равномерная разбивка улиц и расчленение кварталов на одинаковые участки позволили объединить всю территорию города, до этого делившуюся на основную и предместья. С этой целью использовалось лучевое построение улиц. Три луча расходились от вновь запланированной площади с группой церковей, расположенных напротив архиепископского дома. Подобный прием уже использовался в плане Петербурга первой половины XVIII в. и затем вошел как обязательный в проекты периода классицизма, в частности, Твери. Григоров, несомненно, использует его для Вятки. Эту структуру плана почти без изменений повторили в «конфирмованном» проекте 1784 г. Но все же на плане Лема можно увидеть и некоторые добавления. Прежде всего, они проявляются в том, что вокруг старых культовых зданий наметили небольшие площади, раскрыв панораму на наиболее значительные, доминантные точки города. Была расширена и получила прямоугольную форму выступа главная площадь. Утвержденный план предусматривал зонирование территории. Каменные дома предназначалось строить в двух кварталах, расположенных напротив присутственных мест. На окраине разрешалось ставить только деревянные дома.

Планы Вятки начала XIX в. [17] развивают планировочную структуру, заложенную в первом регулярном плане. В них проводилось уточнение проекта 1784 г. Так, например, в 1804 г. были произведены небольшие изменения: уничтожены две диагональные улицы. Это объясняется тем, что в кварталах, пересеченными улицами-лучами, участки получались неправильной, неудобной для застройки формы.

«Конфирмованный» план Вятки 1812 г. петербургского архитектора В. Гесте отразил значительное расширение городских границ [20]. Жилую территорию предлагалось увеличить почти в два раза. На вновь

запланированную южную северную части города распространялась регулярная планировка с кварталами той же формы, что и в плане 1784 г.

Ближе к реке в новой южной части города разместилась просторная Хлебная площадь. На окраинах Гесте наметил Ямскую площадь и площадь для конных ярмарок, которые так и остались в проекте, как и две запланированные церкви. На проекте показана застройка типовых кварталов.

Дома размещались по красной линии участка. Сами кварталы были заполнены садами и огородами. В северной части на берегу реки Вятки предназначалось место для «гошпиталей и прочаго». Хотя в основе был сохранен общий характер планировки, все же новую часть Гесте запроектировал довольно абстрактно, наложив стандартную сетку улиц на глубокие овраги. По-видимому, архитектор не был в городе и не учел особенности его рельефа и существующие строения, поэтому в проекте преобладает некоторый геометризм и схематичность. План Гесте был последним «конфирмованным» планом города. Застройка по нему велась, в основном, по «образцовым», типовым проектам, рассылаемых из Петербурга во все губернии России.

В XIX в. город застаивался медленно. Преобладали преимущественно деревянные постройки, в большем случае одноэтажные. Благоустройством города почти не занимались. В литературе тех лет о Вятке писали, что «широкие, прямоугольные улицы привлекательны, если смотреть на них издали зимой или в ясный день. Когда они сухи» [16, с. 94].

В капиталистический период Вятка превращалась в торговый город, где велось строительство новых типов сооружений: банков, универсальных магазинов, учебных заведений, промышленных зданий. К началу XX в. всего зданий насчитывалось до 2 250, в том числе до 500 каменных. Действовали кожевенные, клееваренные, свечные, мыловаренные и винокуренные заводы [25, с. 557]. Город славился хлебной торговлей. С открытием Пермь-Котласской и Петербурго-Вятской железной дороги Вятка застраивается все интенсивнее. Во второй половине XIX в. город не получил нового генерального плана, но архивы сохранили выкопировки чертежей, по которым можно судить, что свободных мест в черте города уже не было. На рубеже XIX–XX вв. Вятке свойственен процесс уплотнения внутриквартальных территорий, появление многоэтажных домов. Но все же художественный облик города тех лет по-прежнему определяли малоэтажные дома. Стоительство большинства общественных зданий концентрировалось в центральной части города, они возводились в разных стилистических оттенках эклектики и модерна. Капитализм внес элементы хаотичности и бессистемности в градостроительную

структуру города. Несмотря на значительное увеличение территории, вопросы перспективного развития города не разрабатывались.

Наряду с губернским городом в 1784 г. малые города Вятской губернии получили планы своего дальнейшего развития. Для составления их проектов применялась прямоугольная сетка с равномерно-расчлененными квадратами (Сарапул, Елабуга) и радиально-кольцевая с лучевыми улицами, сходящимися к общему центру (Глазов). Река играла важную роль в пейзаже местности и являлась градообразующим элементом. Центральная площадь обычно сдвигалась и раскрывалась в сторону реки. От нее расходились улицы, застройка которых составляла различные комбинации. Еще с XVI–XVII вв. вдоль реки строились церкви. В новых регулярных планах они учитывались как доминанты. Таким образом, создавалась эффектная панорама со стороны пойменной части. Небольшие размеры городской территории позволяли легко вписывать план в разнообразный рельеф местности, не нарушая правильности очертаний. Для упорядочности территории все уездные города должны были обноситься рвом.

Радиально-кольцевая структура плана получила последовательное воплощение в уездном городе Глазове. Сохранилась копия проекта 1784 г. с подписью И. Лема [2]. Этот план полностью сделан на основании плана 1780 г., визированного А.А. Ступишиным [9]. План города Глазова представляет собой трапецию с семью прямолинейными улицами, расходящимися от общегородского планировочного центра – главной площади, обращенной на реку Чепцу. Три параллельные улицы концентрически повторяют очертания границ города, пересекая радиальные лучи. Одна из семи продольных улиц – Преображенская – превращена в композиционную ось всего города. Перспективу основных улиц замыкает силуэт Преображенского собора (1786), придавшего городу цельность. Веерная планировка Глазова диктовалась ровным рельефом местности, что было неприемлемо для холмистых городов Елабуги, Сарапула, Вятки. Для функционального расчленения территории архитектор вводит еще три площади, расположенных на окраине города: полукруглую Хлебную, прямоугольную Сенную и Дровяную. Вместо старых присутственных мест симметрично собору проектирует каменные. По плану, составленному Лемом, город застраивался до 1917 г. с некоторой корректировкой. Так, сохранившаяся съемка 1854 г. [4] показывает уточнение в планировочной структуре. Во-первых, не было Земской улицы, что нарушало симметрию плана, во-вторых, в середине XIX в. существовало только две площади – Соборная и Дровяная, причем последняя была неправильной формы, в-третьих, строительство домов велось только в кварталах, при-

мыкающих к центру; окраины, запроектированные еще в 1784 г., оставались лугами, в-четвертых, большинство застроенных участков не совпало с утвержденной сеткой улиц.

Глазов, очень медленно строившийся на протяжении XIX в. и будучи исключительно деревянным, к началу XX в. начинает развиваться. В 1887 г. был построен каменный Никольский собор. Центральная площадь по периметру застраивалась каменными домами жилого и общественного назначения. В конце XIX в. стали появляться здания, фасады которых были выдержаны в формах «русского стиля», позднего классицизма или неоренессанса.

На съемке, выполненной в 1898 г., мы видим, что территория города была увеличена за счет присоединения кварталов окраины [18]. Новые части продолжали старую планировочную структуру. Центр сохранил эту планировку и до наших дней.

История поселения города Сарапула начинается с XVII в. Еще известные исследователи П.С. Паласс и Рычков, посетившие эти края в 70-е годы XVIII столетия, нашли здесь значительную торговлю и хорошую застройку [14, с. 45–50; 23, с. 167]. Во время учреждения наместничества в 1780 г. город имел 553 дома и 3 церкви, из которых 2 были каменными и 1 деревянной [26, с. 528].

Получив право уездного города, поселение изменило свой облик и планировку, о чем свидетельствует геометрический план 1780 г. с нанесением прежних обывательских строений [12].

Копия первого генплана дает основание утверждать, что его редактировал Иван Лем, т.к. подпись архитектора просматривается на чертеже. Но Лем, несомненно, использовал план, присланный нижегородским генерал-губернатором А.А. Ступишиным. Основная планировочная структура города с его центром осталось прежней, только увеличилось число кварталов, а также получили более законченную редакцию очертания северной части города.

План Лема представляет собой четырехугольник неправильной формы, вытянутый вдоль правого берега реки Камы и ограниченный речками Сарапулкой и Юрманкой. Жилая территория членится улицами на прямоугольники, торцами обращенных на реку. Улицы шириной 10 саженей пересекались под прямым углом. Однообразный ритмический повтор небольших кварталов не мог создать эстетически выразительную комбинацию. Разнообразие вносила площадь с культовым и административными зданиями [3]. Выгодное положение на крупной реке Каме способствовало процветанию Сарапула. Город был деревянным. Широкому распространению деревянного строительства способствовали бескрайние

леса – прекрасный источник строительного материала. Город быстро перерос границы 1784 г. Поэтому на рубеже XVIII–XIX вв. губернский архитектор Филимон Росляков запроектировал новый район [6].

Следующий этап в градостроительной практике города – план, составленный архитектором Царского Села В. Гесте и утвержденный 23 марта 1812 г. [7]. Согласно этому плану город имел прямоугольную сетку улиц и 4 симметрично расположенные площади с возвышающимися на них церквями. Две площади – Покровская и Соборная – выходили на реку Каму. Застройка была одноэтажной и в основном деревянной. Каменные двух- и трехэтажные дома, выстроенные в скромных формах провинциального классицизма, концентрировались в центральной части города. Сам же город получил геометрически четкую форму, отличающуюся подчеркнутой регулярностью. План 1812 г. показывает, что В. Гесте недостаточно считался с конкретной ситуацией. Подобно плану Вятки, зодчий накладывает сетку улиц непосредственно на овраги, а на место прежних домов планирует площадь и новую застройку. Можно отметить и положительные моменты в проекте Гесте. Вдоль Камы архитектор располагает хлебные магазины, где на раннем плане были кварталы. Наиболее крупные общественные сооружения Гесте проектирует на улице, ориентированной на реку. Этот план определял развитие города, но до конца он не был осуществлен. По утвержденному в 1812 г. плану назначены были улицы 12 и 15 саженей шириной. Но, чтобы выполнить это требование, «необходимо подвергнуть сломке многие обывательские дома, находящиеся в прочном состоянии... всех таковых домов 63. В том числе 8 каменных (один даже трехэтажный). 15 на каменном фундаменте, а 40 на деревянных» [7]. Поэтому в управлении Вятской губернии был составлен новый план, который утвердил 19 января 1845 г. Николай I [8]. Улицы оставили шириной 10 саженей, только исправили их кривизну. Новую форму получили кварталы, лежащие у реки. По форме они подчинялись рельефу. Кожевенные, чугунные и кирпичные заводы оставались за городской чертой. В то время в городе было 6 каменных православных церквей и 1 единовременная. План подписали министр Внутренних Дел Перовский, вице-губернатор А. Падарин, вятский землемер Михаил Ивакин [5].

Город быстро застраивался. Облик его описал М.Е. Салтыков-Щедрин под названием Срывной. В 1848–1855 гг., находясь в вятской ссылке, он неоднократно посещал Сарапул. Писатель отметил его красивое расположение и то, что «Срывной – богатый промышленный город. Действительно он выстроен сравнительно с другими городами хорошо, главная площадь и главная улица сплошь застроена каменными домами и амбарами» [25].

План 1845 г. был последним перспективным планом Сарапула. В капиталистический период город застраивался быстрыми темпами. Дома, построенные в конце XIX – начале XX вв., в настоящее время формируют облик города [1]. По переписи 1897 г. число жителей составляло 21 359 человек, а, следовательно, появилась новая застройка. В торгово-промышленном отношении Сарапул являлся одним из ведущих центров Прикамья. Сарапульские купцы вели оживленную торговлю с Западной Сибирью, Приуральем хлебом, лесом, кожевенной продукцией. В РГИА сохранился ценный документ, позволяющий судить о состоянии города, его благоустройстве в 1913 г. [22]. Население возросло до 35 тысяч человек, поэтому расширилась его пространственно-планировочная структура, о чем свидетельствует чертеж, прилагаемый к статистическим данным. Территория города увеличилась почти в два с половиной раза, увеличились его южные и северные направления. Число кварталов составляло уже 142. Большинство улиц застроено уже кирпичными домами (в городе функционировали несколько кирпичных заводов). Строения располагались просторно, улицы были засажены деревьями. Как высотные доминанты возвышались монастыри: мужской Иоанно-Предтеченский и женский Благовещенский, 9 православных церквей и 1 единоверческая. В географической литературе тех лет о Сарапуле говорится, что он превосходит все уездные города Вятской губернии и в некоторых отношениях не уступает даже губернскому городу [26, с. 528].

Каждый из городов Вятской губернии имеет свой характерный ландшафт и индивидуальное художественное своеобразие. Планировка и застройка города Елабуги является воплощением этапов его истории, охватывающей несколько столетий. Город расположен в трех верстах от Камы на реке Тойме. В результате проведенных административных реформ Елабуга в 1780 г. становится одним из 13 уездных городов Вятского наместничества. Эти изменения повлекли за собой перемены в структуре города. Иррегулярный, живописный характер застройки сменяется геометрической четкостью кварталов, математической выверенностью. Представление о его планировке дает геометрический план города Елабуги 1780 г. с подписью А.А. Ступишина [11]. Сопоставление двух планов – 1780 г. и 1784 г. работы Лемма [19] – показывает, что планировочная структура претерпевала изменения. Так, например, в проекте 1780 г. от присутственных мест расходились боковые лучи, которые не отражены на проекте 1784 г., т.к. они не соответствовали топографии. Другие улицы получили первоначальное направление. Силуэт и панораму города формировали церкви, размещенные в ритмическом ряду на

правом берегу реки Тоймы. Их положение привязывается системой улиц, состоящей из 7 продольных и 3 поперечных. Центр занял территорию на берегу реки. На главной площади, с которой открывался наиболее интересный вид на панораму реки, разместились присутственные места, Спасский каменный собор, торговые лавки. План Елабуги 1784 г., как и план Сарапула, решен в прямоугольной системе, по единому принципу (все улицы взаимно перпендикулярны), но наиболее сложен по схеме. Два уездных города занимают приблизительно равную территорию и имеют почти одинаковые прямоугольные кварталы. Но в прибрежной части Елабуги отсутствует прямоугольная сетка улиц, некоторая прихотливость в рисунке плана отвечает изгибу реки, направлению линий берега. План демонстрирует искания автора, стремление сочетать геометрическую правильность рисунка с живописной мягкостью рельефа.

В XIX в. с увеличением населения город продолжал расти, сохраняя при этом планировочные модули кварталов и улиц, а также место общественного центра. Но, как известно из документов, строительство домов не везде велось по правильным линиям, часто дома теснились друг к другу [13], а потому возникла необходимость составления нового плана. О дальнейшей эволюции планировки свидетельствует чертеж, хранящийся в фондах Главного управления почт и телеграфов МВД, где отмечены все существующие к тому времени кварталы и предполагаемые постройки.

Рост промышленности в Прикамье в начале XX в. отмечен увеличением числа предприятий, что повлекло приток населения. Этот процесс повлиял на пространственную структуру города. Если в 1896 г. в Елабуге насчитывалось около 7 тысяч жителей, то к 1913 г. население увеличилось в два раза [26, с. 557]. Промышленных предприятий действовало 15, в торговом отношении Елабуга славилась как одна из крупнейших пристаней на Каме. По благоустройству город занимал видное место в ряде уездных городов, здесь имелся водопровод и электричество [там же].

Съемка 1913 г. из фондов страхового общества Русь фиксирует интенсивный рост города. Застройка остается регулярной и разреженной, но значительно расширились границы во всех направлениях вдоль реки Тоймы.

В заключении можно отметить некоторые общие черты, свойственные планировочным решениям городов Вятской губернии. Планы губернского и уездных городов схожи регулярностью планировки с правильной сеткой улиц и площадей, делятся на центральные районы и предместья. В первых перспективных планах наблюдается стремление к компактности и четкости городских границ, в центре города группировалась ад-

министративные, культовые и жилые здания обеспеченных горожан. В XIX в. продолжают развиваться градостроительные принципы XVIII в., но четче выявляется композиционная ось города в виде главной улицы или площади. Эстетически выразительнее становится городской центр как ядро города. Хотя застройка в городах остается разреженной, все же плотность центральных районов повышается, появляются слободки, присоединяются новые кварталы к уже существующей схеме улиц. Палитра планировочных решений была разнообразной. Создатели планов внимательно подходили к каждому городу, учитывая местные особенности (расположение церквей, рельеф местности, ориентацию города к реке и т. д.). Несмотря на развитие в XVIII–XIX вв. в русской архитектуре принципов типизации, связанных с застройкой домами по образцовым проектам, одинаковых городов на территории Вятской губернии не существовало. Большинство «конфирмованных» планов выдержало проверку временем. Прямые как стрелы, центральные улицы и в наши дни образуют костяк города и связывают его центр с окраинами.

Планы городских поселений дают возможность проследить постепенное изменение застройки, что является важным для реставрации и сохранения исторического облика городов бывшей Вятской губернии.

Библиографический список

1. Андреева Е.А. Неизвестная постройка В.А. Шретера // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 4. С. 32–35.
2. Высочайше конфирмованный план города Глазова Вятской губернии 1784 г. // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 330.
3. Высочайше конфирмованный план города Сарапула Вятской губернии 1784 г. // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 338.
4. Вятская губерния. План города Глазова 1854 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 19.
5. Вятская губерния. План города Сарапула // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1699.
6. Вятская губерния. План города Сарапула. 1784 // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 49.
7. Вятская губерния. План г. Сарапула 1812 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 52.
8. Вятская губерния. План города Сарапула. 1845 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 53.
9. Геометрический план новоутвержденного Вятского наместничества села Глазова назначенного быть городом с показанием старого и вновь прожектированного строения 1780 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 23.
10. Геометрический план провинциального города Хлынова, назначенного быть губернским городом в новоназначенном Вятском наместничестве с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 45.

11. Геометрический план села Елабуги назначенного быть городом с показанием в оном старого и вновь прожектированного строения. 1780 // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 24.
12. Геометрический план села Сарапула назначенного быть городом с показанием старого и вновь прожектированного строения. 1780 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 34.
13. Об утверждении проектного плана для г. Елабуги Вятской губернии 1848 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 234. Л. 3.
14. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. II. 1772 г. СПб., 1778. С. 45–50.
15. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870. С. 117.
16. Песковский М. Живописная Россия. Т. VIII. Ч. II. СПб., 1901. С. 94.
17. План города Вятки с показанием на оном высочайше конфирмованного проекта. 1784 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4.
18. План города Глазова. Съёмка 1873 и 1898 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 21.
19. План города Елабуги 1784 // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 331.
20. План губернского города Вятки 1812 г. // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 328.
21. План и статистические сведения о г. Елабуга Вятской губернии 1909 г. // РГИА. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 139.
22. План и статистические сведения о г. Сарапуле Вятской губернии. 1904–1913 // РГИА. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 165.
23. Прошение общества г. Сарапула Вятской губернии о сохранении домов, назначенных к ломке во утверждение нового плана города 1843–1845 // РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1103. Л. 2–7.
24. Рычков П.И. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства. 1769 и 1770 год. СПб., 1770.
25. Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. Т. 4. Л., 1955.
26. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914.
27. Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки. Киров, 1976.

Т.В. Антонова

Из истории первого русского издания собрания сочинений Ф. Лассалья

Статья посвящена противоборству петербургского книгоиздателя Н.П. Полякова с цензурным ведомством Российской империи за возможность познакомить соотечественников с наиболее значительными трудами Ф. Лассалья. Рассматриваются мотивы и методы преследования цензурой и полицией первого и второго томов русского перевода «Собрания сочинений» Ф. Лассалья. Раскрывается отношение общества к этому изданию, к имени и произведениям Ф. Лассалья.

Ключевые слова: русское издание сочинений Ф. Лассалья, книгоиздательство Н.П. Полякова, вердикт цензуры, полицейское преследование первого тома «Собрания сочинений» Ф. Лассалья, «акт о сожжении» второго тома «Собрания сочинений» Ф. Лассалья, подпольное распространение сочинений Ф. Лассалья в России, российская печать в первое пореформенное десятилетие.

Труды Фердинанда Лассалья, немецкого социалиста, страстного защитника интересов рабочего сословия, организатора первого в Германии Немецкого рабочего союза, были широко известны в Европе. Однако и при жизни, и после трагической гибели в 1864 г. никто из европейских издателей не предпринял публикацию собрания его сочинений. Инициатива эта принадлежала русскому книгоиздателю Николаю Петровичу Полякову (1843–1905). Ее воплощение не было легким и успешным. Издателю предстояло испытать жесткое противодействие цензурного ведомства. Борьба Полякова за выход в свет первого собрания сочинений Лассалья в русском переводе является ярким примером того положения, в котором оказалась российская столичная печать в первое пореформенное десятилетие. Поэтому представляется важным высветить роль издателя, его усилия, тактику его отношений с чиновниками, от воли которых зависела судьба книги.

Подготовленное в 1870 г. собрание «Сочинений» в двух томах включало опубликованные в оригинале речи и статьи, кроме «Философии Гераклита Темного из Эфеса» и «Системы приобретенных прав», которую (в переводе В.В. Берви-Флеровского) издатель готовил к печати отдельной книгой. В первый том вошли статьи «О сущности конституции», «Программа работников», «Косвенные налоги и положение трудящихся классов», «Что же теперь?», во второй – речи «Три симптома обществен-

ного духа», «Защитительная речь Лассалья в суде ассизов против обвинения в возбуждении граждан к вооружению против королевской власти», «Главный ответ центральному комитету, учрежденному для созвания общего германского рабочего конгресса в Лейпциге», статьи «Политическое завещание Фихте», «Г-н Юлиан Шмидт», «Готгольд-Эфраим Лессинг» и крупное исследование, отразившее влияние на экономическую теорию автора идей Рикардо, Ротбертуса и Маркса, «Капитал и труд» (в оригинале – «Herr Bastiat-Schultze von Delitzsch oder Kapital u. Arbeit» 1864 г. изд.).

Все сочинения Лассалья насыщены обобщениями, которые находили горячий отклик в той среде, где были популярны идеи социального равенства, политической свободы, где сочувствовали работнику и осуждали собственника, где критиковали государство и закон за отчужденность от интересов малообеспеченных слоев населения, за финансовую политику и несправедливое налогообложение. «Всякое привилегированное сословие, – утверждал Лассаль, – непременно старается свалить бремя общественных расходов на угнетенные и неимущие классы каким бы то ни было способом, откровенным или лицемерным, прямым или косвенным» [10, т. 1, с. 3], а также «сделать свой основной принцип господствующим принципом общественных учреждений, наложить на них отпечаток своей особенной привилегии» [там же, с. 144]. В монархическом правлении он видел воплощенный произвол по отношению ко всем гражданским институтам [там же, с. 430–431].

Проповедуя идею социального государства, «социальной республики», Лассаль не являлся сторонником насильственного переворота. Он доказывал, что рациональная реформаторская деятельность, опирающаяся на столь же рациональную программу союза работников, способна изменить экономические отношения. Для обеспечения этих системных перемен должно быть введено всеобщее избирательное право. Поэтому его агитация в рабочих аудиториях была рассчитана на то, чтобы побудить массы к активным действиям (стачкам) не только в защиту своих материальных интересов, принципов справедливого экономического распределения, но и принципа всеобщего избирательного права. Но публичные выступления Лассалья, отличаясь острой полемичностью, яркими метафорами, жесткой иронией в адрес администрации, законодательства, полиции и судопроизводства, воспринимались прусским правительством, а потом и российским, как призывы к революционному насилию. Они нередко давали повод к судебному разбирательству, тюремному заключению, обвинению даже в государственной измене, отчего авторитет Лассалья как лидера немецкого рабочего движения только укреплялся. Вот примеры

агитационной риторики Лассалья: «Внутренний враг, попирающий свободу страны, втрое ненавистнее внешнего; проклят завоеватель, но трижды проклят свой собственный государь, взбунтовавшийся против закона своей страны»; «Вы не люди, вы ни что иное, как товар! Вас истребляют, как зловредных насекомых!»; «Спасайте, спасайте себя от оков обезчеловечивающих вас условий производства, низводящих вас на степень товара!» [10, т. 2, с. 223]; «Когда 89–96 процентов населения поймут, что всеобщее избирательное право есть вопрос желудка, и примутся за него со страстностью голода, будьте уверены, нет такой силы, которая могла устоять против» [там же, с. 252].

10 августа 1870 г. трехтысячный тираж первого тома был отпечатан, представлен в цензурный комитет и, не вызвав претензий со стороны цензора Д.П. Скуратова, 13 августа вышел в свет. «Порадитесь вместе со мною, – писал тогда издатель А.Н. Пыпину, – 1-ый том сочинений Лассалья пропущен цензурой. Комитет просил меня (буквально *просил*) сделать одну только перепечатку: выпустить четыре последние строки на странице 470. Я, разумеется, согласился» [12, с. 113]. Событие, редкое в опыте отношений издателя с цензурой. Причем радовался в тот момент Поляков еще и потому, что в Комитете ему пообещали пропустить второй том, если его содержание «не отличается большею резкостью, чем содержание 1-го тома». И все же Поляков не был убаюкан этой ситуацией. Представив цензуре первый том, «не дожидаясь окончания печатания второго», он, очевидно, рассчитывал на то, что в случае его разрешения появится некоторая гарантия и для второго тома. При одновременном испытании отрицательный отзыв о втором томе, где резкости было больше, погубил бы все издание [там же]. Интуиция подсказывала ему, что экспертиза второго тома может завершиться другим результатом. 14 ноября, на следующий день после представления цензуре второго тома, Поляков писал Пыпину: «Сижу дома и ежеминутно жду приглашения явиться в цензурный комитет: сегодня *второй день* цензурного испытания для II-го тома Лассалья, т.е. именно тот день, в который меня вызовут, если вздумают сделать с Лассалем какое-нибудь свинство» [12, с. 114].

Он не ошибся. 16 ноября тираж книги был арестован в типографии. Отзыв Д.П. Скуратова о втором томе оказался разгромным. «Изданный Н.П. Поляковым и напечатанный в типографии Неклюдова второй том сочинений Лассалья, – писал Скуратов, – может считаться одной из самых ярких публикаций крайней демократической партии, которой Лассаль долгое время был главою и представителем в Германии. Более или менее явно, но всегда с необузданною запальчивостью, помещенные в этом томе статьи стремятся подкопать религиозные верования, принцип собст-

венности и уважение к законной власти» [цит. по: 11, с. 115]. Между тем, цензор признавал, что судебное преследование издателя будет затруднено, т.к. статьи «имеют чисто местный интерес и написаны с точки зрения политического положения Германии» [там же]. Но он все же нашел аргументы против издателя: «Если сам автор извлекает общие социалистические выводы из частных фактов, происходивших в Германии в новейшее время, то и русские читатели, естественно, придут к подобным выводам, на что, очевидно, и рассчитывали как издатель, так и переводчик этой книги...» [цит. по: 11, с. 120]. Кроме того, обвинения Лассалья в «посягательстве» на авторитет веры, собственности и власти вполне корреспондировались с законодательством Российской империи, поскольку касались особо охраняемых сфер. Отсюда Скуратов заключал: «Невозможно, чтобы судебная власть не признала второй том сочинений Лассалья подлежащим уничтожению» [там же].

В конце ноября Поляков пребывал в состоянии крайнего раздражения. Его возмутила рецензия на первый том, опубликованная 29 ноября 1870 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости», редактируемой В.Ф. Коршем. Автор допустил небрежность, назвав издателем книги не Полякова, а переводчика Зайцева. На следующий день Поляков написал большое письмо А.Н. Пыпину с просьбой о содействии в восстановлении истины. «Вранье в рецензии о I-м томе Лассалья, – писал он, – может иметь самые отвратительные последствия для несчастного Зайцева. Он имел, видите, несчастье попасть в список подозрительных для III-го отделения людей и вследствие этого долго не мог добиться позволения уехать за границу.... В издании Лассалья, как Вы знаете, он решительно никакого участия не принимал, а перевел только те статьи, которые я ему поручил перевести; мало того, – он даже смотрит на Лассалья глазами Соколова, который терпеть не мог Лассалья за отношения последнего к социалистам (в особенности к Прудону). Зайцев не хотел даже, чтобы я поставил его имя как переводчика, боясь цензурного скандала с сочинениями Лассалья и вполне уверенный, что этот скандал случится, и согласился на это только после всевозможных уверений с моей стороны, что переводчик ни в коем случае по суду не отвечает. И вдруг этот болван – рецензент “Пет^{ер}бургских вед^{омостей}”, ... приписывает Зайцеву самое дело издания сочинений Лассалья, несмотря на то, что на обертке и на титуле стоит мое имя.... Это черт знает что такое! Если мне и удастся убедить сегодня цензуру, т.е. Петрова, что “Пет^{ер}бургские вед^{омости}”, назвав Зайцева издателем, просто сбrehнули, то что же я стану делать с III-м отделением? Не ехать же мне убеждать в этом Шувалова! А знаете ли, что может Шувалов сделать, узнав из “Пет^{ер}бургских вед^{омостей}”, что я лишь

подставное лицо, а *настоящий-то издатель заарестованного* Лассала Зайцев? Шувалов может приказать Зайцеву воротиться из-за границы, а воротиться *поневоле* для больного и трусливого Зайцева значит чуть ли не буквально умереть. Ведь не сделаться же ему, в самом деле, эмигрантом из-за дурацкого вранья рецензента “Пет<ербургских> вед<омостей>”?» [12, с. 114–116]. Нельзя сомневаться в благородном порыве Полякова нести полную ответственность за свое издание и спасти Зайцева от возможных каверз российской тайной полиции. Но в письме присутствует и другой мотив, побудивший его просить Пыпина переговорить с редакцией газеты.

Немедленное исправление ошибки, по словам Полякова, было из-за некоторых обстоятельств «весьма важно». Что он имел в виду? Ответ на этот вопрос, очевидно, заключен в следующем пояснении: «Я решил просить Вас только потому, что сам не в состоянии сколько-нибудь хладнокровно объясниться с Коршем. Меня до того возмутило бесцеремонное отношение к личности Зайцева рецензента “Петербургских ведомостей”, писавшего притом статью, *наверное зная об аресте II-го тома Лассала* (выделено авт. – Т.А.), что я способен был при объяснении на всякие нелепости» [там же, с. 118]. Издатель понимал, что ошибка публициста могла иметь более неприятные последствия для арестованной книги, чем для пребывавшего во Франции Зайцева. Она возбуждала интригу о теновом издателе Лассала и, таким образом, еще более усугубляла «цензурный скандал» вокруг второго тома, который Поляков еще надеялся спасти. Пыпин поддержал Полякова, и газета В.Ф. Корша 2 декабря 1870 г. известила публику о том, кто являлся действительным издателем русского перевода Лассала.

Тем временем Поляков начал действовать, чтобы спасти второй том. 16 декабря 1870 г. он подал на имя председателя Комитета А.Г. Петрова прошение, в котором выдвинул следующие контраргументы: «Изучив вновь с всевозможным вниманием содержание этого тома, в особенности статью “Капитал и труд”, подавшую, если не ошибаюсь, главный повод к аресту книги, я, кроме резкости некоторых отдельных выражений, не только ничего вредного или преступного во II-м томе сочинений Лассала не нахожу, но, напротив, полагаю, что изданием сочинений этого писателя я приношу обществу весьма существенную пользу. Думаю я это, вот на каких основаниях: Лассаль – писатель, прежде всего, в высшей степени легальный; цель всей его деятельности – предупредить в Западной Европе вообще и, в частности, в Германии кровавое разрешение рабочего вопроса – и средства, которые он прилагает для этого – государственную помощь, государственное вмешательство – вполне

легальны; лучшим доказательством законности теории Лассаля может служить то, что русское правительство, освободив у нас крестьян (то есть огромную массу рабочего народа) с землей и, выдав помещикам за землю ссуды государственными бумагами, исполнило это дело по программе, буквально одинаковой с программой Лассаля» [14, л. 17]. Кроме того, Поляков внушал цензорам мысль о безвредности книги, обращая их внимание на «враждебные отношения Лассаля к писателям социалистическим» [там же], на уважение, с которым он относился «всегда ко всяким явлениям жизни народной, возникшим исторически, например, к личной собственности, к сильной центральной власти» [там же], на «отвращение Лассаля ко всяким насильственным мерам» [там же]. «На Западе, – писал издатель, – рабочие смотрели на Лассаля как на святого, желавшего избавить Германию от потоков крови; люди чистой нравственности, и пользующиеся всеобщим уважением, как например, архиепископ Майнский фон Кеттелер, становились на сторону Лассаля и считали его планы единственным легальным средством избавить Германию от насильственного социального переворота. Для нашего образованного общества чтение сочинений Лассаля было бы, по моему убеждению, особенно полезно: оно убедило бы, что в России рабочего вопроса, в том смысле, как его понимают на Западе, вовсе не существует; что социалистические мечтания об общественных переворотах неисполнимы и вредны, так как подобные перевороты нарушили бы естественное историческое течение народной жизни, что постоянно твердит Лассаль в своих сочинениях. Таким образом, убежденный в пользе, которую принесло бы нашему обществу чтение сочинений Лассаля, я вместе с тем совершенно недоумеваю, какими аргументами могла бы поддерживать прокурорская власть обвинение против изданного мною II-го тома сочинений этого писателя, в случае, если бы цензурный Комитет нашел нужным возбудить судебное преследование» [там же].

Напоминая цензорам о разрешении первого тома сочинений Лассаля, Поляков убеждал их: «Впечатление о втором томе значительно изменилось бы на суде при чтении отрывков из I-го, вышедшего уже в свет тома... Подобное чтение, несомненно, произвело бы впечатление в смысле полной легальности целей и средств Лассаля» [там же]. Наконец, последний довод издателя касался общественной репутации самого цензурного комитета: «Что возбудил бы в публике, знакомой уже по I-му тому с сочинениями Лассаля, процесс против II-го тома? Мне кажется, он произвел бы впечатление в высшей степени неудобное для учреждения, на котором лежит наблюдение за печатным словом в России: публика стала бы говорить, что это учреждение преследует не только

сочинения писателей действительно вредных, но и таких, сочинения которых совершенно легальны, но по форме изложения или по резкости отдельных выражений не нравятся цензуре» [14, л. 17 об.]. Изложив эти «соображения», Поляков просил Комитет: «Не найдет ли он возможным выпустить в свет II-й том сочинений Лассалья без судебного преследования, указав мне те резкие выражения, которые необходимо было бы выпустить» [там же, л. 16–17 об.].

Резоны Полякова не убедили цензоров в безвредности книги. 23 декабря 1870 г. на заседании Комитета было принято решение: «Отказать издателю в просимом», о чем ему сообщили «словесно». В докладе А.Г. Петрова Главному Управлению по делам печати действия Полякова прокомментированы кратко: «Комитет не нашел возможным удовлетворить его прошению» [там же, л. 18]. Аргументы издателя не изменили бы уже определившегося в официальных инстанциях мнения о книге, но игнорирование его позиции было одним из признаков необратимости развивающегося конфликта. 29 декабря 1870 г. в Комитете составили заявление прокурору Судебной палаты с просьбой о возбуждении судебного преследования против Полякова. В нем был усилен акцент на «прегрешениях» Лассалья, следовательно, и русского издателя, в отношении христианской веры, монархической власти и собственности. Многочисленные ссылки на текст книги не обеспечивали «ясного» представления относительно посягательства автора на эти высшие ценности. Русская цензура упрекала его, например, в отсутствии возражения мнению Фихте о том, что «идея наследственности власти незаконна» [там же, л. 13], что авторитет философа он «ставил выше авторитета вселенских соборов» [там же]. Другой упрек касался тактики Лассалья как публичного политика: «Он старается действовать не столько на рассудок и ум, сколько на страсти» [14, л. 15]. Эмоциональные, ироничные реплики в адрес прусских чиновников, его призывы к рабочим «спасать себя» рассматривались как проявление «крайнего» революционаризма. При этом социально-политическая программа Лассалья, его экономическая теория, изложенная в сочинении «Капитал и труд» не анализировались, чтобы не ослабить впечатление о «вреде» книги. Такая избирательность подводила к общему выводу, дополнявшему отзыв Скуратова: «В целом, все статьи этого тома написаны в тоне самых ярких революционных речей, какие когда-либо произносились против установленных властей. Эти статьи в совокупности своей представляют полный курс революционной тактики, искусство унижать в глазах народа правительство» [там же, л. 16]. И отсюда – просьба к прокурору: «Книга эта должна быть признана вредною и уничтожена» [там же, л. 17 об.].

Тогда же высшая администрация поставила вопрос и о первом томе «Сочинений» Лассалья. В ведомственной переписке обсуждались возможные способы его изъятия из книжных магазинов, лавок, публичных библиотек и кабинетов для чтения: «Или возбудить против издателя судебное преследование, так как годовой срок не истек, и просить прокурора о наложении ареста на книгу» [13, л. 19], или «войти в добровольное соглашение с книгопродавцами об изъятии с вознаграждением в 2 р. за экземпляр, так как цена за обе части назначена 4 р.» [там же]. При этом подчеркивалось, что «правительство должно предпочесть первый способ, как вполне легальный» [13, л. 19–20]. Для министра А.Е. Тимашева такой дилеммы не существовало, поскольку он нашел тогда первый том «Сочинений» Ф. Лассалья «весьма вредным» [там же, л. 21] и потребовал «немедленно возбудить судебное преследование, а книгу арестовать» [там же]. Для исполнения этого предписания была организована повторная экспертиза разрешенной и уже выпущенной в свет книги. В новом отзыве цензура обратила внимание на личность Лассалья, «одного из самых крайних революционеров в Германии, соединившим необычайную энергию с замечательным общим образованием и специальными познаниями в политической экономии» [13, л. 28], на то, что вся его жизнь «протекала в непрерывной борьбе с правительством» [там же]. Вина русского издателя определялась так: «Нельзя притом оправдать издателя тем, что Лассаль в большей части своих сочинений обращается к немецким рабочим. Деятельность его двоякая: писателя и агитатора. Если бы Лассаль ограничился печатанием своих политико-экономических сочинений, то и тогда была бы несомненная опасность распространения вредных социальных тенденций между русскими читателями. Но вредные последствия изложенных в них мыслей без сомнения усиливаются от того, что в них показано, каким образом они применялись бы в Германии на практике» [13, л. 31]. С точки зрения цензоров, вина издателя заключалась в том, что «все собранные им брошюры написаны в тоне крайнего революционного фанатизма» [там же]. «Если последователи и *издатели* (выделено авт. – Т.А.) сочинений Лассалья уверят рабочие классы, что высшие всегда грабили низших, что все богатство есть плод этого грабежа» [там же, л. 28], то они тем самым подтолкнут их к революции. Заключительный вывод гласил: «<В книге> под прикрытием имени иностранного автора и внешнего вида статей, не имеющих прямого отношения к России, и ее внутреннему устройству, проводятся принципы, с ним не совместимые» [там же, л. 36]. Автор, подчеркивалось в документе, насаждая «ложное понятие» о собственности, «заставляет рабочего ненавидеть в капиталисте виновника своего бедственного положения. Все

средства находит он пригодными. Одобряет стачки рабочих как средство агитации, способное устранить правительство, предлагает обращаться к правительству массами для вымогательства у него удовлетворения своим потребностям» [13, л. 37 об. – 38 об.].

Вместе с тем, цензоры признавали, что Лассаль не являлся «коммунистом в том смысле, в каком это понимали французские утописты» [там же, л. 39], что в его речах доминировала мысль о «всеобщем избирательном праве и финансовых мерах» [там же] как ожидаемых от прусского правительства уступках, что он агитировал рабочих не свергать власть, а «вымогать» стачками «у правительства и имущих классов» [там же] эти уступки. Но поскольку такая констатация не могла стать серьезным основанием для преследования книги и издателя, цензурный комитет убеждал прокурора в том, что все это маскировало революционный подтекст политических и социальных программ Лассаля. Поэтому заявление о необходимости возбуждения судебного преследования прозвучало грозно: «За одобрение воспрещенных законом действий, каковы стачки рабочих и стремление волновать народные массы» (ст. 1035 «Уложения о наказаниях»); «за возбуждении ненависти и вражды в одном сословии против другого» (ст. 1036), «с приложением к самой книге, пропитанной революционным направлением, статьи 1045 об уничтожении оной» [там же]. Кроме того, в документе содержалась просьба прокурору «наложить арест на экземпляры первого тома» [там же], чтобы закрепить судебным решением предписание министра. Однако прокуратура не санкционировала арест первого тома и не возбудила судебный процесс за издание второго тома, не обнаружив доказательств вины издателя. Хотя ее позиция не была заявлена официально, Полякову, она, очевидно, стала известна. В июле 1871 г. в письме к А.Н. Пыпину он заметил: «Вести, полученные мной о Лассале, пока (выделено в документе. – Т.А.) довольно благоприятны» [12, с. 121]. Тогда еще действовал закон о судебной юрисдикции печати, и Поляков мог предположить, что в случае с Лассалем отказ Судебной палаты поддержать обвинение станет сигналом для администрации, и издание будет разблокировано. Может быть, он рассчитывал и на судебный процесс. Хорошо осведомленный в делах Полякова Н.Ф. Даниельсон 30 августа 1871 г. сообщал К. Марксу: «В настоящее время предстоят еще несколько, но не менее значительных политических процессов, в том числе процесс по поводу русского издания сочинений Лассаля» [9, с. 211].

Но все сложилось иначе. Возникла длительная пауза в развитии этого дела. Только в мае 1872 г. А.Г. Петров докладывал Главному Управлению по делам печати «о затруднениях, встреченных по предмету исполнения требования относительно возбуждения судебного преследования против

издателя II тома «Сочинений» Лассалья» [13, л. 46 об.]. В июле 1872 г. М.Н. Лонгинов запросил прокурора Судебной палаты А.А. Половцова: «Наложены ли арест на 1 том <ом> Сочинений Лассалья, какое число экземпляров арестовано и где эти экземпляры находятся?» [там же, л. 65]. Прокурор уведомлял начальника Главного Управления по делам печати, «что ареста на 1-й том «Сочинений» Лассалья налагаемо не было» [там же, л. 66]. Эти факты закрепляют представление о существенных расхождениях в оценке издания судебной властью и властью административной. Но сами по себе они никак не повлияли на судьбу издания. Переломить категоричные обвинения цензурного ведомства можно было только судебным решением и только до 7 июня 1872 г., когда законодательство еще не позволяло уничтожить «вредную» книгу без санкции суда.

25 июля 1872 г. Министерство внутренних дел, в соответствии с новым законом, представило в Комитет министров записку об одновременном запрещении двух томов «Сочинений» Лассалья. Документ был рассчитан на то, чтобы убедить господ министров в опасности распространения сочинений Лассалья в России: «Нельзя не признать в них подробной программы той революции, практическая попытка которой выразилась недавно в позорных неистовствах Парижской Коммуны. Хотя по счастливым условиям нашего Отечества, сочинения этого автора не могут иметь на массу наших рабочих того вредного влияния, какое оказали они за границей; но тем не менее, как нельзя более, способны содействовать к извращению здравых понятий в среде неопытной молодежи. В этом смысле самый перевод этой книги есть явление в высшей степени прискорбное, как выражение того политического направления, которому следует, к сожалению, не малая часть нашей литературы и журналистики» [там же, л. 61 об. – 63]. Передавая дело на «благоусмотрение» Комитета министров, Министерство внутренних дел вынесло свой приговор: «Оба тома запретить» [там же, л. 64].

22 августа 1872 г. состоялось «посвященное» Лассалю заседание Комитета министров. Его заключение опиралось на доводы Министерства и признало оба тома «крайне вредными как по общему направлению сочинений Ф. Лассалья, содержащих в себе изложение подробностей теории социально-демократической революции в существующем порядке государственного и общественного строя, так и по отдельным суждениям касательно христианской веры, монархической власти и основных начал собственности» [там же, л. 75]. На этом основании Комитет министров «положил»: изданные Н. Поляковым в переводе В. Зайцева два тома «Сочинений» Ф. Лассалья запретить. Обе книги были приговорены к уничтожению [там же]. Это решение отразилось и на судьбе перевода диссер-

тации Лассалья «Система приобретенных прав». Флеровский вспоминал, как о постигшем его «несчастье», о запрещении этой философской работы Лассалья, перевод которой стоил ему большого труда. Этот факт доказал ему, «до каких крайностей может доходить бесцеремонность власть имущих вследствие предубеждения против известных личностей» [4, с. 142].

Административная власть вынесла общий вердикт в отношении книг, имевших различный статус: первый том уже два года «обращался в публике», а тираж второго, арестованный в типографии, был вполне доступен для кары. Поэтому исполнители постановления Комитета министров, прежде всего, сосредоточились на поиске первого тома. 4 сентября 1872 г. был подписан и отпечатан циркуляр министра внутренних дел об изъятии первого тома. Главное Управление оперативно разослало его по 81 адресу, начальникам шестидесяти одной губернии, одиннадцати областей, трем градоначальникам, Кронштадтскому и Николаевскому военным губернаторам, Войсковому Наказному Атаману Войска Донского, Наместникам Кавказа и Царства Польского, управляющему Иррегулярными войсками. От них требовалось: «Сделать распоряжение о конфискации и уничтожении экземпляров означенной книги, кои окажутся в продаже, в книжных магазинах и лавках, а равно будут находиться в публичных библиотеках для чтения в вверенной Вам губернии» [13, л. 76]. С этого момента начался всероссийский розыск первого тома «Сочинений» Ф. Лассалья.

Однако результаты усилий местной полиции и жандармерии не были впечатляющими. За четыре года Главное Управление по делам печати получило доклады от начальников 52 административных территорий, включая Санкт-Петербург и Москву. Из трехтысячного тиража обнаружили 44 экземпляра, при этом 19 из них – в столицах империи. В С.-Петербурге полицейское наблюдение за книжной торговлей еще до решения Комитета министров установило наличие первого тома в магазине Кожанчикова, а в Москве – в магазине Салаева «в достаточном количестве». Но ко времени изъятия в августе 1872 г. у Кожанчикова остался только один экземпляр, 5 книг нашли в «Русской книжной торговле», «в магазинах Попова, Хижевской и в ларях Ефимова и Лазарева по 1 экземпляру» [там же, л. 71–73]. В итоге в Санкт-Петербурге конфисковали 10 экземпляров первого тома. В Москве были изъяты 9 книг: 4 – в частных библиотеках, 1 – в купеческом клубе и 4 – в книжных магазинах. Причем у Салаева, который в феврале 1871 г. купил у Кожанчикова 70 экземпляров, нашли только один.

Вероятно, ожидание результатов по разыскиванию первого тома заставляло высшую администрацию отложить почти на два месяца унич-

тожение в Петербурге тиража второго тома. Оно состоялось 30 сентября 1872 г., о чем Главному Управлению докладывал обер-полицмейстер Ф. Трепов. К докладу прилагался подписанный полицейскими акт о сожжении: «Акт 1872 года сентября 30-го дня. На основании Положения Комитета гг. Министров, изъясненного в отношении Главного Управления по делам печати на имя г. Санкт-Петербургского Обер-Полицмейстера, от 5 сего сентября за № 3572, – Полицмейстер 1 Отделения Санкт-Петербургской Полиции Полковник Савельев, приняв из типографии Кронштадтского мещанина Мордуховского (бывшая Неклюдова), помещающейся в 3 участке Казанской части по Офицерской улице в доме под номером 7/14, хранящуюся в оной книгу под заглавием “Сочинения Фердинанда Лассаля. Перевод В. Зайцева. Том II. Издание Н.П. Полякова. СПб. 1870”, опечатанную 16 ноября 1870 года бывшим инспектором типографий 2 участка... в восьмидесяти девяти (89) пачках, заключающих в себе три тысячи (3000) экземпляров с дефектными листами, каждый в 29 и 1/8 печатных листа, доставил таковую в Императорский стеклянный завод 1 участка Александро-Невской части, где означенная книга в присутствии г. и.д. Старшего инспектора типографий и т.п. заведений, надворного советника Малоземова сего 30 сентября (с 9-ти часов утра до 8 часов по полудни) сожжена в количестве 2995 экземпляров. В то же время сожжены пять (5) экземпляров того же сочинения Том I, из числа десяти экземпляров, конфискованных в книжных магазинах и библиотеках Санкт-Петербурга. По пяти экземпляров каждого тома уничтоженного сочинения для представления в Главное Управление по делам печати при сем представляются. Полицмейстер 1 Отделения Санкт-Петербургской Полиции Полковник Савельев, и.д. Старшего инспектора типографий и т.п. заведений, надворный советник Малоземов» [13, л. 105–106]. Аналогия со средневековым аутодафе неизбежна при чтении этой реляции. 29 октября 1872 г. состоялось уничтожение 9 экземпляров первого тома в Москве. К докладу Московского генерал-губернатора также прилагался «Акт» о сожжении книги [там же, л. 129].

На территории 15 губерний и области Войска Донского, в 12 губернских и в 6 уездных городах обнаружили 25 экземпляров первого тома: 21 – в публичных библиотеках, 2 – в купеческих и дворянских клубах, 2 – в книжных магазинах. По показателям «лидировали» Нижний Новгород, Казань и Кронштадт. В Нижнем Новгороде полиции удалось найти по одной книге в магазине Журавлева, в купеческом и дворянском клубах. В Казани два экземпляра изъяли в библиотеке Соловьева и один в библиотеке «при городском общественном управлении». Три экземпляра отыскали в Кронштадтской морской библиотеке. Киевский, Вятский и

Рязанский губернаторы сообщали о конфискации первого тома Лассала из земских и частных библиотек в количестве двух экземпляров. Девять губернаторов (Архангельский, Вологодский, Псковский, Полтавский, Олонецкий, Тамбовский, Харьковский, Орловский) и Атаман Войска Донского докладывали об изъятии одного экземпляра.

По предписанию министерского циркуляра найденную полицией «крамольную» книгу следовало уничтожить. Однако здесь произошел некоторый сбой. Только семь губернаторов (Казанский, Орловский, Вологодский, Вятский, Архангельский, Олонецкий, Тамбовский) и Атаман Войска Донского рапортовали об уничтожении первого тома. Начальники Псковской и Киевской губерний конфискованную книгу не сожгли, а отправили в столицу, в Главное Управление по делам печати. В докладах Харьковского, Нижегородского, Рязанского, Полтавского губернаторов, а также Кронштадтского военного губернатора, сообщается только об одной акции, хотя и в разных выражениях, – «отыскан», «отобран», «найден», «конфискован». Сведений об уничтожении нет. Еще большим диссонансом «духу и букве» постановления Комитета министров отличался доклад Николаевского военного губернатора, командующего Черноморским флотом вице-адмирала Н.А. Аркаса. Известный российский флотоводец информировал Главное Управление о том, что один экземпляр первого тома «Сочинений» Ф. Лассала находится в Севастопольской морской офицерской библиотеке в г. Николаеве, но Комитет директоров библиотек «вошел» к нему «с ходатайством о дозволении оставить в библиотеке названное сочинение с тем, что библиотека обязана будет хранить его отдельно, не выдавая никому для чтения» [13, л. 123]. Очевидно, что инициатива директоров библиотек сохранить книгу была поддержана Н.А. Аркасом.

Резолюция начальника Главного управления М.Н. Лонгинова была лаконичной: «Не представляется возможным удовлетворить ходатайству» [там же, л. 125]. Правда, Лонгинов этим не ограничился и вскоре письменно пояснил николаевскому губернатору мотивы отказа: «Хранение экземпляра этой книги в Севастопольской морской библиотеке не может иметь никакой полезной цели» [там же]. В то же время сам Лонгинов в октябре 1870 г., а до него месяцем ранее Н.В. Варадинов, конфиденциально просили директора Императорской публичной библиотеки А.Ф. Бычкова «о перемещении» экземпляров первого и второго томов «в секретное отделение библиотеки» [13, л. 90, 113]. Практика сохранения «обязательных» экземпляров всех изданий, пропущенных и запрещенных цензурой, была введена еще Николаем I. Чиновники Главного Управления, передавая единичные экземпляры «Сочинений» Лассала в Публичную библио-

теку, действовали в соответствии с установленным порядком. Но такие полномочия были даны только высшей администрации и на периферию империи не распространялись, поэтому военному губернатору Николаева было отказано. Судьба первого тома из Севастопольской морской библиотеки остается неизвестной, поскольку переписка Н.А. Аркаса с Главным Управлением по этому вопросу не возобновилась.

Начальники других 32-х губерний отчитались однотипно: «Экземпляров “Сочинений” Лассалья, т. 1, в книжных магазинах и лавках вверенной мне губернии не оказалось». И это вполне объяснимо, т.к. к 1872 г. первый том в подавляющем большинстве экземпляров был продан. Но рапорты губернаторов создавали впечатление о том, что разыскиваемой правительством книги на подконтрольной им территории нет и не было. Только два губернатора, Курский и Подольский, заявили о распродаже «разным лицам» экземпляров первого тома: в Курске в магазине купца Тюпина – 10; в Каменец-Подольске в книжной лавке купца Литова – 15 [13, л. 91]. В Вятской губернии полиция обнаружила книгу у частных лиц и губернатор спрашивал: «Следует ли отбирать Лассалья у частных лиц?» [там же, л. 103]. Лонгинову пришлось разъяснять, что отбирать издание у них «незаконно и неудобно» [там же, л. 108, 122].

Между тем общественный интерес к сочинениям Лассалья был предугадан и Поляковым, и цензурным ведомством. По информации губернаторов, несмотря на ее лаконичность, можно видеть, что первый том был выписан из Петербурга библиотеками губернских и уездных городов, следовательно, доступен морским офицерам Кронштадта и Севастополя, посетителям купеческих и дворянских клубов, читателям библиотек, принадлежавших «городским общественным собраниям» и земским управам. Любопытные подробности о популярности трудов Лассалья можно узнать из письма Н.Ф. Даниельсона К. Марксу. «Как Вы знаете, – писал Даниельсон, – в русском переводе появились все небольшие брошюры Лассалья. Первый том, выпущенный в количестве 3000 экземпляров, разошелся в два-три месяца, – огромный успех. Второй том не был пропущен цензурой. Небезынтересен тот круг, в котором эти работы вызвали большую симпатию, между прочим, – среди мелких торговцев провинциальных городов. На днях я беседовал с одним из них. Сделав несколько замечаний об основных принципах Лассалья, он воскликнул: “Эта книга должна была бы стать нашим евангелием!”. Этот факт характерен тем, что он не единственный. В другом городе несколько купцов сложились и послали деньги для покупки первого тома, чтобы распространить его в провинции. Особое впечатление в этом кругу производят “Программа работников” и “О сущности конституции”. Поскольку у нас в России сейчас речь идет о замене

подушного налога другим, и так как правительственный проект на чрезвычайных собраниях губернского земства, которым он был передан, в большинстве случаев забаллотирован, ибо земства требовали обязательного привлечения к уплате этого налога всех сословий и введения подоходного налога, то вышеупомянутые купцы предлагают свои собственные проекты; при этом они опираются исключительно на работы Лассаля, и, следовательно, подходят к вопросу гораздо серьезнее. Эти проекты они рассылают в губернские управы. Как Вы легко можете себе представить – да и они это прекрасно понимают – на всем этом лежит печать дилетантизма, отсутствует какая-либо теоретическая разработка, а поэтому они и пытаются пополнить свои познания в этом отношении везде, где это возможно, просят о наставлениях и т.д.» [9, с. 199].

Читатели из другой социальной среды, университетская молодежь, городская интеллигенция, которую увлекали различные социалистические теории, проявили особенный интерес к этому изданию Полякова. Оно отвечало их потребности в «такой науке, которую можно было бы использовать сейчас, в настоящее время, и притом не ради личной выгоды, а на пользу общую, на пользу бедняка» [17, с. 172]. О. Аптекман позднее вспоминал о том, какое впечатление произвел на него Лассаль: «Во всеоружии мощной мысли, в блеске захватывающего слова, в титанической борьбе, впервые во всей красоте и во всем величии встало передо мною рабочее движение на Западе» [3, с. 58]. По словам Н.А. Чарушина, эта книга дала ему возможность «ощутить все значение политической свободы, при которой оказывалась возможной столь яркая агитационная деятельность, как лассалевская, поднимающая самосознание и дух целого обездоленного класса и указующая ему пути для его освобождения... След, оставленный во мне чтением Лассаля, уже никогда не изглаживался; Лассаль помог мне многое уяснить и осмыслить и в области русской действительности, а также и в определении путей, по которым следует направить свою будущую деятельность [18, с. 82–83].

В этой среде на рубеже 1860–70-х гг. было организовано так называемое «книжное дело». Практически во всех российских губерниях действовали кружки самообразования, где будущие активисты народнического движения стремились «многое узнать, многое понять», выработать «себе мировоззрение» [3, с. 31]. Они составляли программы «для систематического чтения» по истории, естествознанию, политической экономии, философии, логике, правоведению. Такие программы рассылались вместе с книгами. Периферийные кружки были связаны с петербургским, возглавляемым М.А. Натансоном и Н.В. Чайковским. Их контакты помогали приобретать нужные книги, «все лучшее, что только возможно было

при тогдашних цензурных условиях» [19, с. 31]. Благодаря денежным уступкам Полякова «чайковцы» получили 2 000 экземпляров первого тома Лассаля, что обеспечило широкое распространение книги силами молодежи [5, с. 228]. П.С. Ивановская вспоминала о подпольной библиотеке-читальне в Туле, где имелись «все изъятые из обращения книги», в том числе и первый том Лассаля [8, с. 151]. Контролер станции Ефремово (Рязско-Вяземской железной дороги) Н.Я. Аникеев, проявляя интерес к рабочему вопросу – любимая тема его разговора – рекомендовал для чтения книгу Лассаля как «хорошую». Свой экземпляр он передал священнику Воскресенскому. Об успешной пропаганде среди рабочих Петербургской и Тверской губерний («рабочие читают и понимают Лассаля») сообщалось в документах дознания А. Квятковского и А. Миртова [6, л. 4 об. – 5].

Преследуя молодежь за революционную пропаганду в империи, полиция во второй половине 1870-х гг. уже имела предписание отбирать Лассаля у частных лиц, а следствие доказывало, по этому и подобным фактам, их причастность к «противоправительственной деятельности». В фонде «вещественных доказательств» Особого Присутствия Правительствующего Сената (ГАРФ) обращает внимание коллекция записных книжек, тетрадей, блокнотов со списками книг, составленных «пропагандистами». Эти списки или каталоги, по сути, и были программами для самообразования. Из 58 выявленных каталогов издания Полякова указаны в 48-и, из них сочинения Лассаля – в 32-х [1; 2]. Они принадлежали членам революционных кружков Петербурга, Москвы, Оренбурга, Вятки, Киева, Ардатовска Нижегородской губернии и др. Любопытно, что составители каталогов неоднократно упоминали не только первый, но и второй том сочинений Лассаля. В списках Клячко, Корниловой, Хохрякова, Бородина, Цакни, Петерсона указаны или отдельные работы Лассаля, вошедшие во второй том, например, «Капитал и труд», или так: «Лассаля. II том» [1]. Из других материалов «Процесса 193-х» узнаем, что жандармы обнаружили у И.И. Гауэнштейна «Часть 2 т <ома> сочинений Лассаля; несколько переписанных из означенной книги статей», что листы второго тома хранила в своем доме сотрудница подпольной типографии в Москве Л.Т. Заруднева [15, с. 123]. В этой типографии в апреле 1874 г. «началось печатание брошюр из I т<ома> и всего II т<ома> соч<инений> Лассаля» [там же]. Вскоре второй том, упакованный в ящики, был отправлен из Москвы в Калугу [16, с. 264, 266]. И.Е. Деникер уточнял, что второй том «ходил по рукам в корректурных оттисках» [цит. по: 1]. А.Н. Петерсон отдавал рабочим Петербурга и пригорода книги для чтения, в том числе оба тома сочинений Лассаля [1].

История первого в России собрания сочинений Ф. Лассалья в издании Н. Полякова сложилась в картину, основное пространство которой принадлежало цензуре. Однако ее усилия по истреблению этого издания все же не привели к тому результату, на который были нацелены. Отказываясь от диалога с издателем, игнорируя его просьбы и готовность к изъятию отдельных мест из второго тома, не реагируя и на позицию прокуратуры, цензурное ведомство два года продержало книгу под арестом. Но уничтожение по постановлению Комитета министров ее тиража и мобилизация административно-полицейского аппарата империи на поиск первого тома, оказались «пирровой» победой. Большинство экземпляров первого тома «Сочинений» Ф. Лассалья были спасены вниманием российского читателя к имени, деятельности и трудам кумира немецких рабочих. Даже сожженный второй том распространялся отдельными брошюрами, оттисками, корректурными листами, подпольными тиражами, подтверждая ту истину, что книги, как и рукописи, не горят.

Библиографический список

1. Антонова Т.В. Издания Н.П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки. 1985. Т. 112 / Под ред. А.М. Самсонова. С. 96–71.
2. Антонова Т.В. Общественно-политическое значение издательской деятельности Н.П. Полякова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
3. Аптекман О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. 2-е испр. изд. Пг., 1924.
4. Берви-Флеровский В.В. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5.
5. Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928.
6. Вещественные доказательства // ГАРФ. Ф. 112. Особое присутствие Правительствующего Сената. 1870–1877. Оп. 2. Д. 138.
7. Воспоминания И.Е. Деникера. С предисловием и примечаниями Ш.М. Левина // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 20–43.
8. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат / Под ред. В.В. Журавлева. М., 1989.
9. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
10. [Лассаль Ф.] Сочинения Ф. Лассалья в двух томах. СПб., 1870.
11. Любимов С.В. Лассаль перед судом русской цензуры // Современник. М., 1923. Кн. II. С. 109–140.
12. Материалы о жизни и деятельности первого издателя «Капитала» К. Маркса в России Николая Петровича Полякова // Исследования и материалы / Гл. ред. Н.М. Сикорский. Сб. 31. М., 1975. С. 109–140.
13. О бесцензурной книге «Сочинения Фердинанда Лассалья. Перевод В.А. Зайцева. Том II. Издание Н. Полякова. 1870» // РГИА. Ф. 776. Главное управление по делам печати. Оп. 4. Д. 472.

14. О бесцензурной книге «Сочинения Фердинанда Лассалья. Т. I. Издание Н. Полякова. 1870» // РГИА. Ф. 777. Санкт-Петербургский цензурный комитет. Оп. 2. Д. 68.
15. Процесс «193-х». М., 1906.
16. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870–1875 / Под ред. Б.С. Итенберга. М., 1964.
17. Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 1–2. М., 1932.
18. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973.
19. Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934.

С.В. Ширяева

Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX вв.

В статье рассматриваются отношение гражданского общества к благотворительности и формирование в Российской империи частных и общественных благотворительных обществ, а также благотворительных государственных учреждений.

Ключевые слова: благотворительность, социальная защита в Российской империи, Императорское Человеколюбивое общество, Общество посещения бедных, Максимилиановская лечебница, Ведомство учреждений Императрицы Марии, воспитательные дома, попечительство Императрицы Марии Федоровны о глухонемых, попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых, Российское Общество Красного Креста.

В начале XIX в. в России начинают проявляться первые попытки объединить разрозненные усилия отдельных благотворителей путем образования союзов и благотворительных обществ. В 1802 г. группа единомышленников в Санкт-Петербурге создает «Филантропическое общество», которое в 1816 г. переименовывается в «Императорское Человеколюбивое общество», деятельность которого распространялась как в столи-

цах, так и в других регионах Российской Империи [6]. Образование еще нескольких благотворительных обществ и отдельных учреждений продолжается в период царствования Александра I [там же].

В 1803 г. в Москве на собственные средства граф Н.П. Шереметев построил значительный по размерам Странноприимный дом на 100 человек, а также при нем больницу на 50 человек. В 1807 г. было основано Виленское человеколюбивое общество. В 1812 г. – Харьковское общество благотворения, а 1822 г. – Дерптское общество помощи.

В целом необходимо отметить, что темпы развития частной благотворительности в России проходили довольно медленно. Это объясняется несколькими причинами. Суть наиболее характерных из них можно понять, проследив эволюцию «Общества посещения бедных в С.-Петербурге». Это общество было учреждено по инициативе графа В.А. Соллогуба и князя В.Ф. Одоевского в 1846 г. Побуждением систематизации благотворительной помощи являлись прогрессивные для того времени идеи по упорядочению и, по возможности, искоренению неразборчивой подачи милостыни. Для достижения поставленной цели общество взяло на вооружение принцип индивидуализации оказываемой помощи, который требовал проведения исследования положения нуждающегося для установления степени и характера нужды. Поэтому данная деятельность осуществлялась членами общества при непосредственном посещении просящего помощь лица.

Конкретные результаты деятельности общества, на практике реализовавшего данный принцип, превзошли ожидания инициаторов, ставивших на первых порах перед собой цель сделать общество посредником между благотворителями и нуждающимися. Это привело к тому, что Санкт-Петербургское «Общество посещения бедных» за довольно короткий промежуток времени с помощью увеличившихся пожертвований расширило сферу своей деятельности, выйдя за рамки первоначальных задач. Оно организовало ряд благотворительных учреждений, в том числе «Максимилиановскую лечебницу», названную так в честь герцога Максимилиана Лейхтенбергского, принявшего звание попечителя Общества. Последующие события привели к его закрытию. Печальным поводом, по словам князя В.Ф. Одоевского, послужили слухи о том, что под покровом благотворительности во многих обществах вынашивались различные политические замыслы и заговоры. Даже в том, что у Общества имелось в наличии более 8 тыс. адресов бедных, усматривалась политическая подоплека. Обывателю того времени было трудно поверить в то, что столько людей, в большинстве своем очень занятых государственной службой, занимались в свое свободное время оказанием помощи бедным [2]. Общество было

заподозрено в политической неблагонадежности и уже в марте 1848 г. оно было присоединено к Императорскому Человеколюбивому Обществу. Однако характерные для последнего бюрократизм и формальное отношение к делу были неприемлемы для деятельности Общества посещения бедных. Первоначально это привело к выходу из его состава многих видных деятелей, а затем и к окончательной его ликвидации в 1855 г.

Более успешное развитие частная благотворительность получила с начала 60-х гг. XIX в. В немалой степени этому содействовало изменение порядка образования благотворительных обществ. До 1862 г. для их утверждения требовалось Высочайшее соизволение, что, несомненно, осложняло порядок их образования. Данная процедура учреждения благотворительных обществ не только обременяла правительство рассмотрением излишних дел, но и вступала, в конечном счете, в противоречие с установками правительства о всеяческом поощрении создания подобных обществ. Последствия этого, явно несовершенного механизма, не могли не отразиться на развитии частной благотворительности в России. К 1862 г. в Российской Империи существовало и функционировало только 6 благотворительных обществ.

С передачей в 1862 г. Министерству внутренних дел права учреждения благотворительных обществ процесс развития частной благотворительности в России приобрел более динамичный и поступательный характер.

В 1897 г. в связи с принятием устава для «Обществ пособия бедным» процедура учреждения благотворительных обществ еще более упростилась. Благотворительные общества, взявшие за основу вышеназванный устав, могли учреждаться губернатором. В 1906 г., после принятия 4 марта новых правил, устанавливался несколько иной порядок учреждения благотворительных обществ. Эта процедура действовала до революции 1917 г.

Российские благотворительные общества и учреждения частной благотворительности находились, в основном, в ведении Министерства внутренних дел. Однако и другие ведомства имели в своем подчинении учреждения, чья деятельность была непосредственно связана с благотворительностью. Прежде всего, сюда следует отнести военное министерство, министерство юстиции, а также духовное ведомство [1, с. 524].

Кроме того, в России существовали самостоятельные благотворительные ведомства, имеющие особую организацию и распространяющие свою деятельность на всей территории России. Важнейшим из них являлось Ведомство учреждений Императрицы Марии. Оно было образовано в 1797 г. после того, как Император Павел I поручил своей супруге императрице Марии Федоровне проявить покровительство и заботу в отношении

Петербургского и Московского Воспитательных Домов [1, с. 510–512]. Благодаря деятельному участию Императрицы влияние и роль в сфере благотворительности данного ведомства были столь значительны, что в его состав в последующем вошли:

- 1) Императорское патриотическое общество, основанное в 1812 г.;
- 2) попечительство Императрицы Марии Федоровны о глухонемых;
- 3) попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых [4, с. 421].

Однако полного слияния данных попечительств не произошло. Каждое из них продолжало осуществлять в рамках своего бюджета ту деятельность, ради которой оно создавалось, но под единым началом.

Ведомство учреждений Императрицы Марии осуществляло собственную деятельность по следующим направлениям.

1. Призрение как незаконнорожденных детей, так и детей, от которых отказались родители. Ежегодно в Петербургский и Московский Воспитательные Дома принимались на попечение более 20 тыс. незаконнорожденных детей и до 500 человек так называемых «отказников». Помимо этого, в округах призревало до 80 тыс. детей, оставшихся на попечении домов до достижения ими 21-летнего возраста. Для получения образования в процессе стационарного содержания детей содержалось более 100 школ. Для детей младенческого возраста в 10 городах России были открыты ясли.

2. Призрение бедных детей. Эта деятельность осуществлялась в приютах, существовавших во многих городах. В них содержалось до 14 тыс. детей. В рамках начальной школы их обучали грамоте и различным ремеслам.

3. Призрение глухонемых. Данный вид благотворительности оказывался в специальном училище. В нем одновременно воспитывалось до 250 детей обоего пола с обучением грамоте и различным ремеслам.

4. Призрение взрослых осуществлялось в 36 богадельных домах. В них ежегодно содержалась до 4 тыс. престарелых, немощных и физически неполноценных лиц обоего пола.

5. Оказание врачебной помощи. Для этого Ведомство учреждений Императрицы Марии содержало 40 больниц с 4 200 кроватями. В них в течение года стационарную медицинскую помощь получали до 24 тыс. больных, а амбулаторную – до 400 тыс. больных.

Из тех благотворительных учреждений в Российской Империи, которые, как указывалось выше, влились в ведомство учреждений Императрицы Марии, особое внимание заслуживает Общество оказания помощи слепым. Оно было создано К.К. Гротом путем преобразования из Глав-

ного Попечительства для пособия нуждающимся семьям воинов, которое было открыто после войны с турками 1877–1878 гг. и получило название «Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых». В 1906 г. попечительство имело в разных регионах России 27 отделений и 6 комитетов. Общее число членов попечительства составляло 7 034 человека, бюджет Попечительства превышал 4 млн рублей.

Деятельность Попечительства реализовывалась в следующих направлениях:

1) устройство и содержание училищ для слепых детей (по данным за 1906 г. таких училищ было 24) [3, с. 421];

2) устройство и содержание работных домов для взрослых слепых и приютов для престарелых слепых (в общей сложности таких заведений было 10);

3) издание специальных книг для слепых с выпуклым шрифтом, с 1898 г. также ежемесячного журнала для слепых «Досуг слепых»;

4) издание специального журнала под названием «Слепец», в котором освещались основные проблемы данной категории призреваемых;

5) реализация комплекса мероприятий, направленных на профилактику и лечение слепоты.

Начиная с 1893 г. на средства Попечительства формировались специальные «глазные» отряды, задачей которых было оказание бесплатной медицинской помощи больным по зрению. Для оказания стационарной помощи попечительство имело 16 глазных больниц, 70 пунктов помощи, а также оплачивало лечение больных в больницах других ведомств. В результате столь разветвленной сети в отрядах, больницах и пунктах помощи ежегодно обслуживалось до 190 тыс. больных и производилось до 50 тыс. операций.

Вторым по значимости в ряду благотворительных обществ являлось Императорское Человеколюбивое общество. Пример Императорского Человеколюбивого общества интересен, прежде всего, тем, что оно удачно сочетало в себе начала общественной и частной благотворительности. Его учреждение образовывалось по специальному правительственному постановлению, в котором, помимо самого факта его создания, прописывалась также и его структура. Однако на этом государственное влияние на данное общество заканчивается.

Деятельность указанного Общества была направлена на устройство благотворительных заведений с целью:

1) призрения нетрудоспособных нищих;

2) предоставления оказавшимся в нужде трудоспособным лицам необходимой работы с последующим снабжением их всем необходимым для

этого, а также обеспечение реализация плодов их труда с выплатой вознаграждения;

3) воспитания оставшихся без родителей детей, а также тех из них, чьи родители не могли их содержать.

К началу XX в. Императорское Человеколюбивое общество располагало в обеих столицах и 25 других населенных пунктах Российской Империи 210 благотворительными заведениями [4, с. 421]. Уже через 5 лет общее количество благотворительных заведений увеличилось более чем на 20% и достигло 257. Из них: 69 учебно-воспитательных, 73 богадельни, 36 заведений бесплатных и дешевых квартир, 3 ночлежных приюта, 9 народных столовых, 4 швейных мастерских, 29 комитетов общества, 27 медицинских учреждений и других. На содержание всех благотворительных заведений Общества, в которых в течение года получало помощь более 200 тыс. бедных, ежегодно расходовалось более 1,5 млн рублей. В 1902 г., в год столетия существования Общества, оно располагало средствами в размере около 24 млн рублей, из которых более 16 млн рублей приходилось на недвижимость Общества. Со времени образования в 1816 г. Совета Общества и до 1902 г. в его распоряжение на дела благотворительности поступило, кроме недвижимости, около 65 млн рублей. Израсходовано было за этот же период на нужды нуждающихся около 60 млн рублей, а его помощью в общей сложности воспользовалось около 6 млн человек.

Не менее значимая роль в реализации задач благотворительности в Российской Империи отводилась Российскому Обществу Красного Креста. Создание данного общества явилось следствием присоединения Российской Империи к Женевской конвенции 1864 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» [5, с. 37]. По конвенции больные и раненые воины, к какой бы они национальности ни принадлежали, пользуются покровительством и помощью Красного Креста. В мае 1867 г. в Петербурге учреждается «Общество попечения о больных и раненых воинах», которое затем переименовывается в «Общество Красного Креста под покровительством Императрицы Марии Александровны». В первые годы существования деятельность Общества не выходила за рамки реализации мероприятий по оказанию помощи пострадавшим на войне, но затем, благодаря щедрым пожертвованиям, оно расширило круг решаемых задач, внося в них и оказание помощи лицам, которые пострадали в результате различных бедствий. Много раз оно приходило на помощь погорельцам, организовывало помощь в случаях эпидемий, наводнений; неоднократно оказывало помощь переселенцам, пострадавшим от неурожая и т.д. Значительной была помощь Красного Креста в

неурожайные для России годы (1891–1892, 1898, 1906–1907), а также в период эпидемии холеры 1892–1893 гг.

Общество Красного Креста, действуя под руководством Главного управления и являясь полностью самостоятельным благотворительным учреждением, имело достаточно разветвленную структуру: 6 окружных и 80 местных управлений; 187 местных комитетов; 65 общин сестер милосердия; 2 общежития для сестер; 2 учреждения для фельдшерниц; 2 убежища для бывших сестер милосердия; 3 инвалидных дома, несколько лечебниц, приютов и т.п. учреждений. Всего к началу XX в. Российское Общество Красного Креста располагало приблизительно 400 учреждениями [4, с. 421]. Бюджет общества составлял свыше 9 млн рублей (в том числе 4,5 млн рублей резервного капитала на случай военного времени).

Не менее важным самостоятельным благотворительным учреждением являлось Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, состоявшее под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны. Оно было создано именным указом 1 сентября 1895 г. в целях поддержания и дальнейшего развития учреждений трудовой помощи бедным, «тем из терпящих крайнюю нужду, которые тщетно ищут себе заработка и приюта». В 1905 г. оно было переименовано в Попечительство о трудовой помощи.

Необходимо отметить, что на уровне законодательных проработок вопрос о трудовой помощи в России рассматривался еще в 1775 г. «Устав об общественном призрении» содержал ряд положений, которые предусматривали создание «работных домов», которые по существу и являлись домами трудолюбия. Работные дома предоставляли возможность трудоспособной части неимущих лиц своим трудом обеспечить себя и семью средствами к существованию. Услугами этих учреждений могли воспользоваться трудоспособные нищие обоего пола, как по собственному желанию, так и без такового. В последнем случае они направлялись либо на основании распоряжения местного начальства (для лиц без определенного места жительства), либо по распоряжению местной полиции (для лиц, задержанных во время прошения милостыни). Помимо работы, находящимся в работных домах лицам предоставлялся ночлег в имеющихся при них ночлежных приютах, а в зависимости от качества и объема труда – пища, одежда или деньги. Мужчины и женщины в них содержались отдельно [9].

Развитие сети домов трудолюбия, вследствие весьма удачной формы оказания помощи неимущим, шло быстрыми темпами. Если в октябре 1896 г. их насчитывалось 48, то через 2 года – уже 175, а в последующем планировалось открыть еще 63 [4, с. 421].

Зимой потребность в домах трудолюбия возрастала. Это объяснялось желанием нуждающихся людей в холодное время года обрести крышу над головой. От общего числа находящихся в домах трудолюбия 35,6% составляли мужчины, женщины – 32,2%, остальная доля приходилось на детей. Их присутствие нередко изменяло назначение дома. Например, в 5 домах трудолюбия были открыты небольшие школы для начального обучения, не предусмотренные ни уставом, ни правилами. Благодаря этим школам 77 детей из 661 получили начальное образование, а сами дома трудолюбия приняли вид благотворительных заведений, образовавших особую группу детских домов [8, с. 349].

Главной задачей домов трудолюбия являлось предоставление людям, не имевшим работы, возможности поддержать свое существование общественно-полезным трудом.

При непосредственном содействии Попечительства о трудовой помощи были учреждены Ольгинские детские приюты, также ставившие перед собой задачу профессионального обучения нуждающихся детей.

В 1899 г. Попечительство впервые приняло участие в судьбах пострадавших от неурожая людей, послав в приволжские губернии два специальных отряда. В их задачи входило: а) организация на местах общественных работ; б) оказание помощи кустарям; в) устройство яслей для детей. Удачный опыт, получивший широкое распространение в Казанской, Вятской и Сибирской губерниях, был повторен в следующие годы на юге России.

Наиболее широкое применение трудовая помощь получила в неурожайных губерниях в 1905–1907 гг., когда Правительством России в распоряжение Попечительства были предоставлены значительные суммы. С конца 1905 г. по начало 1907 г. на организацию общественных работ в неурожайных губерниях было израсходовано более 2 млн рублей.

Во главе Попечительства о трудовой помощи находился Комитет из десяти членов под личным председательством Императрицы Александры Федоровны. К 1 октября 1907 г. Попечительство располагало капиталом в размере более 1,4 млн рублей. В целях популяризации идей общественного призрения, благотворительности и разработки наиболее оптимальной модели трудовой помощи бедным с конца 1897 г. Попечительство приступило к изданию журнала «Трудовая помощь». Помимо этого, при Попечительстве была создана тематическая библиотека, фонды которой располагали различными изданиями на русском и иностранных языках по проблемам общественного призрения, благотворительности и связанными с ними иными социальными вопросами. Осознавая острую необходимость в дальнейшем увеличении фонда библиотеки по проблематике

деятельности Попечительства, Императрица Александра Федоровна из собственных средств выделила 50 тыс. рублей для оплаты последующих поступлений книг. Кроме того, ею был создан специальный фонд в размере 70 тыс. рублей, выплаты по процентам с которого предполагалось использовать в качестве премиального фонда тем, кто занимался переводом на русский язык сочинений по вопросам призрения бедных, благотворительности и мероприятий, направленных на улучшение условий труда и быта нуждающихся. Премия присуждалась Комитетом Попечительства один раз в три года (большая премия в размере 2 000 рублей и три малых – одна в 1 000 рублей и две по 750 рублей). К соисканию премий допускались как сочинения на предложенные Комитетом темы, так и по тематике, избранной самими авторами.

Таким образом, деятельность Попечительства о трудовой помощи осуществлялась по следующим направлениям:

а) материально-финансовое обеспечение (посредством выделения пособий и ссуд) домов трудолюбия, справочных контор, столовых, ночлежных домов, яслей и других подобных учреждений; складов, базаров и выставок, доход с деятельности которых шел на благотворительные цели; учебных мастерских Ольгинских детских приютов;

б) материально-финансовое обеспечение деятельности кустарей и мелких ремесленников (продажа изготавливаемых ими изделий, снабжение материалами, орудиями производства и доступными кредитами);

в) организационно-правовое обеспечение деятельности названных учреждений (разработка примерных уставов, инструкций, рекомендаций по оптимальной организации учреждения);

г) содействие объединению учреждений трудовой помощи и теоретической разработке связанных с этим вопросов;

д) финансирование мероприятий, связанных с ликвидацией последствий различных стихийных бедствий, в том числе и восстановление кустарных промыслов [7, с. 632].

Подводя итог исследованию частной благотворительности в Российской Империи, необходимо заметить, что объективный и всесторонний анализ ее деятельности не всегда возможен по причине отсутствия полной и регулярной статистической регистрации благотворительных обществ и учреждений. В последние годы своего существования Ведомством учреждений Императрицы Марии была проведена работа по обобщению и анализу сведений о русской благотворительности. Опубликованный сборник насчитывал к началу 1899 г. 14 854 благотворительных учреждений. В это число входили как благотворительные общества (7 349), так и благотворительные заведения (7 505). Они имели в своем распоряжении капитал в

405 млн рублей (около 35% этой суммы было вложено в недвижимость). Годовой доход всех русских благотворительных учреждений исчислялся в 59 млн рублей, а общие расходы в 1899 г. составляли 48,5 млн рублей [6].

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Частная благотворительность в Российской Империи к началу XX в. имела значительное распространение. Ее деятельность охватывала практически все направления оказания социальной помощи нуждающимся лицам.

2. Характер частной благотворительности за период ее развития в России эволюционировал в сторону упорядочения процесса оказания помощи нуждающимся. Это явилось результатом переоценки позиции общества в отношении нищенства как социально опасного явления. В результате прошедших перемен стало возможным создание относительно стройной системы учета и контроля персонально оказываемой помощи.

3. Деятельность частных благотворительных организаций в конце XIX – начале XX вв. была направлена не только на оказание помощи лицам, в ней нуждавшимся, но и на создание условий, не допускавших дальнейшего разрастания нищенства за счет его профессионализации.

Библиографический список

1. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1876.
2. Боцяновский В. Князь В.Ф. Одоевский и общество посещения бедных в Санкт-Петербурге // Трудовая помощь. 1899. Апрель-май.
3. Дерюжинскому В.Ф. Полицейское право. СПб., 1908.С. 421.
4. Общественное призрение и благотворительность в России // Россия. Энциклопедический словарь. Репринт изд. Л., 1991. С. 421–423.
5. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. Международный комитет Красного Креста. М., 1994.
6. Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками о благотворительных учреждениях в Санкт-Петербурге и Москве. СПб., 1899.
7. Сборник узаконений и распоряжений правительства. Отдел 1. СПб., 1906. № 10. С. 632.
8. Трудовая помощь, ее основания, задачи и важнейшие формы // Трудовая помощь. 1898. № 11. С. 349.
9. Устав общественного призрения. Ст. ст. 291–298 // Свод Законов Российской империи. Т. XIII. 1892.

А.В. Мамаев

Переход московского городского самоуправления под контроль большевиков (конец 1917 – начало 1918 гг.)

В статье рассматривается вопрос о том, как большевики в конце 1917 – начале 1918 гг. смогли взять под контроль самоуправление Москвы, изучаются первые шаги новой власти в управлении муниципалитетом, исследуются их действия по трансформации системы управления городом. На основе архивных материалов, прессы, а также воспоминаний муниципальных деятелей-большевиков автор делает вывод, что радикальные социалисты отказались от думской модели самоуправления из-за обострения борьбы со своими оппонентами, неготовности идти на компромисс, необходимости централизации управления, общности компетенции органов самоуправления и Советов.

Ключевые слова: история Москвы, московское городское самоуправление в конце 1917 – начале 1918 гг., Советы, революция, большевики, московское городское хозяйство в конце 1917 – начале 1918 гг.

Московское городское самоуправление после прихода к власти большевиков оказалось в сложном положении. Активнейшее участие гордумы в вооруженной борьбе со сторонниками радикальных социалистов в Москве сразу перевело вопрос о судьбе городского самоуправления в политическую плоскость.

5 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет (ВРК) распустил преимущественно эсеровский состав Московской городской думы. Для управления «делами городского хозяйства и самоуправления» 4 ноября временно был создан совет комиссаров, в который вошли Б.С. Вейсброд, М.Ф. Владимирский, А.Я. Никитин, В.А. Обух. В воззвании ВРК от 7 ноября сообщалось, что выборы в Мосгордуму пройдут 26 ноября [1, с. 17; 7, с. 446, 463–464]. Спустя день Московским советом рабочих депутатов был созван Совет районных дум, где был поставлен вопрос о выборе какого-либо временного органа самоуправления вместо распущенной городской думы. Было принято решение о том, что «думу заменяет Совет районных дум, управу – Бюро Совета районных дум» [2, с. 69].

Согласно утвержденной Московской городской думой 10 октября 1917 г. инструкции о районных думах функции Совета представителей

районных дум были весьма узкими: согласование деятельности районных управ, принятие постановлений, которые должны были утверждаться Мосгоруправой. Юридически Совет рабочих депутатов г. Москвы не имел права требовать созыва Совета районных дум, а последний не имел полномочий решать поставленную перед ним и противоречившую действовавшим тогда правовым установлениям задачу формирования органа, заменявшего Московскую городскую думу.

Распорядительный орган – Совет районных дум – был составлен из 39 гласных от 13 районных дум и управ г. Москвы, без представителей еще 4 районных дум [4, с. 83], центральной городской управы и 12 гласных Московской городской думы, как того требовала инструкция от 10 октября 1917 г.

После принятия Советом на себя заведывания всем городским хозяйством представители оппозиционных партий бойкотировали его, в результате чего в члены нового муниципального органа были избраны представители большевистских фракций районов. Товарищ городского головы И.Н. Коварский в заседании распущенной Московской городской думы 22 ноября 1917 г. заявил, что состав Совета районных дум был сформирован только 84 большевиками – членами районных дум из общего числа 750 районных гласных [21, л. 1–4].

Председателем самого Совета районных дум и сформированного им исполнительного органа – Бюро – был избран доктор М.Ф. Владимирский. Заведующим больничным отделом стал доктор Н.А. Семашко, отделом народного образования – бывший помощник члена городской Управы А.И. Пискунов, отделом городских предприятий – инженер П.Н. Мостовенко, отделом социального обеспечения – доктор В.А. Обух, отделами беженцев, городских земель и арендных статей – член районной Управы Н.К. Гончаров, заведующим делами бывшего 8 отделения, ведавшего пожарной командой, милицией, казармами, – председатель Пресненской районной Управы В.М. Лихачёв, заведующим финансовой частью – председатель Петровской районной Управы Е.Л. Афонин, отделом топлива – А.И. Вейсман.

В состав Бюро вошли председатель Сушевско-Марьинской районной управы присяжный поверенный М.В. Камаринец и председатель Калужской районной управы помощник присяжного поверенного И.Б. Фрадкин (Б. Волин), на которых было возложено выполнение специальных поручений и заведование отделом районных управ. Также в Бюро были включены представители Центрального Союза городских рабочих и служащих: В.И. Самарин, Г.А. Пискарёв, А.А. Андрюшин, А.Н. Телешов, А.А. Левит, Н.А. Луданов, Д.Ф. Томкевич. Позднее в

состав бюро вошёл Г.А. Шкловский в качестве помощника заведующего отделом предприятий. Должность секретаря Бюро сохранил бывший секретарь городской управы А.Я. Никитин [2, с. 69; 4, с. 83–84; 20, л. 5–5 об.].

Первоначально структура бывшей Московской городской управы была сохранена. Бюро Совета районных дум провозгласило «широкое проведение демократического принципа – привлечение к самостоятельности муниципальных работников, не ограничивая участия их в городских делах только функциями исполнительными [10, 1917. 8 декабря].

Позднее, в начале марта 1918 г., было решено осуществить децентрализацию управления городскими предприятиями: П.Н. Мостовенко, Г.А. Шкловский, Н.А. Луданов, В.И. Самарин и А.Н. Телешов разделили между собой функции по заведыванию отдельными предприятиями. Наряду с обязанностями секретаря А.Я. Никитину было поручено заведовать отделами смет и расходов, бухгалтерии, личного состава. Вместо выбора одного заместителя председателя Бюро Совета районных дум была установлена очередь дежурств членов Бюро, каждый из которых в течение определенного промежутка времени при необходимости должен был замещать председателя. А 26 марта 1918 г. в целях улучшения организации деятельности на заседании Бюро Совета районных дум было решено сформировать Президиум Бюро, куда были избраны М.Ф. Владимирский, В.А. Обух, А.Я. Никитин, В.М. Лихачёв, Н.К. Гончаров. Президиум и Бюро Совета районных дум должны были собираться по 3 раза в неделю [8, л. 28 об., 30–30 об., 63].

Состав Совета районных дум как органа городского самоуправления и круг его полномочий были сформированы с нарушением существовавших в то время законов и принципов демократизма – чрезвычайным революционным путем, из представителей одной – большевистской – партии, при этом Совет унаследовал от старой управы прежние механизмы управления хозяйством, структуру отделов, их административно-технический персонал. Основной причиной подмены Московской городской думы и управы Советом районных дум были острые политические разногласия между большевиками и более умеренными политическими партиями и общественными силами по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Иной вариант – сохранение старого кадето-эсеро-меньшевистского состава органов самоуправления, активно боровшихся с захватом большевиками государственной власти, – создавал для победивших сил постоянную угрозу потери контроля над крупнейшим центром – Москвой.

Чрезвычайный характер и недемократичный принцип формирования Совета районных дум г. Москвы в условиях слабости позиций больше-

виков и сохранения идеи демократизма как значимой ценности в глазах большей части населения диктовали необходимость скорейшего создания полноценного муниципального органа. Одновременно стояла задача обеспечить лояльность вновь избранных гласных новой большевистской власти.

По постановлению Совета районных дум от 15 ноября 1917 г. была образована городская избирательная комиссия в составе 9 членов: по 3 представителя от Совета районных дум, Совета рабочих и Совета солдатских депутатов. Однако в связи с противодействием со стороны городских служащих – членов избирательного отдела и инструкторов, отсутствием средств на выплату им жалованья – работа по подготовке к выборам продвигалась медленно [11, л. 43, 45–45 об.]. 21 ноября 1917 г. Совет районных дум решил перенести выборы в центральную городскую Думу на 6 декабря [9, л. 2 об.]. На заседании 24 ноября коллегия инструкторов признала проведение выборов невозможным и свое участие в них недопустимым, т.к. «в течение оставшегося до дня выборов срока технически совершенно невозможно, без нарушения самых элементарных прав избирателей, выполнить все необходимые работы по подготовке выборов» [19, 1917. 26 ноября].

По воспоминаниям Б. Волина, члена сформированной большевиками комиссии по выборам, все партии бойкотировали назначенные выборы. Кроме большевиков, список кандидатов в гласные предъявили только «какие-то два общества домовладельцев» [5, с. 106]. В начале декабря 1917 г. Совет районных дум признал новые выборы гласных излишними, заявив, что население считает вполне достаточными сформированные большевиками органы по управлению городскими делами [19, 1917. 5 декабря]. В середине января 1918 г. было заявлено, что выборы в городскую думу на основании всеобщего избирательного права могут быть проведены только тогда, когда закончится борьба социалистов с буржуазией [там же, 1918. 23 января], т.е. формирование полноценных органов городского самоуправления в думской форме и роспуск временного переходного органа – Совета районных дум – откладывались на неопределенный срок. Совместить идеи демократизма и лояльность новой власти не удалось.

Главная задача, стоявшая перед Советом районных дум в первые месяцы его функционирования, – укрепление власти, установление фактического контроля над аппаратом городского самоуправления. После жестоких октябрьских боев в Москве рабочие и низшие служащие городских предприятий и учреждений заявили об отказе признавать существование Московской городской думы и исполнять ее указания [18, 1917.

15 ноября]. Попытки распушенной думы сохранить контроль за финансами города также не увенчались успехом. С начала восстания большевиков поступление платежей в управу прекратилось, возобновившиеся после победы большевиков доходы, например, трамвайная выручка, начали передаваться трамвайными служащими не в управу, а в местные комитеты рабочих и служащих. Все счета муниципалитета были арестованы, оставшиеся в кассе деньги были выплачены рабочим в качестве зарплаты за первую половину октября.

Отсутствие средств, наряду с силовым давлением новой власти и отказом городских рабочих сотрудничать с прежней властью, привело к постепенной потере думой старого состава фактического контроля над всеми предприятиями, муниципальными учреждениями, отделами управы. По данным газеты «Русские ведомости» от 28 декабря 1917 г., под контролем старой управы оставался только врачебный отдел, но и на него большевиками оказывалось сильное воздействие: например, Совет районных Дум требовал, чтобы все ведомости на получение продовольствия для больниц были скреплены подписью комиссара Семашко, что означало бы фактически признание врачами власти Советов [19, 1917. 28 декабря].

Однако значительная часть служащих не приняла власть Совета районных дум и объявила забастовку. Городской голова В.В. Руднев в середине ноября 1917 г. заявил, что всем служащим за время, в течение которого они не работали, будет в полном объеме выплачено жалование, а отправленные ВРК в отставку будут возвращены на свои места [там же. 16 ноября]. Как вспоминал заведующий финансовым отделом, в результате забастовки в канцеляриях городских отделов они «...остались одни при двух вновь приглашенных артельщиках... и при трех-четыре конторщиках» [2, с. 70].

Однако Совет районных дум отказался поддаваться давлению забастовщиков. На них было оказано силовое воздействие (аресты, обыски, суд революционного трибунала, выселение из служебных квартир, лишение наградных, права ездить на передней площадке трамвая [9, л. 3 об.]), а также материальное давление: за выход из забастовки служащим обещались различные льготы, увеличение жалования. Оставшиеся без средств к существованию бастовавшие служащие попытались организовать бюро труда и стали обращаться к общественным учреждениям и частным лицам с просьбой предоставить им работу на период забастовки, просили вносить пожертвования в их поддержку.

В начале 1918 г. власть большевиков в городе укрепилась: роспуск Учредительного собрания прошел без значительных протестов со сторо-

ны населения, старая городская дума и управа окончательно отказались от сопротивления и перестали собираться. Стало очевидно, что дальнейшее ненасильственное противодействие новой власти со стороны муниципальных служащих и остатков городской думы и управы бессмысленно.

В начале февраля 1918 г. собрание городских служащих решило отказаться от политических лозунгов и начать переговоры с большевиками о возобновлении службы [19, 1918. 14 февраля]. Однако теперь Совет районных дум был готов говорить с «саботажниками» только с позиции силы. К началу марта 1918 г. на их месте уже работали поставленные большевиками люди. 11 марта 1918 г. на собрании служащих стачка была объявлена ликвидированной без всяких условий [там же. 12 марта]. Достичь своих целей служащим не удалось, более того, просидев несколько месяцев без жалованья, многие из них в итоге оказались уволенными с городской службы.

В конце 1917 – начале 1918 гг. сформированному изначально на непродолжительный срок Московскому совету районных дум удалось организационно оформиться, укрепить власть в борьбе с городскими служащими и старым составом городской думы и управы, установить контроль над городским хозяйством.

По мере укрепления позиций организованных большевиками органов управления городом на первый план выходили финансовые проблемы. По воспоминаниям Афонина, «мы очутились буквально у разбитого корыта» [2]. В первые месяцы существования Совета районных дум дефицит средств был особенно острым и покрывался за счет экспроприаций из московского отделения Государственного банка и займов у государства. «...Почти каждый день, с различными вариациями, производились выемки по 2–3 миллиона рублей... На одиннадцатом миллионе, кажется, товарищ Пятаков из Петрограда санкционировал нам заем в 20 миллионов рублей, на каковую сумму и выдано нами было векселей с договорным обязательством о процентах и сроке уплаты» [там же], – вспоминал Афонин. Заем из расчета 8% годовых Совет районных дум был обязан вернуть в двухмесячный срок. 22 декабря при помощи Московского губернского комиссара П.К. Штернберга Совету районных дум города Москвы удалось получить из губернского казначейства в счет открытого кредита старой Московской городской думы 1 млн. руб. (500 тыс. рублей были возвращены 3 апреля 1918 г. [8, л. 76 об.]). В конце декабря 1917 г. эти средства закончились, и Совет районных дум вновь прибег к выемкам из Госбанка. Как сообщал Афонин, «все наши выемки из банка и казначейства к 1 января выразились в сумме 38 миллионов рублей» [2, с. 72]. Экспроприации из Госбанка носили вынужденный характер, «...если

бы какому-нибудь трезвому политику пришло на ум предложить другой метод финансирования в тот период времени, то вряд ли нам удалось бы переплыть бурные волны октября... другого выхода не было и его никто не осмелился предлагать» [там же, с. 75], – считал Афонин.

Наиболее актуальным в конце 1917 г. был не только вопрос о том, какие налоги следует ввести для сбалансирования доходов и расходов, но и проблема, как собрать с населения суммы по уже действовавшим налогам. Повышенный 21 ноября 1917 г. с 10 до 20% доходности или с 1 до 2% стоимости, городской оценочный сбор [9, л. 2] первоначально не принес существенных средств, т.к. домовладельцы, лишившиеся по решению советской власти квартирной платы, просто не имели возможности его выплатить. В конечном итоге, сохранив оценочный сбор для оставшихся в частной собственности домовладений, в муниципализированных домах Совет перешел к обложению налогом на недвижимость – жилищным сбором – домовых комитетов, которые стали получать квартплату непосредственно от жильцов, минуя домовладельцев. Жилищный сбор представлял собой определенное процентное отчисление с дохода муниципализированных владений, доходность которых превышала 750 руб. в месяц. Таких владений в Москве насчитывалось около 3 500. Процентное отчисление с таких домов в пользу города зависело от престижности района, в котором оно находилось, от наличия канализации, централизованного отопления, времени года [6, л. 152].

26 января 1918 г. для покрытия расходов Совета районных дум и других советских отделов Московский совет рабочих и солдатских депутатов установил единовременный подоходный налог в размере полного оклада государственного подоходного налога за 1916 г., половину которого необходимо было уплатить в срок до 1 марта, а остаток – до 1 мая [19, 1918. 31 января]. Этот налог ложился тяжким бременем на тех домовладельцев и фабрикантов, которые до Февральской революции имели в связи с войной и жилищным дефицитом большой доход, но к началу 1918 г. его лишились.

В связи с репрессиями постепенно возобновили арендные платежи в городскую кассу различные предприятия и торговые заведения, муниципализированные владения стали платить наемную плату городу. В марте 1918 г. плата за газ была повышена с 10 до 18 руб. за 100 кубических футов, плата за воду – до 6,5 руб. за 1000 ведер [8, л. 36 об., 39], сбор с трактирного промысла, взимаемый с ресторанов, буфетов, гастрономов и меблированных комнат, был увеличен в 5 раз [там же, л. 51 об.].

Для взыскания недоимок по городским сборам в апреле 1918 г. было решено предпринять жесткие меры: при отделе сборов временно созда-

валась особая комиссия, которая должна была выбрать из каждой категории сборов 5–10 наиболее состоятельных недоимщиков, после утверждения комиссией списка к должникам применялись такие меры, как закрытие их заведений, предприятий, конфискация имущества, которое передавалось районным управам или Комитету общественного питания [8, л. 91].

Результаты работы финансово-податного отдела были противоречивыми: расходы Совета районных дум с 12 ноября 1917 по 30 июня 1918 г. превысили собранные доходы более чем в 2 раза. В процессе обсуждения доклада Афонина о положении финансово-податного отдела бывшего Совета районных дум на заседании исполкома Московского Совета рабочих депутатов 13 июля 1918 г. член исполкома Смирнов заявил, что работа финансово-податного отдела кажется ему неудовлетворительной: «Например, из предполагаемого налога в 150 миллионов рублей в кассу поступило только 40 миллионов... Надеяться на безнедоимочный взнос налогов можно, только имея силу в руках. Такой силы у финансово-податного отдела нет» [17, л. 38].

Афонин заметил, что часть расходов муниципалитета была произведена на общегосударственные нужды и поэтому «можно потребовать от центральной власти возмещения расходов» [там же, л. 39], бывший председатель Совета районных дум член президиума Моссовета Владимирский поддержал Афонина, указав, что «ни один город, ни один Совет не существует на свои средства, за исключением Моссовета. Нигде налоговая система не развита так, как в Москве... что касается дефицита, то все города еще до революции работали с дефицитом» [там же, л. 40–41].

Несмотря на плачевное положение, финансовому отделу Совета районных дум сравнительно быстро удалось возобновить взимание налогов. После Октябрьской революции появилось гораздо больше возможностей для расширения налоговой базы, в т.ч. на основе решений местных советов. В телеграмме СНК о субсидировании местных советов отмечалось, что, т.к. советы в качестве власти на местах обладают и налоговыми правами, они должны финансироваться путем введения местных налогов [3, 1917, № 1. 27 декабря. С. 9].

Например, не предусматривавшийся в законодательстве дооктябрьского периода единовременный городской подоходный налог должен был дать Москве существенную сумму: около 150 млн. руб., т.е. больше, чем вся сумма доходов, которую в начале 1917 г. Московская городская дума предполагала получить в свое распоряжение за год, однако показатели собираемости налогов, несмотря на предпринятые жесткие меры, были низкими. В то же время усилилась финансовая поддержка Москвы со сто-

роны центральной власти, не заинтересованной в финансовом коллапсе московского городского управления.

После укрепления позиций Совета районных дум в борьбе с бастовавшими служащими и появления финансовых средств постепенно стало налаживаться функционирование городского хозяйства. Одним из наиболее важных отделов, начавших свою деятельность в ноябре – декабре 1917 г., был отдел городских предприятий. Большевик Мостовенко, который получил в заведование этот отдел, отмечал «громадное переполнение предприятий служащими и рабочими. В некоторых службах управские доклады констатировали переполнение в 2,5 раза против самых либеральных норм...» [7, л. 158], «пестроту в области зарплаты и других профессиональных условий труда» [там же, л. 160].

Основными направлениями работы отдела стала «ликвидация переполнения штатов» [8, л. 22], введение «в определенные рамки всех необычных... прибавок к заработной плате» [там же] и установление «более или менее стройной шкалы расценок отдельных видов и категорий труда» [там же]. Под руководством Мостовенко в отделе был введен более гибкий финансовый аппарат. Сборы и доходы стали поступать в кассу отдельного предприятия, из которой предприятие покрывало свои расходы в рамках сметы.

До середины 1918 г. существенных изменений в положении городских предприятий добиться не удалось. При некотором увеличении выручки трамвая за счет повышения тарифа число вагонов, выходящих на линии, упало с 600 до 500. Запасы топлива не превышали 4–5 дней. Водопровод наладил работу, начали проводиться мероприятия по прокладке новой ветки, строительство железнодорожной линии к водонасосной станции для того, чтобы перевести ее на дрова, хотя топливом водопровод был обеспечен на полгода. Продолжали функционировать канализация и газовый завод [там же, л. 164–166].

В ноябре 1917 г. совместно с Моссоветом Совет районных дум стал проводить активную жилищную политику, взяв на себя руководство организацией домовых комитетов, которые должны были организовываться в каждом домовладении, регулировать взаимоотношения между собственниками домов и квартирными, комнатными жильцами, прислугой, содействовать муниципалитету в деле осуществления его задач [13, л. 16].

29 ноября 1917 г. Президиум Московского совета рабочих и солдатских депутатов издал обязательное постановление о муниципализации недвижимых имуществ, согласно которому управление недвижимостью передавалось в руки домовых комитетов. Наемную плату, раньше отдававшуюся домовладельцам, жильцы должны были вносить в домовые

комитеты, которые получали право оставлять до половины собранной суммы «на покрытие расходов по содержанию недвижимостей» [9, л. 7], а оставшуюся часть – отдавать в кассу Совета районных дум. Таким образом, домовладельцы лишались доходов и отстранялись от управления своими домами. В декабре 1917 г. в целях координации и управления деятельностью домкомов началась организация жилищной комиссии при Совете районных дум, в каждой районной думе формировались районные жилищные советы.

Однако полностью поставить под контроль домовые комитеты не удалось. Одной из наиболее острых проблем того времени была преступность, в связи с чем некоторые домовые комитеты вооружались, организовывали охранные дружины. Это встретило противодействие Моссовета и Совета районных дум, принявших постановления о разоружении домовых организаций и обязательном утверждении районными Советами принятых домкомами и Центродомом решений [там же, л. 10 об.].

В связи с тем, что Совет районных дум был сформирован по инициативе Московского совета, включал в себя видных большевиков, активно действовавших в городском и районных Советах в 1917 г., между новым муниципальным органом и Моссоветом установились особые отношения.

Муниципалитет активно взаимодействовал с Московским советом, совещался с ним по наиболее важным вопросам, боролся с бастовавшими городскими служащими, со спекуляцией товарами, совместно издавались административные постановления, решались финансовые вопросы [там же, л. 3 об., 6 об., 10 об.; 15, л. 38].

Однако в тех случаях, когда Моссовет вмешивался в муниципальную сферу компетенции, Совет районных дум считал важным напомнить о разграничении полномочий между местным самоуправлением и государственной властью, просил Моссовет решать все муниципальные вопросы совместно [9, л. 4, 9 об., 16; 15, л. 41; 17, л. 5].

С середины января 1918 г. центральная власть начинает проводить политику, направленную на слияние муниципалитетов с советами. В то время в правящих кругах сложились две точки зрения на то, как должна измениться модель местного самоуправления. Выразителем мнения левых эсеров и части большевиков был народный комиссар по самоуправлению В.Е. Трутовский, который считал, что в результате вхождения муниципальных органов в состав Советов существо ведения муниципального дела не должно было меняться, должен был поменяться только «тот “законодательный” орган, перед которым ответственен орган исполнительный и весь связанный с ним механизм» [3, 1918. 1 марта. С. 7–8]. Ликвидация Комиссариата самоуправления 20 марта 1918 г. означала

победу в руководстве большевиков второй точки зрения: линии на уничтожение института городского самоуправления в думской форме и растворение муниципального управления в Советах.

Весной 1918 г. происходил процесс слияния Совета и Бюро Совета районных дум и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. На заседании Совета районных дум 18 марта 1918 г. был принят предварительный вариант объединения. Согласно ему после роспуска Совета районных дум для заведывания городским хозяйством должен был быть создан отдел городского хозяйства при Моссовете. Для руководства отделом формировался Совет городского хозяйства из представителей центрального и районных советов, исполнительным органом становилась городская советская управа, члены которой избирались Советом городского хозяйства и включались в состав исполкома Моссовета. Председатель управы входил в президиум Моссовета. На заседании была сформирована комиссия для детальной разработки вопроса о слиянии [8, л. 43].

Переработанный проект кардинально изменился. Если первоначальный вариант в соответствии с идеями, поддержанными Трутовским, сохранял обособленность, автономию муниципального отдела под общим руководством Моссовета, то новый проект предусматривал создание «одной революционной базы местного управления – Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов». Устанавливалось разделение Совета на 17 отделов, причем в их числе не было отдела городского хозяйства. Органы по управлению хозяйством и отдельные муниципальные учреждения должны были быть рассредоточены между советскими отделами местных предприятий, финансово-податным, экономическим, имуществу, культурно-просветительским, благоустройства.

29 марта 1918 г. второй вариант проекта на совместном заседании Совета районных дум и представителей районных советов Москвы был принят незначительным перевесом голосов: 14 против 8 [9, л. 44; 15, л. 66–66 об.]. Принятие проекта означало ликвидацию в Москве дореволюционной модели городского самоуправления. Муниципальное хозяйство поглощалось Советом, лишалось былой обособленности.

Жесткая борьба большевиков с политическими оппонентами, неготовность их идти на компромисс в идейном плане с представителями других партий обусловили невозможность сохранения сложившейся в предшествующий период российской государственности думской модели самоуправления, основанной на принципах автономии от государственной власти, всеобщего избирательного права, бесклассовости, многопартийности. Совет районных дум, который удалось сформировать в Москве, был временным искусственным образованием, которое, в силу случай-

ности состава, не могло стать моделью формирования муниципальных органов в дальнейшем.

Большевики в 1918 г. видели путь к сохранению своей власти и реализации на практике мессианской идеологии через максимальную централизацию и пресечение инакомыслия. Компетенция местных советов, созданных по классовому принципу и ставших опорой новой власти, неизбежно пересекалась с полномочиями городских дум, что предопределило ликвидацию муниципалитетов, сосредоточение функций самоуправления и растворение аппарата управления в Советах.

Библиографический список

1. Алешенко Н. М. Московский Совет в 1917–1941 годах. М., 1976.
2. Афонин Е.Л. В 1917 году // Октябрьское восстание в Москве: сборник документов, статей и воспоминаний. М., 1922.
3. Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. 1917. № 1. 27 декабря. 1918. № 2–29. 8 января – 27 декабря.
4. Владимирский М.Ф. Московские районные думы и Совет районных дум в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 79–122.
5. Волин Б. Вокруг Московской Думы // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 98–106.
6. Доклад о реорганизации отдела жилищного сбора, июнь 1918 г. // ЦГАМ. Ф. 179 (Московские городские дума и управа). Оп. 3. Д. 1425.
7. Доклад П.Н. Мостовенко об организации отдела советских предприятий. Август 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 444.
8. Журналы заседаний Бюро Совета районных дум 22 февраля, 4, 5, 7, 8, 11, 14, 18, 21, 26, 29 марта, 16 апреля 1918 г., Журнал заседания Президиума Бюро Совета районных дум 3 апреля 1918 г. // ЦГАМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14.
9. Журналы заседаний Совета районных дум Москвы от 21, 26 ноября, 1, 11, 15, 29 декабря 1917 г., 7 января, 18 марта 1918 г.; Отношение Бюро Совета районных дум в Моссовет 15 января 1918 г. // ЦГАМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8.
10. Известия Московского совета рабочих депутатов. 1917. № 1–241 (март–декабрь); 1918. № 1–124 (январь–июнь).
11. Отношения Совета районных дум в Моссовет 16 ноября и 5 декабря 1917 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 719.
12. Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве: документы и материалы. М., 1957.
13. Положение о домовых организациях Москвы (октябрь 1917 г., Московское городское самоуправление) // ЦГАМ. Ф. 1364 (Московское бюро совета районных дум). Оп. 1. Д. 5.
14. Постановление президиума Моссовета 28 ноября 1917 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 214.
15. Постановление президиума Моссовета 29 ноября 1917 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 216.
16. Постановления президиума Московского совета рабочих и солдатских депутатов от 6 января 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 51.

17. Протокол заседания Исполкома Московского Совета от 13 июля 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 66 (Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 2. Д. 9.
18. Рабочая жизнь. Орган Центрального Союза местных комитетов служащих и рабочих всех учреждений и предприятий Московского городского общественного управления. 1917. № 2–18 (август-декабрь). 1918. № 1–31 (январь-декабрь).
19. Русские ведомости. 1917. № 1–278 (январь-декабрь). 1918. № 1–46 (январь-март).
20. Справка губкомиссару по управлению Московской губернией «Состав Бюро Совета районных дум» // ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2185.
21. Стенографический отчет заседания Московской городской думы 22 ноября 1917 г. // ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 60. Д. 115.

Е.Ю. Волкова

Католическая церковь в вице-королевстве Перу: этапы и специфика процесса христианизации аборигенного населения Южной Америки в XVI в.

В статье анализируются первые десятилетия становления католической церкви в Новом Свете, этапы и характер влияния католицизма в рамках культурного взаимодействия испанцев и аборигенного населения. Рассматриваются аспекты политической, экономической и духовной деятельности церкви. Особое внимание уделяется специфике процесса христианизации индейцев.

Ключевые слова: конкиста, христианизация индейцев, религиозная политика в Новом свете, индейский приход в XVI в.

С открытием испанцами Нового Света перед папским престолом возник ряд вопросов, затрагивающих разные аспекты взаимоотношений католической церкви и аборигенного населения Южной Америки. Все они требовали политических и организационных решений от Ватикана.

С новыми землями и их населением папская курия познакомилась через отчеты миссионеров. Первыми из католических священнослужителей в Новый Свет прибыли обыкновенные приходские священники, которые служили капелланами на кораблях конкистадоров. Именно они начали вести миссионерскую деятельность на захваченных землях. Но, не готовясь специально к такого рода деятельности, они не оправдали возлагаемых на них надежд, особенно в методах христианизации.

Со следующим этапом конкисты в Испанскую Америку прибыли и представители духовных католических орденов. Первыми появились доминиканцы, следом прибыли францисканцы, а затем августинцы. Монахи этих орденов активно участвовали в конкисте. Их деятельность

имела ряд характерных черт, не свойственных для уже сформированной модели миссионерской работы, опробованной ранее на христианизации мавров и евреев, а также в других колониях Испании. Специфика этих различий заключалась в следующем: у каждого ордена был свой устав и своя политика в вопросах взаимоотношений с местными властями и энкомьендеро (владелец энкомьенды – территории, выделенной «под опеку», население которой обязано выплачивать подати ее владельцу). Также для этого периода характерны постоянные споры о богословии и занимаемой тем или иным орденом позиции по отношению к аборигенам. Были даже зафиксированы случаи церковных судов между францисканцами и доминиканцами. Формируется конкуренция между монашескими орденами, руководство которых понимало стратегическую необходимость в закреплении позиций своей миссии на новых землях. Отсутствие общего для всех миссионерских орденов управляющего органа, а также удаленность от Ватикана лишь способствовали формированию противоречий в интерпретациях указов и булл папы по методам и характеру христианизации местного населения и отношения к аборигенам.

Деятельность орденов делится на несколько этапов. Первый занимает примерно 20 лет с начала конкисты, когда католические монахи создавали в городах миссионерские приходы и церкви, зачастую на фундаменте или в стенах языческих храмов. Эти приходы отряжали нескольких монахов для общения с аборигенами. Они постоянно жили вместе с индейцами, изучали их язык, быт и нравы и, ведя миссионерскую деятельность, особое внимание уделяли детям. Так выросло поколение, владеющее испанским языком и знакомое с христианством настолько, что позже они допускались до участия в богослужениях. Из них были сформированы т.н. «училища». Следующий этап занял примерно такой же период времени и включал в себя распространение такого социального и религиозного института, как индейские приходы. Зачастую к ним прикреплялись энкомьенды (земельные наделы). Но очень важным в истории католической церкви в Новом Свете стал третий этап, переход от индейского прихода к городскому и сельскому и их выход (1560–1570 гг.) из-под юрисдикции монахов. Именно тогда в Новом Свете возникла настоятельная потребность в белом духовенстве.

Распространение приходов и деятельность орденов сопровождается конфронтацией с конкистадорами, а каста энкомьендеро стала их основным оппонентом. Здесь наблюдалось и столкновение экономических интересов – за приходами закреплялась не только земля, а это иногда были огромные площади, но и проживающее на ней население без права ухода. Энкомьендеро теряли земельные наделы и дешевую рабочую

силу. Политический же конфликт заключался в том, что вице-король, пытаясь ослабить власть конкистадоров, проводил политику равновесия между гражданским и военным населением, поддерживая в ряде спорных моментов монахов, в чьих руках был сконцентрирован значительный административный ресурс.

Также осложнилась ситуация и во взаимоотношениях между самими орденами, которую можно охарактеризовать как «гражданскую войну» миссий. Это вызвало беспокойство у властей метрополии, и Ватикан в 1537 г. буллой «*Sublimus Dei*» («Выше Господа») папы Павла III признал «спорные» методы крещения, но призвал к единообразию и согласию [9]. Король Карл V внес запрет на строительство рядом францисканских и доминиканских монастырей и переход индейцев из ордена в орден.

Самым важным конфликтом, породившим противоречия в деятельности церкви в Испанской Америке, стала проблема приходского духовенства и монахов-миссионеров. Как мы выяснили ранее, деятельность миссии в итоге заключалась в создании прихода, чья территория должна была стать епархией, в чем власти видели логическое завершение работы миссионера. В испанских колониях это стало, прежде всего, административной проблемой.

Еще при завоевании Кастилией Канарских островов и Гранады римские папы предоставили короне исключительную власть над церковью на захваченных территориях. Ряд принятых с 1493 по 1510 гг. папами Александром VI и Юлием II булл подтвердил полномочия Мадрида в религиозной политике в Новом Свете. Корона получила право «королевского патроната» (*patronato real*) над всеми священнослужителями, отправляющимися в колонии и на новые земли [10]. Епископы, назначенные из Ватикана, подчинялись королю. В Мадриде при кортесах действовал «Совет по делам Индии», который и утверждал королевскими седулами (указами) все кандидатуры членов отправляющихся в Новый Свет экспедиций. Отдельно утверждались списки миссионеров, отдельно – орденов. Монахам был делегирован ряд полномочий: составление докладов о жестокости и нарушениях указов конкистадорами; решение вопросов, относящихся к сфере компетенции гражданской власти. Епископы также назначались королем, но их отчеты поступали непосредственно папе. Монахам приходилось выполнять ряд не свойственных им функций – это и организация новых приходов, назначение (не рукоположение) туда священников, конфирмация (миропомазание). В связи со сложившейся ситуацией пришлось пересмотреть монашеские обязанности. Так сформировалась система индейских приходов, не подчиняющихся централизованной церковной власти. Этому способствовала и их финансовая

независимость, при которой доходы от энкомьенды шли в приходскую казну, минуя епископов. Главы орденов делали все для сохранения этих привилегий, зафиксированных ранее в папских буллах.

В 1521 г. папа Лев X буллой «*Alias Felices*» («Иначе счастливые») дал полномочия францисканским миссионерам совершать постриги в орден и назначать их глав, если там не было епископа [6]. На расстоянии 40 миль (60 км) от епископской столицы миссионеры обладали всей полнотой власти. 10 мая 1522 г. папа Адриан VI буллой «*Exponi nobis fecisti*» («Пояснения к исполнению»), известной в Испанской Америке под названием «Всемогущая» («*Omnipotens*»), распространил эти права на все монашеские ордена [8]. Папские буллы наделяли монахов орденов правами инквизиторов, они же получали право привлекать к суду и выносить приговоры по обвинению в ереси любому подданному испанского короля, проживающему на вверенной им территории. Такая ситуация не могла продолжаться долго, и в 1555 г. епископы отправили свой первый протест в метрополию. Их основное требование было следующим: чтобы монахи получали разрешение на открытие новых приходов, а затем приглашали туда епископов. Но корона не удовлетворила их требования. Только в 1564 г. папа Пий V вмешался и буллой «*Benedictus Deus*» («Богословен Бог»), основываясь на решениях Тридентского собора (XIX Вселенский собор 1545–1563 гг.), отозвал ряд делегированных полномочий миссионеров [7].

Инквизиция – это одно из наиболее значимых явлений в истории Европы, особенно для католической Испании. Поэтому для анализа истории конкисты важно рассмотреть и деятельность инквизиторов в Новом Свете.

Первыми инквизиторами стали монахи орденов, а с прибытием белого духовенства эти функции выполняли епископы и другие церковные иерархи. Это период т.н. «примитивной эры» в деятельности колониальной инквизиции, завершившийся в 1569 г., когда в Испанской Америке были созданы специальные «священные» трибуналы во главе с особо назначенными короной и папой инквизиторами.

Им было приказано, помимо выявления еретиков, расследовать случаи нежелания перехода индейцев в христианскую веру или их возвращения к язычеству. Но особое внимание уделялось «старым» еретикам, переселенцам из Европы, распространяющим «протестантскую скверну». Зачастую инквизиционный суд защищал политические интересы как духовных, так и гражданских властей.

Деятельность инквизиторов не была регламентирована, а если учесть, что почти все индейцы стали двоеверцами, то и под суд можно было отдать любого. Но истребление аборигенного населения было экономически нецелесообразным: ввоз рабов из Африки был дорогостоящим

предприятием, а потеря такой дешевой рабочей силы, как индейцы, была по карманам не только энкомьендеро, но и самих церковников (приходы и епископаты владели энкомьендой и приписанными к их землям поселениями). Да и сам приговор не мог принести прибыли, т.к. в случае осуждения индейца его обычно приговаривали к смертной казни с конфискацией имущества или к отлучению от церкви. Исходя из экономической ситуации, дабы умерить деятельность инквизиторов, Филипп II декретом от 23 февраля 1575 г. запретил привлекать индейцев к суду по обвинениям в преступлениях против веры [11]. Теперь вопросы отступления индейцев от христианских догматов находились в ведомстве генеральных викариев при епископатах, которых называли также «провизорами». Они были более снисходительны к духовным преступлениям индейцев, ограничиваясь, большей частью, наложением епитимьи.

По ряду экономических соображений инквизицию также мало интересовали и свободные негры, мулаты и самбо (потомки негров и индейцев), большинство из них были рабочими, ремесленниками или слугами как энкомьендеро, так и епископов и самих инквизиторов. Они не имели имущества, которое можно было конфисковать. Но, если требовалось провести показательный суд, а более перспективного обвиняемого выявить не удалось, инквизиторы привлекали к суду и их, как правило, ограничиваясь сравнительно мягкими наказаниями – поркой или ссылкой на галеры.

Более жестокую борьбу инквизиция вела с «новыми христианами» – марранами (иудеями) и морисками (маврами), обращенными в католичество переселенцами из Европы. Часть из них прибыла в колонии непосредственно из Испании. В 1507 г. «новым христианам» за выплату налога в казну разрешили проживание и занятие торговлей в Индиях в течение двух лет, но часто, приехав в Новый Свет, они там и оставались. В 1522 г. специальным указом императора Карла V въезд «новым христианам» в Индию был запрещен [2]. Но переселенцы продолжали прибывать в колонии через Португалию, куда в конце XV в. из Испании бежали многие из них. Въезжая на территорию португальской колонии Бразилия, они оттуда иммигрировали в испанские владения в статусе христиан-«португальцев». Изобличению и поимке этих врагов католической веры инквизиторы уделяли особое внимание.

Самые серьезные меры преследования применялись инквизицией по подозрению в протестантизме. Все переселенцы из тех европейских государств, где была распространена эта ересь, находились на особом контроле у светских и духовных властей: вице-короля и архиепископа.

Тем не менее в первый период истории конкисты в Испанской Америке инквизиция не имела возможностей и ресурсов для масштабного

контроля и преследования противников церкви и веры, как это было в метрополии. Епископы и руководители монашеских орденов в первой половине XVI в. довольствовались контролем лишь на подведомственных им землях. Их больше беспокоили вопросы другого порядка: строительство приходов, укрепление своих политических позиций, сопротивление с конкистадорами, конфликт между орденами за сферы влияния. Оторванность от метрополии и Ватикана освобождали их от контроля над выполнением королевских указов, папских булл и энциклик. Вице-короли и епископы были не в состоянии контролировать деятельность орденов. Стремясь укрепить свое положение и навести порядок в колониях, они отправляли донесения королю, прося официально учредить инквизиционный трибунал. Помимо вопросов веры и властных полномочий, их волновал и экономический аспект. Монашеские ордена присваивали «quinto real» – пятую часть доходов колонии, шестую в королевскую казну.

Так, Франсиско де Толедо, вице-король Перу (1569–1584), жаловался Филиппу II, что не может справиться с монахами и священниками, которые под предлогом обращения в христианство грабят индейцев, что повсюду раздается ропот на королевских чиновников, бродят шайки грабителей, возникают мятежи против королевских властей. «Языки у всех распустились, никто не соблюдает закона и церковных заповедей. Шлите инквизиторов!» – взывал вице-король [12].

Священник Мартинес писал генеральному инквизитору Испании Диего де Эспиносе 23 декабря 1567 г.: «...в королевстве Перу столько свободы для извращения и греха, что если нам Господь Бог не придет на помощь, то опасаемся, что эти провинции станут хуже, чем Германия... Если наш Господь пришлет в это королевство судей священного трибунала инквизиции, то им не справиться с имеющимися многочисленными делами до самого дня последнего суда» [13].

Церковные и светские чины требовали установления в колониях «экстраординарной инквизиции». 25 января 1569 г., с изданием указа об учреждении трибунала в колониях Испании, закончился первый этап деятельности инквизиции [5].

На основании декрета Филиппа II генеральный инквизитор кардинал Эспиноса учредил два трибунала в Испанской Америке – в Лиме и Мехико. Юрисдикция лимского трибунала распространялась, кроме Перу, также на Чили, Ла-Плату и Парагвай. К 1570 г. в Лиме и Куско ожидали решения более ста дел. В Лиму передавались дела из Буэнос-Айреса (за 2 тыс. миль), а также из Сантьяго-де-Чили. Казна инквизиции в Перу пополнялась за счет преследования богатых купцов, их собственность

по решению судов автоматически конфисковалась. 70-е гг. XVI в. стали определенной вехой в процессе формирования католической церкви в Испанской Америке.

Деятельность церкви и инквизиции, в частности, в период конкисты интересна нам как один из факторов взаимовлияния и взаимодействия испанской и аборигенной культур.

Первые миссионеры по ходу евангелизации пришли к выводу, что насильственно обращенные в католическую веру индейцы не отрекаются от своих языческих богов, среди аборигенов широкое распространение получило двоеверие. Францисканский монах Херонимо де Мендиета (1525–1594) отмечает в своей «Церковной истории индейцев», что индейцы хранили изображения Христа среди своих «демонических идолов», и т.к. монахи заставляли их возводить кресты на всех перекрестках дорог, у входа в селения и на некоторых возвышенностях, то они прятали своих идолов под этими крестами и, поклоняясь кресту, в действительности поклонялись спрятанным изображениям демона [4].

Священники пытались вести борьбу с этим явлением. Разрушались или приспособлялись под нужды монахов культурные и религиозные памятники Инкской империи. «Я, – признавался миссионер Франсиско де Авила, участник конкисты в Перу, – сам собственноручно уничтожил свыше 30 тыс. идолов и сжег свыше 3 тыс. мумий, которым поклонялись индейцы» [1].

Важно помнить, что влияние католической церкви определялось не только ее непосредственной деятельностью на территории колонии, но и характером самой религиозной традиции в империи инков. Историк-марксист Хосе Карлос Мариатеги объясняет это так: слившись с социальным и политическим строем инков, их религия не могла пережить инкского государства. Она больше преследовала земные цели, чем цели духовного характера, ее, в первую очередь, интересовало не царство небесное, а царство земное. Поэтому она и являлась скорее религией всего общества, а не отдельного индивида. В результате один и тот же удар нанес смертельную рану и теократии, и теогонии. Если что и осталось в душе индейцев от их религии, так это отнюдь не ее метафизическая концепция, а связанные с сельскохозяйственными работами ритуалы, магия и пантеистические воззрения [3, с. 198–199].

Мариатеги отмечал, что теократический строй Перу покоился на обычной и повседневно ощущаемой силе власти, а не на чудотворной силе какого-то пророка и его слова. Инкское государство и было инкской религией. Когда погибло их государство, погибла и их религия [там же, с. 202–203].

Но некоторые индейские племена, присоединенные инками к империи последними, были не готовы принять идею единого бога, христианские символы веры и догматы, т.к. еще находились на начальных стадиях общественного развития. В итоге их евангелизация ограничивалась только внешними атрибутами, а с уходом монаха-миссионера племя возвращалось к старым верованиям, восприняв и включив в свою повседневность из католицизма лишь элементы таинственной символики и обрядности.

Другие же воспринимали христианство иначе – это были племена, где религиозная политика инков проводилась дольше, ее специфика заключалась в повсеместном распространении на территории государства культа Бога-Солнца и Сапа-Инки как главенствующего в пантеоне и религиозной жизни, не уничтожая при этом местных религиозных традиций. Поэтому процесс христианизации многих племен привел к ситуации, когда аборигены восприняли христианскую религиозную доктрину, как ранее культ империи инков, включив новых богов в свой пантеон. Миссионеры оказались неспособными полностью вытеснить или искоренить прежние верования индейцев.

Таким образом, история конкисты – это не только влияние испанской католической культуры на аборигенную, так же, как и индейской культуры на испанских колонистов. В религиозной сфере это вызвало такое явление как синкретизм – взаимопроникновение верований. Этот феномен определил своеобразие латиноамериканских культур. Что же позволило возникнуть такому глубокому культурному взаимодействию? Можно долго рассуждать о характере конкисты и методах евангелизации миссионерами аборигенов, о политике церкви и метрополии. Конечно, в деятельности колониальных властей, как церковных, так и гражданских, присутствовали жестокие насильственные методы (здесь можно провести сравнение с завоеванием европейцами другого континента – Северной Америки. Там христиане почти полностью уничтожили цивилизации доколониального периода).

Испанская церковь сделала возможным диалог культур. Можно давать разную оценку деятельности инквизиции, но, в сравнении с метрополией, это другие масштабы и методы. Инквизиция, большей частью, действовала исходя из экономических, нежели религиозных соображений. Были разрешены смешанные браки между выходцами из метрополии и местными уроженками (в основном с наследницами местной знати – ньюстами). Церковь в определенных аспектах жизни колоний проявляла терпимость, наблюдая за диалогом и взаимопроникновением культур. Отдаленность и отсутствие прочных связей с Ватиканом, особая система управления и взаимное культурное влияние (специфика восприятия новой паствой

христианства) сделали церковь Испанской Америки практически национальной.

Библиографический список

1. Авила Ф. де. Боги и люди Варочири // Восточная литература – библиотека текстов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XVII/1600-1620/Francisc_Avila/text_1.htm (дата обращения: 01.07.13).
2. Карл V. Письмо-указ к Х.С. Эль-Кано // Восточная литература – библиотека текстов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XVI/1520-1540/Karl_V/brief_elkano_13_02_1523.htm (дата обращения: 23.07.13).
3. Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
4. Мендиета Х. де. Церковная история индейцев // Электронная библиотека источников и литературы Средних веков. URL: <http://www.globalfolio.net/medievalist/index.php>.
5. Указ Филиппа II об учреждении трибунала в колониях Испании от 25.01.1569. История инквизиции в Новом Свете: нарративные источники // Электронная библиотека статей и документов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/inkvizicia/89.htm>.
6. Bulla «Alias Felices» Leo X desde 1521 // Biblioteca Apostolica Vaticana – Archivio. Режим доступа: http://www.mss.vatlib.it/arch_gui/treeview/treeview/jsp (дата обращения: 20.12.2012).
7. Bulla «Benedictus Deus» Pius V desde 1564 // Biblioteca Apostolica Vaticana – Archivio. URL: http://www.mss.vatlib.it/arch_gui/treeview/treeview/jsp (дата обращения: 20.12.2012).
8. Bulla «Exponi nobis fecisti» de Adriano VI desde 1522 // Biblioteca Apostolica Vaticana – Archivio. URL: http://www.mss.vatlib.it/arch_gui/treeview/treeview/jsp (дата обращения: 20.12.2012).
9. Bulla «Sublimus Dei» de Pablo III desde 1537 // Biblioteca Apostolica Vaticana – Archivio. URL: http://www.mss.vatlib.it/arch_gui/treeview/treeview/jsp (дата обращения: 20.12.2012).
10. Bulla del Papa Alejandro VI et Iulio II desde 1493 per 1510 // Biblioteca Apostolica Vaticana – Archivio. URL: http://www.mss.vatlib.it/arch_gui/treeview/treeview/jsp (дата обращения: 20.12.2012).
11. El decreto del rey Philippus II de 23.02.1575 // Archivo General de Indias. Sevilla, Espana. URL: <http://www.mcu.es/archivos/MC/AGI/index.htm> (дата обращения: 20.12.2012).
12. Litteras Peruviae prorex Franciscus de Toledo Philippus II // Archivo General de Indias. Sevilla, Espana. URL: <http://www.mcu.es/archivos/MC/AGI/index.htm> (дата обращения: 20.12.2012).
13. Summus autem sacerdos epistulam Martini inquisitoris Hispaniam de 23.12.1567 // Archivo General de Indias. Sevilla, Espana. URL: <http://www.mcu.es/archivos/MC/AGI/index.htm> (дата обращения: 20.12.2012).

И.М. Нохрин

Политическое развитие и межэтнические отношения в Канаде после Войны за независимость США: к проблеме конституционной реформы 1791 г.¹

Статья посвящена развитию общественно-политической жизни Канады после окончания Войны за независимость США в 1783 г. Основное внимание уделено изучению влияния происходивших в Канаде социально-политических процессов на британскую колониальную политику в Северной Америке. Раскрываются предпосылки и содержание конституционной реформы 1791 г.

Ключевые слова: история Канады, Канада в XVIII в., английская колониальная политика, межэтнические отношения в Канаде, Конституционный акт 1791 г.

В 1783 г. Канада могла показаться островком спокойствия и стабильности на фоне расположенных южнее 13 революционных колоний. Будучи присоединенной всего двумя десятилетиями ранее по результатам Семилетней войны, бывшая колония Новая Франция не поддержала борьбу патриотов против «английской тирании» и оставалась под контролем метрополии на протяжении всего периода боевых действий с 1775 по 1781 гг. Однако это отнюдь не означало, что общественно-политическая жизнь Квебека была лишена острых дискуссий и конфликтов.

Еще с 1760-х гг. за контроль над колонией боролись две группировки влияния: франкоканадская и английская. Первая состояла из старой феодальной аристократии, владевшей землями со времен французского господства. Стремясь сохранить собственность и привилегированное положение, она была настроена против любых нововведений в системе управления колонией, в т.ч. избираемой легислатуры или повсеместного распространения британской правовой системы. Ее главным преимуществом оказалась способность обеспечить лояльность многотысячного крестьянского населения властям новой метрополии. Потому интересы франкоязычных сеньоров до сих пор практически не нарушались. Согласно Квебекскому акту 1774 г. введение ассамблеи и английского законодательства откладывалось на неопределенный срок, католики получи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-00035.

ли право заседать в Законодательном совете при генерал-губернаторе, сохранили монополию на судопроизводство в собственных поместьях, по-прежнему могли требовать от крестьян несения феодальных повинностей и свободно исповедовали свою религию [1, с. 94–95].

Во вторую группу элит входило состоятельное, но немногочисленное британское купечество, занимавшееся трансатлантической торговлей из портов Квебека и Монреаля. В целях повышения прибыли и облегчения ведения дел коммерсанты нуждались в доступе к управлению колониями. Они требовали введения выборной ассамблеи, английского законодательства и устранения католиков в соответствии с тест-актами XVII в. Но в отличие от франкоязычных сеньоров купцы не вызывали симпатий у губернаторов. Многочисленными петициями в Лондон, шумной общественной деятельностью и даже связями с американскими патриотами они неизменно портили отношения с колониальной администрацией. И если польза от сеньоров, державших в повиновении более 100 тыс. франкоязычных крестьян, была очевидна, то вечно недовольное английское купечество, несмотря на все налоговые отчисления, казалось губернаторам Дж. Мюррею (1760–1768), Г. Карлтоу (1768–1778) и Ф. Хэлдименду (1778–1786), скорее, проблемой для провинции, нежели благом. Неудивительно, что интересы коммерсантов редко принимались в расчет при проведении колониальной политики.

Завершение войны Великобритании и 13 североамериканских колоний привело к сильному оживлению среди политически активных кругов Квебека. В тот же месяц, когда стало известно о подписании мирного договора, англоязычная общественность инициировала составление очередной петиции к королю. Среди выдвигавшихся предложений были не раз повторявшиеся прежде просьбы организации выборной ассамблеи, повсеместного введения суда присяжных и продолжения практики использования английского законодательства в уголовном судопроизводстве. Но появились и сравнительно новые идеи о необходимости расширения численности Совета при губернаторе до 30 чел., распространения английского права на все дела, связанные с торговлей и предпринимательством, и введения разнообразных мер по ограничению власти губернатора [4, р. 743–744]. Последний тематический блок занял основную часть документа (9 статей из 14). Обращавшиеся к королю подданные желали установить пределы юрисдикции главы колониальной администрации путем включения акта Хабеас корпус в законодательство колонии, а также предлагали законодательно запретить ему снимать с должностей до истечения срока полномочий судей и министра юстиции и учреждать по собственному желанию новые административные посты [4, р. 744–745].

Количество подписавших петицию оказалось невелико, составив ровно 500 имен и фамилий, подавляющее большинство из которых были английского происхождения. Но было очевидно, что после недавней войны требования оппозиции стали конкретнее и радикальнее. Словно заимствуя пафосную риторику патриотов, противники губернатора оперировали новым аргументом «спасения провинции от анархии и смятения» и просили короля оградить ее жителей от незавидной участи подданных из соседних регионов, которые «потеряли все и ежедневно прибывают в поисках убежища» в последнюю на континенте британскую колонию¹ [4, р. 743].

Сомнительно, что авторами обращения двигали демократические идеалы. Чуть позже некий Комитет Квебека и Монреаля, прежде нигде не проявлявший активности, отправил в Лондон практический план организации ассамблеи по образцу legislatures теперь уже независимых американских штатов. Этот проект стал рабочим приложением к предыдущей петиции и предусматривал весьма высокий для колонии имущественный избирательный ценз – 40 ф.ст. дохода в год с движимой или недвижимой собственности, что было сопоставимо с жалованием старшего офицера, доходом франкоканадского сеньора или британского коммерсанта, ведущего трансатлантическую торговлю [там же, р. 753]. Фактически предлагаемый план не просто не предусматривал для подавляющего большинства населения возможности как-либо участвовать в политическом процессе, но и численно уравнивал франко- и англоязычных избирателей. Не самое справедливое предложение, учитывая, что последних, согласно переписи 1784 г., среди 110 тыс. жителей колонии насчитывалось не более 2 тыс. [5, р. 194].

Петиция канадских коммерсантов запустила новый виток дискуссий на тему организации управления колонией. Первым на обращение к королю отреагировал губернатор, который составил собственное письмо бывшему премьер-министру, занимавшему теперь пост государственного секретаря, – лорду Норту. Подобно своим оппонентам, он старался использовать «большую» тему недавнего военного поражения. «Буду откровенен с Вашей светлостью: истинные мотивы и цели тех людей, что рассылают петиции и сеют раздор и смуту в колонии, делятся на два типа, – писал губернатор государственному секретарю. – Часть из них стремится установить в провинции республиканский строй по образцу соседних штатов, дабы подготовить население к захвату или доброволь-

¹ Имелась в виду массовая миграция лоялистов, которых за 1780-е гг. прибыло в Квебек порядка 10 тыс. человек.

ному присоединению к ним. Другие же, коих большинство, борются за возможность, сидя в ассамблее, растрачивать государственные средства, либо хотят дискредитировать тех людей, которые пока не дают им это совершать» [4, р. 737]. К сожалению для Хэлдименда, лорд Норт, в целом разделявший его взгляды, покинул свой пост через два месяца после написания письма.

Чуть позже о своей позиции заявила и франкоязычная общественность. В декабре 1784 г. ее представители, чьи имена остались неизвестны, составили собственное письмо английскому королю Георгу III, в котором раскритиковали буквально каждый пункт петиции их англоговорящих соседей. «Это абсолютно противоестественно, когда при численном соотношении канадцев и старых подданных (т.е. подданных английского происхождения. – *И.Н.*) двадцать к одному последние пытаются диктовать свою волю для всей страны!», – возмутились католики [там же, р. 755]. Главные темы для ответной петиции были выбраны те же: ассамблея, английское законодательство и Квебекский акт.

Франкоканадцы апеллировали к действующей налоговой системе, в коей значительная часть повинностей имела натуральную форму барщины и отработок в пользу королевской администрации, и предостерегали против создания ассамблеи. У них не оставалось сомнений, что легислатура, дабы иметь больше средств в своем распоряжении, попытается перевести трудовые повинности в денежную форму. Как считали составители письма, это вначале вылилось бы в массовое бегство и сокрытие крестьян, для которых такие налоги оказались бы чрезвычайно обременительны, а затем закономерно привело к проблемам со снабжением королевских войск и стало причиной расстройств инфраструктурной сети, ведь она содержалась в основном именно за счет безвозмездного труда зависимых от сеньоров земледельцев [там же, р. 755, 762].

Против суда присяжных франкоканадцы также пытались выступить с позиции несоответствия повседневной реальности предлагаемым реформам. Они убеждали, что организация процесса с участием большого жюри стоит слишком дорого, и никто во всей Канаде, за исключением британских коммерсантов, не стал бы пользоваться этим способом судопроизводства. Да и для богатых англичан, как полагали обращавшиеся к королю канадцы, такой суд был удобен, прежде всего, возможностью подкупа и давления на присяжных и «притеснения бедных в интересах богатых» [там же, р. 755–756].

В этой ситуации неопределенности в апреле 1785 г. произошло событие, наметившее новую линию развития политических дискуссий в Канаде. Девять отставных офицеров-лоялистов, получивших крупные земель-

ные пожалования в верхнем течении р. Св. Лаврентия, решили выступить с петицией к королю. В ней они не примкнули ни к одному из уже сложившихся политических лагерей, а попытались добиться реализации собственных интересов. Их не устраивало, что даже в своих отдаленных от Квебека и Монреаля поселениях мигранты вынуждены жить под верховенством французских законов и, что было для них особенно неприемлемо, владеть земельными участками на правах феодального держания. Не собираясь даже вникать в перипетии происходившей в колонии политической борьбы, они просили лишь одного: выделить их поселения в отдельную административную единицу с собственным лейтенант-губернатором и привычным английским законодательством, предусматривавшим право частной собственности [4, р. 774–775].

Английское купечество Канады оказалось немало обрадовано появлению неожиданных союзников. Правда, содержание письма лоялистов они истолковали по-своему, решив, что под «привычными английскими законами» те понимают, прежде всего, право выбора депутатов ассамблеи и использования суда присяжных. Идея разделения провинции была воспринята монреальскими коммерсантами без одобрения как своеобразный шаг отчаяния испытывавших многочисленные «несправедливости и притеснения» людей [там же, р. 802]. Они вполне определенно высказались против нее, что легко можно понять, учитывая высокую степень значимости территорий в верхнем течении р. Св. Лаврентия для торговли мехом и древесиной. Канадское купечество было совершенно не заинтересовано в том, чтобы эти земли оказались в границах другой колонии.

В то же время коммерсанты Квебека усиливали и собственное давление на Лондон. В основе их новой тактики лежал поиск союзников за пределами провинции. В переписке друг с другом члены оппозиции с удовольствием отмечали, что им даже удалось заручиться поддержкой некоторых депутатов Палаты общин, которые в начале 1786 г. должны были вынести их проблему на рассмотрение британского парламента [там же, р. 804]. И эти планы действительно реализовались. В апреле 1786 г. оппозиция выступила в Вестминстере с проектом «Акта о лучшей защите свобод подданных Его Величества в провинции Квебек в Северной Америке». Однако очень быстро события приняли неожиданный для канадских «заказчиков» оборот. Для английских вигов вопрос о создании в далекой колонии выборной ассамблеи был далеко не столь интересен, как возможность подорвать авторитет правительства тори проверенным методом критики назначенного им должностного лица. Именно на дискредитации губернатора Хэлдименда они и сосредоточили все свои усилия. Оппозиция обвинила бывшего главу колониальной администрации

в нарушении акта Habeas corpus¹, произволе, коррупции и многочисленных злоупотреблениях. Итогом длинного списка вменяемых губернатору нарушений стало предложение ограничить его полномочия и передать значительную их часть правительству в Лондоне и членам законодательного совета в Канаде [4, р. 769–772]. Конечно, купцы Квебека и Монреаля добивались совсем не этого, да и практический смысл таких мер был более чем сомнителен. Об ассамблее во всем акте упоминалось лишь однажды, и то без каких-либо подробностей. Откровенно популистский и непродуманный характер законопроекта быстро привел к его провалу: 61 голосом против 28 он был отклонен в первом чтении [там же, р. 767].

Тем не менее, в августе 1786 г. новым главой колониальной администрации был во второй раз назначен Карлтон, получивший к этому времени за службу в Америке титул лорда Дорчестера. Позднее лорд Сидней, возглавлявший министерство внутренних дел и отвечавший за управление колониями, разъяснил новому губернатору позицию правительства в отношении возможных нововведений в Канаде. «Квебекские купцы действительно объединились со своими британскими коллегами, но из немногих бесед с ними я вынес одно, что сутью жалоб и тех, и других является лишь желание добиться больших прибылей и стремление занять государственные посты для обеспечения возврата выданных кредитов, – писал министр губернатору Канады в сентябре 1787 г. – И потому я пришел к убеждению, что канадцы имеют право оставить для себя законы, гарантированные им условиями капитуляции, а купцы, торгующие с ними, должны уважать традиции этой страны, как и любой другой, с которой имеют дело» [там же, р. 863]. Тем не менее, Сидней попросил Карлтона высказать соображения по поводу идеи выделения из состава провинции английской части, а также познакомить его с мнением по тому же вопросу франкоканадской части населения и законодательного совета [там же, р. 864].

Чуть ранее губернатор уже выслал в Лондон копии отчетов и журналов заседаний законодательного совета за конец 1786 – первую половину 1787 гг. Согласно королевским инструкциям, большинство мест – 11 из 20 – в нем теперь занимали британские коммерсанты. Кроме них в совет традиционно входили высшие чины колониальной администрации и офицерского состава, имевшие немало общего с богатейшими представителями провинциального торгового сословия, начиная от языка и религии и заканчивая личными связями. Лишь шесть мест досталось представите-

¹ Что было не совсем корректно, поскольку в военное время действие этого закона приостанавливалось Британским парламентом.

лямя франкоязычной общины [4, р. 816]. В связи с этим не вызывает сомнений, что деятельность совета полностью контролировалась квебекским купечеством, чьи мотивы и стремления столь скептически оценивались лордом Сиднеем.

Словно в подтверждение слов министра внутренних дел, основную часть времени советники тратили на обсуждение тонкостей ведения судопроизводства на основе английских или французских законов и больше всего были увлечены поиском устраивавшей всех системы взыскания долгов с местного населения. Вопросы, касавшиеся судов присяжных и имущественных споров, рассматривались так дотошно, а постановления, завершавшие их обсуждения, оказывались столь обширны, что вряд ли приходилось сомневаться в глубокой личной заинтересованности членов совета в этих делах.

Если же проследить за судьбой идеи разделения колонии, то за указанное время в совете о ней высказались лишь однажды. «Число лоялистов, поселившихся за Монреалем, не представляется достаточным для создания отдельной провинции, – таков был ответ советников губернатора на запрос министра. – И поскольку эти люди не смогли ранее защитить правительство Его Величества, то у них нет права взывать к Его справедливости и милосердию; вначале они жаловались на налоги и многое другое в американских штатах, а теперь хотят превратить еще одну британскую колонию в сумасшедший дом! Возможно, им тогда стоит поселиться в провинциях, где форма правления более соответствует их идеалам, например, в Нью-Брансуике или на острове Сент-Джон...» [там же, р. 881]. Вероятнее всего, члены совета поняли, что мигранты не столько поддерживают их усилия, сколько преследуют собственные цели, далекие от интересов квебекского купечества.

Что касается франкоканадской части населения, то позиция сеньоров и духовенства оставалась прежней. В письмах Карлтону они просили сохранить привычные французские законы и выступали против введения ассамблеи [там же, р. 910–911, 922]. В целом они понимали, что получили от британской короны максимум уступок и привилегий, на которые только могли рассчитывать, а потому не желали каких-либо изменений вовсе. Пользуясь неграмотностью подавляющего большинства франкоязычного населения и называя себя «выразителями мнения народа», сеньоры убеждали британские власти обратить внимание на «более важные дела», например, развитие ремесел [6, р. 252–253].

В то же время лоялисты продолжали наращивать активность своей деятельности. Из разных поселений в верховьях р. Св. Лаврентия в адрес Законодательного совета поступали обращения, в которых лояли-

сты выражали недовольствие французскими законами и, прежде всего, сохранявшейся феодальной собственностью на землю. «Перевод земель в частную собственность будет иметь множество благоприятных последствий для развития всей колонии, – убеждали они губернатора в одной из петиций, – это и увеличит доходы правительства, и стимулирует развитие промышленности и торговли, и создаст условия для роста населения, и, в конце концов, разрушит все надежды и планы наших врагов» [4, р. 949]. Учитывая американское происхождение жителей восточных округов провинции, можно представить царившее среди них удивление и неприятие практики сеньориального держания земельных участков.

Отвечая на вопрос лорда Сиднея о возможных изменениях в системе управления колонией, Карлтон констатировал, что влияние англоязычных поселенцев растет с каждым годом и особенно усилилось после миграции лоялистов, но их требования по-прежнему поддерживаются не более чем 10% канадского населения. «Что касается меня, то у меня нет ни одного соображения, как бы можно было удовлетворить и тех, и других», – заключал губернатор [там же, р. 946–947].

Однако лобби квебекских коммерсантов не собиралось ждать, пока министерство внутренних дел созреет до решения проблемы. В мае 1788 г. еще один их представитель предстал перед членами Палаты общин с проектом учреждения в Канаде ассамблеи и введения английских законов. Время оказалось выбрано неудачно: очередная парламентская сессия подходила к концу, и депутатам не терпелось разъехаться по домам. Постановив вернуться к этому вопросу позже, они закрыли заседание и не выслушали докладчика.

Тем не менее лорд Сидней сильно встревожился. Министр внутренних дел опасался, что в будущем эта тема может стать поводом для критики правительства и обвинения его в бездействии. Он собирался перехватить инициативу и выступить с уже поднимавшейся лоялистами идеей разделения провинции на две части. В задачу губернатора теперь входило «наметить такие границы и способ разделения, который оказался бы оптимальным» [там же, р. 955–957].

Не менее важной была и экономическая сторона проблемы. Содержание Квебека обходилось Великобритании в 100 тыс. ф.ст. ежегодно, не считая военных расходов, что казалось Сиднею слишком большой суммой для колонии, чьи достоинства пока ограничивались «сомнительными престижными соображениями да туманными перспективами» [цит. по: 8, р. 15]. Министр внутренних дел собирался переложить траты на содержание Квебека на население провинции, и это как раз могло быть представлено «платой» за удовлетворение их прошений.

Не только Сидней, но и британские правительственные круги в целом на этот раз очень серьезно отнеслись к требованиям колонистов. «Я считаю, что будет правильным провести назревшие реформы сейчас, когда мы можем представить их публике в форме щедрого дара и полностью проконтролировать содержание и воплощение, нежели ждать, когда суровая необходимость принудит нас сделать все то же самое, но мы не сможем ни повлиять на ход событий, ни прибавить происходящее к числу своих заслуг», – писал государственный секретарь У. Гренвилл губернатору Карлгону [4, р. 969].

Кажется странным, но никто не обратил внимания на три очевидных противоречия такого плана реформ. Во-первых, в случае проведения границы между «английской» и «французской» частями Канады англоязычные коммерсанты – главные зачинщики всех изменений – оказывались как раз во второй из них, что совсем не улучшало, а даже усугубляло их положение. Во-вторых, идея разделения провинции не поддерживалась никем, кроме недавно прибывших лоялистов, и вообще вряд ли могла считаться популярной. В-третьих, британское правительство де-факто отказывалось от планов интеграции франкоканадцев в имперскую структуру, выделяя им в распоряжение целую колонию с собственными законами, религией и социальными институтами, против чего как раз и протестовала англоязычная общественность.

Уже осенью 1789 г. в Лондоне был готов проект реформы колониальной администрации, который предусматривал разделение Квебека на два округа. Во главе каждого ставились лейтенант-губернаторы, подчинявшиеся генерал-губернатору и делившие полномочия с Законодательными советами и выборными легислатурами [там же, р. 989]. Наличие ассамблеи и во «французской» части провинции выглядело неуместным на фоне многочисленных и последовательных протестов католиков все предыдущие годы. Но Гренвилл руководствовался исключительно экономическими соображениями. С точки зрения эффективности сбора налогов, наполнения и расходования колониального бюджета ассамблея позволяла снять с метрополии бремя содержания заатлантической провинции, и уже в силу этого вопрос о ее учреждении мог считаться решенным [3, р. 198].

Переходя к политическим вопросам, государственный секретарь особо и неоднократно подчеркнул, что Законодательный совет получит больше влияния и полномочий, чем было в «старых колониальных правительствах». Теперь в его состав требовалось включать только самых выдающихся и заслуженных подданных из высших слоев колониального общества, отличающихся особой лояльностью к королю и местной администрации

[4, р. 989]. В словах Гренвилла вновь звучало желание избежать прошлых ошибок и не допустить повторения печальной истории «старых колониальных правительств».

В октябре 1789 г. соответствующий билль был представлен на рассмотрение Палаты общин, 11 мая 1791 г. парламентарии одобрили его в третьем чтении, а 26 декабря 1791 г. новый конституционный акт провинции Квебек вступил в законную силу.

Несмотря на то, что в названии закона говорилось лишь о «некоторых изменениях», вносимых в Квебекский акт 1774 г., политическое устройство колонии стало кардинально иным. Прежде всего, провинция делилась на две части – Верхнюю и Нижнюю Канаду, в каждой из которых назначался собственный лейтенант-губернатор – глава законодательной и исполнительной власти [2, р. 28 (308)]. Аналогичные с ним функции имел генерал-губернатор, но его власть распространялась на все британские колонии в Северной Америке и имела высший авторитет. Судя по всему, дублирование полномочий стало попыткой централизовать политическую систему колоний и добиться над ней более эффективного контроля.

Законодательная власть в каждой провинции осуществлялась Законодательными советами и ассамблеями. Первые из них собирались губернаторами лично и должны были состоять не менее чем из семи назначавшихся пожизненно «компетентных и доверенных лиц» для Верхней Канады и пятнадцати – для Нижней [там же, р. 30 (310)]. Фактически Законодательный совет, раньше исполнявший функции правительства и секретариата, теперь становился своеобразной верхней палатой колониального парламента – аналогом британской Палаты лордов – и служил политическим противовесом избираемой ассамблее.

Что же касается ассамблей, то механизм их комплектования устанавливался более демократично. К выборам депутатов – не менее 16 для Верхней Канады и 50 для Нижней – допускались все мужчины, владевшие участком земли в сельской местности на правах фригольда, фьефа или ротюры, либо получавшие доход от земельной собственности более 40 шил. в год, либо обладавшие недвижимостью в городе стоимостью более 5 ф.ст., либо платившие годичную аренду за такую недвижимость более 10 ф.ст. в год [там же, р. 38 (318)]. Закон не делал различий в избирательных правах католиков и протестантов, что стало новшеством для британской правовой системы.

Все решения Законодательных советов и ассамблей одобрялись от имени короля генерал-губернатором и направлялись для утверждения в Лондон. Фактически глава колониальной администрации был единственной связью с метрополией, обладал правом абсолютного вето и мог

остановить продвижение любого законопроекта [2, р. 42 (322)]. Он же возглавлял правительство (Исполнительный совет) и назначал его членов [там же, р. 56 (336)]. Само наличие двух советов при губернаторе было беспрецедентным. Ранее в американских колониях королевский наместник имел не больше одного Законодательного или Тайного совета. Теперь же его администрация увеличивалась вдвое, что явно стало еще одним инструментом усиления губернаторской власти через создание параллельных ассамблеев структур [8, р. 17–18].

Особое внимание в законе уделялось религиозному вопросу. Продолжая политику Квебекского акта 1774 г. и вопреки принятой в Британской империи практике, канадская католическая церковь снова получала полную свободу действий и сохраняла традиционные привилегии в виде сбора десятины и других податей с прихожан [2, р. 46 (326)]. Но и англиканская церковь значительно улучшила свое положение. Закон гарантировал ей получение седьмой части от всех жалуемых в колонии земель, учреждение новых приходов за счет общественного земельного фонда, свободу от налогов и любого вмешательства светских властей в деятельность и даже предоставление домов для пасторов за государственный счет [там же, р. 48 (328)].

Наконец, разрешилась проблема статуса земельных владений. Вся недвижимость в Верхней и Нижней Канаде переводилась на права частной собственности, в т. ч. и феодальные держания франкоканадских сеньоров. Но это не вело к потере последними специфических титулов и привилегий, в том числе и касавшихся традиционных крестьянских повинностей [там же, р. 54 (334)]. Британские законодатели создали странную ситуацию, когда канадские крестьяне, превратившиеся из вилланов в свободных арендаторов, продолжали отрабатывать барщину, нести баналитетные повинности и многое другое. Таким образом, были удовлетворены и англоязычные землевладельцы, давно привыкшие иметь дело только с частной собственностью, и канадские сеньоры, не желавшие терять привычные источники дохода.

Конституционный акт 1791 г. завершил формирование новой политической системы Канады. Неудачная война с США и прибытие лоялистов заставили Великобританию пересмотреть североамериканскую политику, усилить положение колониальной администрации и вернуться к планам заселения Квебека англоязычными протестантами. Однако и портить отношения с франкоканадской элитой Лондон также не собирался, что привело к неожиданному для многих результату.

Пытаясь угодить всем и одновременно сохранить за собой максимальный контроль, Лондон не удовлетворил никого. Лоялисты Верхней Кана-

ды получили английское законодательство и ассамблею, но оказались под почти неограниченной властью губернатора и его Совета. Франко-канадцы обретали для себя отдельную провинцию и могли не беспокоиться за католическую религию, но лишались привычных законов и были вынуждены в срочном порядке адаптироваться к британским политическим институтам. Купечество Квебека и Монреаля добилось, наконец, желанного судопроизводства на основе английских правовых норм, но вряд ли могло рассчитывать на какое-либо влияние в политической жизни Нижней Канады, поскольку составляло абсолютное меньшинство. В итоге Конституционный акт 1791 г. не только не снял, а лишь углубил имевшиеся противоречия, которые, хотя и могли показаться основанными на религиозном, лингвистическом или культурном факторе, но на деле оставались конфликтом интересов нескольких групп влияния внутри бывшей колонии Квебек.

Библиографический список

1. Нохрин И.М. Квебекский акт 1774 г.: к вопросу о причинах создания // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 93–97.
2. A Collection of the Acts Passed in the Parliament of Great Britain and Other Public Acts Relative to Canada. Quebec, 1800.
3. Burt A.L. The Old Province of Quebec. Vol. 2. Toronto, 1968.
4. Documents Relating to the Constitutional History of Canada. Vol. 2. Ottawa, 1918.
5. Kingsford W. The History of Canada. Vol. 7. Toronto, 1892.
6. Neatby H. Quebec: the Revolutionary Age, 1760–1791. Toronto, 1966.
7. Ordinances made and passed by the Governor and Legislative Council of the province of Quebec. Quebec, 1787.
8. Ward J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759–1856. Buffalo, 1976.

Е.М. Копоть, А.С. Барышева

«Образ другого»:
Россия на страницах
печатных средств массовой информации США
в 2005–2012 гг.

В статье представлены результаты анализа материалов американских политических журналов, проводившегося с целью выявления авторов, представителей интеллектуальной элиты США, неформально организованный диалог с которыми мог бы стать инструментом трансляции позитивного образа России для американской аудитории. Главным критерием отбора служила объективная (реже комплиментарная) оценка автором событий международной жизни, связанных с Россией. Целью статьи является поиск эффективных механизмов и моделей трансляции позитивных социокультурных представлений о России в отношении американской культурной и интеллектуальной элит.

Ключевые слова: американские политические журналы, американская культурная и интеллектуальная элиты, образ России в американских СМИ.

В последнее десятилетие на фоне преодоления кризисных явлений 90-х гг. XX в. в России наблюдается восстановление всех функций жизнедеятельности государственного организма. Наряду с возрождением вооруженных сил, государственным стимулированием экономики, поддержкой социальных программ происходит и активизация государства на внешнеполитической арене. В контексте внешнеполитической деятельности все большее значение, наряду с традиционной дипломатической работой, приобретают технологии «мягкой власти» или публичной дипломатии. В Указе «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подписанном президентом РФ 7 мая 2012 г., В.В. Путин призывает «в интересах повышения результативно-

сти российской внешней политики эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс...» [5]. Обеспечением эффективного использования публичной дипломатии должны были стать укрепление взаимодействия с неправительственными организациями внешнеполитической направленности, содействие их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических диалоговых форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве, совершенствование информационного сопровождения внешнеполитической деятельности в интересах объективного восприятия Российской Федерации на международной арене [там же].

Классическую современную концепцию «публичной дипломатии» представил декан американской Школы права и дипломатии им. Флетчера (Fletcher School of Law and Diplomacy) Университета Тафтса Э. Гуллион при формировании Центра публичной дипломатии им. Эдварда Мюрроу в 1965 г. Автор сформулировал ее следующим образом: «Публичная дипломатия... имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияния на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты), и процесс межкультурных коммуникаций... Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [11]. Далее Гуллион писал: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [12].

Понятия «мягкой силы» и публичной дипломатии используют зачастую как явления одного порядка. В этом смысле представляет интерес высказывание Джозефа Ная, который называет три источника мягкой власти любого государства: его политические действия, культуру и ценности [1]. Таким образом, публичная дипломатия – это механизм самопрезентации государства. Контракт с американским пиар-агентством Ketchum по созданию положительного имиджа российских властей за рубежом [2], создание телеканала Russia Today, борьба за право проведения Олимпийских игр в Сочи и чемпионата мира по футболу

в 2018 г., деятельность фондов «Русский мир» и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, – все это меры по развитию Россией «мягкой силы». Отдавая должное положительной тенденции в данном направлении, нельзя не согласиться с мыслями, высказанными президентом РФ Д.А. Медведевым на встрече с представителями общественных объединений в сентябре 2008 г., на которой он высказал убеждением в том, что в механизмах общественной дипломатии «мы проигрываем, конечно, и количественно, и качественно» [3] США, где «сегодня общественной дипломатией занимается порядка 15 тыс. неправительственных организаций; в России, уверяю вас, меньше полусотни» [там же]. В результате, отметил Медведев, на Украине «сегодня работает 1200 зарубежных некоммерческих организаций, из них российских только две или три. О сопоставлении финансовых возможностей я уже не говорю» [там же]. Он поставил задачу «срочно разворачивать инструменты современного сетевого воздействия на ситуацию хотя бы в сопредельных ключевых странах...» [там же].

Государства с развитой публичной дипломатией, такие как США, стараются сосредоточить свои усилия на действующих и потенциальных членах элиты, понимаемой максимально широко (включая и интеллектуальную элиту), тех, кто оказывает наибольшее влияние на принятие политических решений, на лидерах общественного мнения. Именно они представляются по уровню возможных политических дивидендов наиболее привлекательными объектами для приложения усилий. «Соединенные Штаты, например, приглашают ежегодно несколько тысяч студентов, преподавателей, журналистов и политиков с целью улучшить отношение к своей стране. Среди участвовавших в американских образовательных обменах были, например, Маргарет Тэтчер, Михаил Саакашвили» [1].

В данном аспекте влияние России остается незаметным, что создает значительное пространство для роста.

В отношениях с США и странами Запада ситуация обостряется в связи с монополией СМИ США на формирование образа стран-«изгоев» с антидемократическими режимами. Вопрос о принадлежности к сообществу демократических государств переходит в практическую плоскость, когда государства «оси зла» становятся целями для применения силовых вариантов воздействия.

Современная внешнеполитическая позиция США очень похожа на ситуацию СССР на рубеже 70–80-х гг. XX в. Многие общественные и политические деятели США, впечатленные примером и уроком СССР, не желают подобного развития ситуации для своей страны. Они не хотят «ехать по накатанной колее», диктуемой интересами американского

военно-промышленного комплекса, рядом транснациональных корпораций, но активно ищут альтернативы и механизмы мягкого, системного изменения ситуации, перехода на иную, восходящую траекторию развития страны.

Среди ярких и влиятельных деятелей в этом направлении можно назвать известного советолога Стивена Коэна. На конференции, прошедшей в Колумбийском университете (Нью-Йорк), давая оценку информационной кампании по «демонизации» образа В.В. Путина, эксперт отметил, что в течение последних двадцати лет освещение ведущими американскими печатными изданиями событий в России по сравнению с годами «холодной войны» оказалось менее объективным, более идеологизированным и зависящим от официальной точки зрения Вашингтона. «Голословные утверждения, необоснованные суждения, сомнительные обобщения об истории и политике России выдаются за непререкаемую истину» [4]. Подводя итог выступления, Коэн высказал мысль, которая, на наш взгляд, должна быть взята на вооружение и в России: «Злоупотребление журналистов доверием читателей очень вредит национальной безопасности Соединенных Штатов и выливается в недальновидные внешнеполитические шаги Вашингтона по отношению к России. Нам нужно качественно улучшить освещение в СМИ событий в России. Хорошо бы начать с написания дипломов и диссертаций на факультетах журналистики на тему: “Пресса США о России в последние два десятилетия”. Тот, кто рискнет поднять этот пласт, сможет объяснить парадокс: почему, начиная с 1992 года, Россия оказалась более объективно информирована в отношении США, чем США в отношении России» [там же].

Второй плодотворной идеей оказалась мысль, высказанная основателем американской публичной дипломатии Мюрроу, который говорил, что публичная дипломатия делается на «последнем метре», т.е. СМИ, даже самые эффективные, не создают той же меры доверия, что и личный человеческий опыт [1].

На синтезе этих двух идей (Коэна и Мюрроу) и родился проект по изучению материалов американских политических журналов, с целью выявления авторов, представителей интеллектуальной элиты США, неформально организованный диалог с которыми мог бы стать инструментом трансляции позитивного образа России для американской аудитории. Главным критерием отбора служила объективная (реже комплиментарная) оценка автором событий международной жизни, связанных с Россией.

Максимально обобщенной целью работы является поиск эффективных механизмов и моделей трансляции позитивных социокультурных пред-

ставлений о России в отношении американской культурной и интеллектуальной элит.

Отсутствие в практике российской публичной дипломатии усилий по развитию контактов «на последнем метре», что в значительной степени обесценивает иные мероприятия, делает поиск и работу (в формате, предложенном Коэном) с представителями интеллектуальной элиты США, способными транслировать позитивный образ России, особенно актуальными.

Анализ публикаций о России (по проблемам участия РФ в решении грузино-осетинского конфликта, оценке политики В.В. Путина, войне в Чечне, состоянии прав и свобод в стране) в ведущих, «знаковых» американских СМИ (таких, как старейший непрерывно издающийся еженедельный журнал в США «The Nation», ориентированный на интеллектуальную элиту «The Atlantic», «Mother Jones», отражающий идеи традиционного американского консерватизма «American Conservative», второй в США старейший ежемесячник, посвященный культуре и политике, «Harper's Magazine») за последние несколько лет с выявлением качественных оценок происходящих в России и США событий, взаимоотношений между двумя странами позволил обнаружить наличие значительного количества авторов, удовлетворяющих условиям поиска, а также существующий запрос в американском обществе на объективное освещение тем, связанных с Россией. Формализовано это может быть в виде аннотированного списка представителей американской интеллектуальной элиты (преподавателей, журналистов, ученых), объективно и рационально оценивающих происходящие в России процессы и отношения между этими двумя странами.

Общий обзор деятелей, посвящающих свои статьи проблемам России, необходимо по праву начать с одного из авторов журнала «The Nation» Коэна – историка, советолога (интерес которого к России проснулся в 1959 г. после посещения им СССР), профессора Нью-Йоркского и Принстонского университетов, члена американского Совета по внешней политике. Итогом его многолетнего исследовательского творчества стали монографические исследования, такие как: «Бухарин: Политическая биография. 1888–1938», «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России», изданные в Москве в 1988 и 2001 гг., и др. Это один из немногих неангажированных советологов, ученик Роберта Такера. Наибольшую известность в России ему принесла статья «Америка развязывает новую холодную войну» [8]. В ней автор в предисловии ко второму изданию пишет: «Поскольку новую “холодную войну” начал Вашингтон, ему же необходимо сделать и первые шаги для ее оконча-

ния. При этом особую актуальность, опять же по причинам, изложенным в статье, приобретают две вещи: признание американской стороной, что постсоветская Россия – не побежденный “проситель” и не государство-клиент США, как принято считать после 1991 г., а страна, обладающая полным суверенитетом во внутренней политике и законными национальными интересами за рубежом, равными нашим собственным; и немедленное прекращение безрассудного расширения НАТО вблизи российских границ» [8].

Созвучны идеям Коэна и беспристрастные оценки редактора «The Nation» (его супруги) Катрины ванден Хьювел. В начале 2000-х гг. она часто высказывалась довольно резко в отношении режима В.В. Путина и о положении дел в самой России (монетизация льгот, отсутствие свободы прессы). В целом она осуждала «милитаристскую» политику Путина касательно Чечни. Подобные высказывания встречались до конца 2003 г.

Однако действия России в рамках российско-грузинского конфликта Хьювел считает, по большому счету, оправданными (хотя и чрезмерными), осуждает западных журналистов за поспешность выводов и призывает к более глубокому анализу произошедшего. Негативно высказывается о политическом режиме в Грузии, выступает против вступления Грузии и Украины в НАТО.

В рамках журнала «The Nation» журналистка ведет блог «Editor’s Cut» [14], где говорит о необходимости диалога с Россией и осуждает сдвиг администрации президента Дж. Буша-младшего в сторону новой холодной войны. «Комментаторы так рьяно принялись осуждать Россию под руководством Владимира Путина, что совсем упустили из виду значительную роль Вашингтона в нагнетании напряжения» [15].

Судя по высказываниям в блоге, она признает объективную влияние В.В. Путина внутри страны и желание народа видеть его главой государства.

Заслуживают особого внимания оценки влиятельного независимого журналиста Роберта Дрейфусса. Он получил степень бакалавра в Колумбийском университете. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. Дрейфус был редактором ближневосточного и среднеазиатского отдела «Executive Intelligence Review» Линдона Ларуша; печатался он также в «Rolling Stone», «Mother Jones», «The American Prospect» и других изданиях. В 1990-х гг. он составлял профайлы на различные организации и публичных лиц, в число которых входили Дж. Буш и Дж. Маккейн. Дрейфус – автор книги «Дьявольская игра. Как США помогли спустить с поводка фундаменталистский ислам» («Devil’s Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam»).

В своих статьях Дрейфусс выступает с осуждением многих действий администрации США. Во внутренней политике он критикует наделение спецслужб диктаторскими полномочиями, а во внешней – отношения с Ираком и Ираном. Так, в статье «Макфол защитил русскую политику Обамы и сам себя» («McFaul Defends Obama's Russia Policy and Himself») он прямо заявляет, что «Макфол недооценивает роль ошибочной американской политики в отношении России... Сюда можно отнести ненужное расширение НАТО к западным и южным границам РФ, создание сети военных баз на южном фланге России на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, намерение установить провокационную ПРО в Польше и Чешской Республике, американское вторжение в Ирак (и расторжение всех российско-иракских нефтяных договоров), американскую угрозу Ирану, беспорядочные и излишние американские попытки развить в России и бывших советских республиках рыночные отношения, приватизацию и демократию» [10].

Нельзя не упомянуть о колоритной фигуре Александра Кокбёрна, скончавшегося в июле 2012 г. В 1963 г. он получил степень доктора английского языка и литературы в Оксфорде, несколько лет был редактором левых газет «New Left Review» и «The New Statesman», являлся редактором политического журнала «CounterPunch» [9], вел рубрику в «The Nation». Основная масса его статей посвящена внутриамериканским проблемам; в 2008 г. он много писал об основных кандидатах на пост президента США.

Российской проблематики он касался в контексте внешней политики США. Кокбёрн критиковал враждебное отношение администрации Дж. Буша к России, негативно рассматривал многие пункты внешней политики США и открыто осуждал многочисленные военные операции (война в Косово, вторжения в Афганистан и Ирак). В частности, в своей статье о «развенчанных мифах внешней политики» от 17 сентября 2008 г. он писал, что «российская внешняя политика не является антиамериканской. Москва сотрудничает с Вашингтоном по ряду важных международных проблем – от помощи НАТО в борьбе против Талибана в Афганистане и содействия Вашингтону в антитеррористических действиях до совместного давления на иранскую ядерную программу... В том, что Маккейн расценивает как угрожающую попытку восстановления Российской империи, более объективные аналитики видят стремление великой державы защитить свои интересы перед лицом американских провокаций...» [7].

Знаковым колумнистом «The Nation» – в прошлом он был сенатором – является Томас Хэйден. Он – автор книги «Закончить войну в Ираке». Но

история его гражданской борьбы началась гораздо раньше. В Камбодже и Вьетнаме он проводил акции за мир и против американского вмешательства во внутреннюю политику этих стран. Он – активный борец за права животных; является членом консультативного сообщества «Progressive Democrats of America» – организации, созданной для расширения прогрессивного политического сотрудничества в пределах Демократической партии. О России он пишет в связи с международной деятельностью США. Хэйден осуждает многие пункты внешней политики США в отношении военных действий в Ираке, Афганистане и т.д. Он выступает против попыток администрации Дж. Буша спровоцировать новую холодную войну с Россией. Так, в сентябре 2008 г. Хэйден на страницах «The Nation» со свойственной ему бескомпромиссностью заявляет: «В двух словах вот что следует отметить: те же республиканские неоконсерваторы, которые сфабриковали обвинения для вторжения в Ирак, возвращаются. И сейчас они прикладывают все усилия, чтобы развязать новую холодную войну с Россией, которая сыграет на руку Джону Маккейну. Это опасные, дорогие, без победителя игры жизнями американцев, которые ведут в своих интересах республиканские политики и их окружение – нефтяные магнаты» [13].

Стоит отметить еще одного автора с нетрадиционным «вьетнамским» прошлым, главного редактора портала «Truthdig» – Роберта Шиара. Это профессиональный журналист с авторитетной репутацией. С 1964 по 1969 гг. он работал редактором и главным редактором журнала «Ramparts magazine» во Вьетнаме; с 1976 по 1993 гг. был национальным корреспондентом «Los Angeles Times». Его уволили из журнала «Times», с его слов, за обличение лжи администрации Дж. Буша о причинах вторжения в Ирак. Ранее он обвинял администрацию Буша в терактах 11 сентября 2001 г. (в статье «То, что мы не знаем о 9 сентября 2011 г., причиняет нам боль» («What We Don't Know About 9/11 Hurts Us») в «Los Angeles Times»).

О России он пишет в контексте внешней политики США, к которой относится весьма критично. В развязывании российско-грузинского конфликта Шиар осуждает Грузию и позицию США. Действия России он считает оправданными. «Первым шагом в приспособлении внешней политики США к многополюсному миру должно стать признание того факта, что и у других наций, как и у США, есть свои причины и интересы, не менее законные, хотя и отличные от наших собственных взглядов» («The Cold War President», 27 августа 2008 г.) [18].

Шиар призывает к объективной оценке позиции России на международной арене и порицает попытки администрации США сделать из России «империю зла» в глазах общественности.

С большим сочувствием он оценивает поступок Э. Сноудена и призывает Б. Обаму помиловать его [19].

На страницах «The Atlantic» особого внимания заслуживает Джеффри Тэйлер. Журналист, писатель, лингвист (бегло говорит на русском, арабском, французском, новогреческом языках), он с лета 1993 г. проживает в Москве. С 1988 по 1990 гг. он служил в «Корпусе мира» в Марокко. В журнале «The Atlantic» Тэйлер специализируется на России.

Иногда он критикует режим В.В. Путина, акцентируя внимание на нестабильности и непредсказуемости политической ситуации в стране, в целом придерживается мнения, схожего с позицией Коэна – Россию лучше иметь в союзниках, нежели во врагах. Критиковать Россию за недемократичный режим может только лицемер, пожимающий руку арабским шейхам и вождям коммунистического Китая. Поэтому Тэйлер призывает к адекватному диалогу с Россией, налаживанию связей, чему, однако, могут мешать советники Обамы: Мадлен Олбрайт и Збигнев Бжезинский.

В российско-грузинском конфликте Тэйлер осуждает Грузию, критикует президента М.Н. Саакашвили и резко высказывается против вступления Грузии и Украины в НАТО, не в последнюю очередь в связи с тем, что это может негативно отразиться на отношениях с Россией. В статье «Россия: возвращение в будущее» («Russia: Back to the Future») он задает риторическим вопросом: «...почему Вашингтон должен заключать военный союз с маленькой, слабой, не имеющей ресурсов страной (Грузией. – *Авт.*) с непредсказуемым руководством, если это грозит охлаждением отношений с ядерной Россией, простирающейся от Европы и почти до Аляски?» [21].

Нонконформизмом отличается творчество Марка Эймса, сотрудничающего с «The Exile» и «The Nation». Он родился в провинции и по окончании колледжа Беркли, по его словам, «жил в бедности и злобе», ездил по Европе. С 1991 г. проживал в России: сначала в Петербурге, а затем в Москве. Выехал в Панаму в связи с тем, что сайт газеты «The Exile» был закрыт российскими властями. Однако по этому поводу он не высказывает претензий к руководству РФ.

В целом Эймс придерживается позитивного мнения о России и упрекает западных журналистов в необоснованном сгущении красок относительно ситуации в стране и многочисленных необоснованных обвинений. «За последние несколько лет редакционные статьи “The Washington Post” постепенно приобрели ожесточенно антироссийский характер. Сложные процессы, происходящие в стране, описываются только в черно-белом цвете. При этом вся ответственность за ошибки, реальные или вымышленные, возлагается на Кремль и, как правило, на Владимира

Путина», – пишет он в декабре 2008 г. в статье с ироничным названием «Редакционные ошибки» [6].

Он часто комментирует российско-грузинский конфликт. В своих статьях осуждает Грузию, называет Южную Осетию пострадавшей стороной, призывает к более подробному рассмотрению случившегося.

Эймс активно проявляет недовольство внешней и внутренней политикой США и обстановкой в стране в целом.

Особенно плодотворным может оказаться сотрудничество с аспирантом Чикагского университета по кафедре истории Византии и автором «The American Conservative» Дэниэлом Ларисоном. В своих статьях он придерживается мнения, что политика Дж. Буша была ошибочной, но и критикующий его Обама тоже неправ. Советники последнего находятся в плену «психологии холодной войны» и считают, что цель нынешнего российского режима – борьба с США. Универсальный тезис об «агрессии» России против Грузии, согласно его статьям, служит целью лишь замаскировать неверную политику администрации президента Буша в отношении Саакашвили, который совершил страшную ошибку, начав войну.

Говорит он и о том, что у России есть своя сфера влияния на постсоветском пространстве, и с этим надо смириться. Грузия не стоит того, чтобы из-за нее портить отношения с Россией. Журналист считает, что надо стремиться вовлечь Россию в международную политику, «пряником» способствовать либерализации режима в стране [17].

Выделяется на страницах «The American Conservative» и крайне неординарная фигура Питера Хитченса. Это британский журналист и писатель, традиционалист по взглядам. Он закончил Оксфордский Университет Йорка. Во время обучения в последнем увлекся троцкизмом. С 1977 по 1983 гг. он состоял в лейбористской партии.

Его позиция по России заключается в следующем: холодная война кончилась, и Соединенным Штатам надо избавиться от ее штампов. Несмотря на неоднократное упоминание об отсутствии демократии в России, он считает, что США не должны вмешиваться во внутреннюю политику других государств, и признает, что самих российских граждан существующий режим в основном устраивает. Хитченс во многом упрекает СССР, но говорит, что Россия – уже другое государство, и относиться к нему стоит иначе.

Он также выступает против войны в Ираке и политики США относительно Косово [16].

Смелостью и самостоятельностью позиции на общем фоне американской респектабельной публицистики отличается блоггер «Harper's Magazine» и «Mother Jones» Кен Сильверштейн. Бывший репортер «Los

«Angeles Times», он занимается темами сотрудничества разведок (ЦРУ и спецслужб антиамериканских политических режимов в Судане и Ливии), политиков-коррупционеров в Вашингтоне и связи между американскими нефтяными компаниями и репрессивными иностранными правительствами.

В грузино-осетинском конфликте Сильверштейн стремится показать подкованную сторону: американскую помощь режиму Саакашвили, который был вооружен и подготовлен для ведения наступательной войны Вашингтоном.

В частности, в статье «Хорошая Грузия против фашистской России: может быть, не все так просто?» («Good Georgia vs. Fascist Russia? Maybe it's not that simple») он пишет: «До сих пор эта война (грузино-осетинский конфликт 2008 г. – *Авт.*) рассматривалась исключительно как простая сказка о противостоянии Хорошего Демократического Парня – Грузии – и Плохого Варвара и Фашиста – России. Но на самом деле все значительно сложнее – и морально, и исторически. Если рассматривать вопрос под таким углом, то речь идет о двух баснях о Давиде и Голиафе внутри одной. Войну развязал Голиаф (Грузия) – 4,4-миллионная страна, чья численно превосходящая армия, оснащенная и обученная благодаря американским и израильским советникам, противостоит Давиду (Осетии), население которой составляет 50–70 тыс. человек и которая имеет милицейские формирования общей численностью около батальона» [20].

Даже столь краткий и не претендующий на всеобъемлющий характер обзор заставляет говорить о том, что слова Коэна, обращенные к американской публике, о необходимости писать «дипломы и диссертации» об образе России в США должны и могут быть услышаны и по другую сторону океана. И это должно произойти, прежде всего, в России, испытывающей на себе все последствия информационной монополии СМИ Запада в мировом масштабе и практически полное отсутствие работы в сфере публичной дипломатии «на последнем метре». Важно подчеркнуть, что исследования подобного рода могли бы стать отправной точкой при создании общественных площадок для межкультурного диалога. Неформальные контакты являют собой наиболее прозрачную форму презентации российской культуры и ее ценностей (выражая лучшие смыслы «мягкой силы»), тем более что речь идет о деятелях интеллектуальной элиты США, которые имеют смелость под гнетом общественного мнения, организуемого официальным Вашингтоном, иметь свою (далекую от маргинальности) хорошо обоснованную позицию и доносить ее до широкой общественности, представляя собой, без сомнения, весьма интересный объект для вдумчивого осмысления.

В дальнейшем авторы статьи предполагают вести исследование по таким логически связанным между собой проблемам, как: разработка теоретической модели межкультурной коммуникации двустороннего формата с наличием обратной связи; адекватная оценка явлений, событий и перспектив сотрудничества на уровне интеллектуальной элиты; разработка актуальных тематик для межкультурного диалога, которые могут иметь общую оценку как с российской, так и с американской стороны; создание стратегии развития неформальных двусторонних отношений между Россией и США на уровне интеллектуальной элиты.

Библиографический список

1. Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии // *Ruskiymir.ru*. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0004.html> (дата обращения: 18.03.13).
2. Россия продлила контракт с пиар-агентством Ketchum // *Lenta.ru*. URL: <http://lenta.ru/news/2012/11/27/ketchum> (дата обращения: 25.03.13).
3. Стенографический отчет о встрече с представителями общественных организаций. 19 сентября 2008 г. // *Kremlin.ru*. URL: <http://www.kremlin.ru/trdnscripts/1467> (дата обращения: 11.04.13).
4. Стивен Коэн: американская пресса ведет кампанию против Путина // *Netvoe.ru*. URL: <http://netvoe.ru/brainshit/stiven-koen-amerikanskaya-pressa-vedet-kampaniyu-protiv-putina> (дата обращения: 11.04.13).
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // *Kremlin.ru*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15256> (дата обращения: 26.05.13).
6. Ames M. Editorial Malpractice // *Thenation.com*. URL: <http://www.thenation.com/article/editorial-malpractice> (дата обращения: 26.05.13).
7. Cockburn A. Foreign Policy Myths Debunked // *Thenation.com*. URL: <http://www.thenation.com/article/foreign-policy-myths-debunked> (дата обращения: 02.06.13).
8. Cohen St.F. The New American Cold War // *Thenation.com*. URL: <http://www.thenation.com/article/new-american-cold-war> (дата обращения: 02.06.13).
9. CounterPunch.org. URL: <http://www.counterpunch.org> (дата обращения: 02.06.13).
10. Dreyfuss R. McFaul Defends Obama's Russia Policy and Himself // *Thenation.com*. URL: <http://www.thenation.com/blog/mcfaul-defends-obamas-russia-policy-and-himself> (дата обращения: 15.06.13).
11. Fletcher.tufts.edu. URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy> (дата обращения: 15.06.13).
12. Fletcher.tufts.edu. URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions> (дата обращения: 01.07.13).
13. Hayden Th. Warning to Obama on the New Cold War // *Thenation.com*. URL: <http://www.thenation.com/article/warning-obama-new-cold-war> (дата обращения: 01.07.13).

14. Heuvel K. // Thenation.com. URL: <http://www.thenation.com/blogs/edcut> (дата обращения: 15.07.13).
15. Heuvel K.V. Blood in the Caucasus // Thenation.com. URL: <http://www.thenation.com/article/blood-caucasus> (дата обращения: 15.07.13).
16. Theamericanconservative.com. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/author/peter-hitchens> (дата обращения: 15.07.13).
17. Larison D. So Very Predictable // The american conservative. URL: <http://www.theamericanconservative.com/larison/so-very-predictable> (дата обращения: 30.07.13).
18. Scheer R. The Cold War President // Thenation.com. URL: <http://www.thenation.com/article/cold-war-president> (дата обращения: 30.07.13).
19. Scheer R. Restore Honor and Pardon Edward Snowden // Truthdig.com. URL: http://www.truthdig.com/report/item/restore_honor_and_pardon_edward_snowden_20130813 (дата обращения: 30.07.13).
20. Silverstein K. Good Georgia vs. Fascist Russia? Maybe it's not that simple // Harpers.org. URL: <http://harpers.org/blog/2008/08/good-georgia-vs-fascist-russia-maybe-its-not-that-simple> (дата обращения: 03.08.13).
21. Tayler J. Russia: Back to the Future // Theatlantic.com. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/09/russia-back-to-the-future/307029> (дата обращения: 03.08.13).

А.В. Самохин

Книга Ю.И. Семёнова «Философия истории» и критика глобально-стадиальной концепции

Концепция Ю.И. Семёнова – новое слово в неомарксистских историко-философских исследованиях, соединяющее формационный и цивилизационный подходы в рамках глобально-стадиальной теории мировой истории. Данная статья посвящена обзору и критике отдельных положений теории Семёнова, например, политаризму.

Ключевые слова: Ю.И. Семёнов, глобально-стадиальная концепция, неомарксизм, формация, цивилизация, политаризм.

В настоящее время после выхода книги доктора философских наук Ю.И. Семёнова «Философия истории» в рамках современного русского неомарксизма появилось его новое направление – «семёновцы». «Фило-

софия истории» Семёнова, как они утверждают, объективно позволяет дополнить и уточнить данные классического марксизма, развить универсальную природу объяснения общественных явлений. В целом они правы, поскольку «Философия истории» предстает перед нами как попытка явного и оригинального синтеза классического марксизма с цивилизационным подходом, который развивали в XX в. Н.Я. Данилевский [1], О. Шпенглер [10], А. Тойнби, Н.С. Трубецкой [8], П.Н. Савицкий [4] и др. Однако сам автор «Философии истории» отказывается от такой преемственности и пытается обосновать свои концепции вне зависимости от данного подхода.

Основная критика противников глобально-стадиальной концепции сосредоточена у Семёнова в анализе ключевых понятий книги – социально-исторического организма, общественно-экономической формации, этноса и культуры.

Обратимся к понятию социально-исторического организма, как он дан в работе Семёнова. «Социоисторический организм есть отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждый социально-исторический организм локализован во времени и пространстве. Он занимает определенную территорию. Он обязательно когда-то возник, а многие родившиеся в свое время социоисторические организмы давно уже исчезли, ушли с исторической сцены» [5, с. 21]. Автор работы считает, что социально-исторический организм почти всегда располагается в рамках государства. Тем не менее существуют и исключения, когда одно государство включает в себя несколько социально-исторических организмов. Почему это так – автор не может объяснить, он только констатирует: «Чтобы объединенные под одной властью социально-исторические организмы срослись и образовали один социор (неологизм Семёнова. – А.С.) нужно время, неодинаковое для организмов разного типа. Иногда срастание вообще не происходит» [там же, с. 22]. Семёнов приводит как пример Британскую империю, которая представляла собой социор Британии и подчиненные колонии – социоры, а с другой стороны, Российскую империю как единый социор. Вместе с тем и в России существовали разные этнические группы, и они могли до включения в империю составлять отдельные социально-исторические организмы. Этого Семёнов, упорно отказывающийся от применения цивилизационного подхода, не замечает. Тем не менее в рамках последнего такое различие между Британской империей и Россией вполне очевидно. Россия как отдельная цивилизация была наследницей империи Чингисхана, чью территорию она практически полностью вобрала в себя, и народы, живущие в ней, привыкли к имперской власти. Кроме того, русский народ не проводил

политику русификации и не грабил местное население, в отличие от британцев. Британская империя захватывала земли, никак с ней не связанные, и культуры, веками существовавшие изолированно от остальных исторических цивилизаций. Естественно, при присоединении этих цивилизаций ни о какой общности речи идти не могло.

Далее обратимся к понятию этноса, «народа», которое Семёнов определяет как «совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» [5, с. 39]. Здесь автор работы подчеркивает различия между социором и этносом. Этноты, по его мнению, есть производное от общества образование, которое осознается людьми как биологическая общность, являясь на деле общностью социальной. Геосоциальный организм, расположенный на определенной территории, по его мнению, включает в себя различные этноты. Исчезновение социального организма (распад, например, Польши) не означает исчезновения этноса. Поэтому этноты, по мнению автора, не имеют социальных или экономических структур. В конечном счете они – «деления внутри всего лишь населения общества, а не общества, как часто понимается» [там же, с. 41–42]. И культура этноса, с помощью которой он сохраняет историческую преемственность, согласно автору работы, также не имеет отношения к нему, она является продуктом общества. Но выше Семёнов определял этнос именно как целостный организм, скрепленный общей культурой. Если сравнить определение социора и этноса, станет ясно, что социор в классовом обществе представляет собой не что иное, как государственную власть, распространенную на территорию страны (геосоциор), а социор в доклассовом обществе – кочующее племя, состоящее из одной или нескольких общин-субэтносов. Социор, таким образом, – это всего лишь общая форма объединения населения под властью государства в отдельную страну. Но хранителем и носителем культуры является именно государствообразующий этнос этой конкретной страны, он создает культуру и передает ее, в ней отражает накопленный опыт веков.

Такой вывод опрокидывает концепцию Семёнова о социоре как историческом организме и заставляет нас переадресовать это наименование этносу. Именно этнос является первичным социоисторическим организмом, можно сказать, что понятие этноса и социора равнозначны.

Дальнейший анализ соотношения этноса и социора невозможен без определения культуры. Семёнов определяет последнюю как «опыт деятельности людей, имеющий, в конечном счете, жизненное значение для

всей данной конкретной их общности в целом... Все явления, в которых воплощается этот общезначимый опыт, носят название явлений культуры» [4, с. 44]. В этом и состоит сущность культуры, согласно автору работы. Другое определение – явления культуры, которые являются воплощенными в этом опыте. Если попытаться понять из этого определения, кто является основным носителем и создателем культуры, то, безусловно, им станет этнос (социор). Но культура далеко не исчерпывается приведенным выше определением. Она есть фактически овеществленная память этноса, без которой не было и не могло бы быть исторической памяти, так же как и исторического развития.

Иначе говоря, культура является тем цементом, который скрепляет прошлое, будущее и настоящее общества вне зависимости от его социально-экономического строя. Данный тезис легко подкрепить фактами. Общество, созданное восточнорусским этносом в IX в., до сих пор имеет преемственность в виде языка, культурных памятников и т.д. За это время в рамках исторического развития сменился ряд общественно-экономических укладов (формаций), что не помешало ему на всех этапах своего исторического пути ощущать себя единым целым, коренным образом противоположным другим социально-общественным организациям.

Семёнов, не ограничиваясь вводом понятия «социора» в общественную науку, предлагает типологию социально-исторических организмов. Он разделяет их на типы, соответствующие понятиям социально-экономической формации. Вот что пишет по этому поводу сам автор: «Согласно материалистическому пониманию истории, фундаментом, базисом любого конкретного общества, т.е. социально-исторического организма, является определенная система социально-экономических (производственных) отношений... Естественным поэтому для марксизма является положить в основу классификации социоисторических организмов господствующие в них общественно-экономические уклады или, что в данном отношении то же самое, способы производства... Типы социоисторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название *общественно-экономических формаций*» (выделено авт. – А.С.) [5, с. 127–128]. Данное утверждение не подвергается автором работы критике, а принимается как аксиомное, несмотря на то, что он указывает на ряд других возможных типологий социально-экономической формации.

В целом концепция Семёнова представляет собой последовательное соединение идеи существования дискретных социоисторических организмов (предстоящих, в первую очередь, как соединение географического пространства с государственной властью) в качестве субъекта исторического развития с идеей разделения мирового исторического

процесса на стадии, соответствующие типологии общественно-экономических формаций. В отличие от классического марксизма, формации, которые проходят социально-исторические организмы, опосредованы их взаимодействием во времени и пространстве. Передача исторической эстафеты от одного социора к другому или внутреннее развитие социора приводят к возникновению новой формации. Очень редко один социор проходит даже две стадии общественно-экономического уклада. Всего Семёнов выделил 4 основные стадии (формации) в развитии классового общества: предклассовую, древнеполитарную рабовладельческую, феодальную, капиталистическую. Кроме того, есть еще неополитарная формация (СССР с 1917 по 1991 гг.), а также будущая коммунистическая формация. Таким образом, совершенствование человеческого общества в целом происходило в результате взаимодействия исторической необходимости развития общественно-экономических укладов и исторической вероятности подъема социора на новую стадию эволюции.

Еще в советское время наиболее острые споры вызывало положение Семёнова о существовании особой политарной формации. Данная позиция подвергалась критике его оппонентами из числа отечественных марксистов, которые протестовали против выделения «политарной формации». Так, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН В.П. Илюшечкин отмечал: «...Семёнов просто обошел вниманием тот факт, что самый термин способ производства употреблен в работах К. Маркса в двух разных значениях – в социологическом смысле (общественные способы производства), и в обыденном значении (технологические способы производства), определяемые и различаемые безотносительно к первому значению по технике или технологии производства по отраслям хозяйства, по формам частнособственнической эксплуатации. Не различая эти два разных понятия, он придает данному термину единственное значение – общественный способ производства – и выделяет в нем различные разновидности... в основу каждого из которых кладет соответствующую форму эксплуатации» [2, с. 147–148]. Основываясь на этом различии, Илюшечкин делает вывод о том, что политарная формация не может быть введена в научный оборот на основании неправильно выделенного признака.

В настоящее время полемика вокруг «политаризма» продолжена социологом А.Н. Тарасовым. В своей статье «Опять тупик» он подвергает резкой критике концепцию политарного строя, делая вывод о том, что Семёнов остался приверженцем советского марксизма: «Итак, что же мы имеем? В основе своей теория «политаризма» (или двух “политаризмов” – “агро” и “индустро”) – заимствованная (у Виттфогеля и, как ни смешно,

у Шафаревича, только тот называл это “социализмом”). Семёнов лишь заменил терминологию, полемически и публицистически заостренную Виттфогелем против ненавистного ему сталинизма (а Шафаревичем – против ненавистной ему социалистической идеи), на самодельную, внешне академически-марксистскую. Классовую сущность своего “политаризма” Семёнов позаимствовал у Восленского, Джиласа, Рицци и т.д. То есть оригинального в теории – только терминология и изобретение мелких, несуществующих в природе “способов производства”. Подобно тому, как Виттфогель оказался типичной жертвой сталинизма, Семёнов оказался типичной жертвой советского “марксизма”, оставшись в круге идей, подходов и методов этого псевдомарксистского уродца. Но надо признать, что, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, Семёнов попытался вырваться – не путем простого громогласного (и политически выгодного) отказа от марксизма после краха СССР, а путем его диалектического преодоления. Жаль, что не вышло» [6].

В целом концепция Семёнова представляет собой последовательное соединение идеи существования дискретных социоисторических организмов (предстоящих, в первую очередь, как соединение географического пространства с государственной властью) в качестве субъекта исторического развития с идеей разделения мирового исторического процесса на стадии, соответствующие типологии общественно-экономических формаций. В отличие от классического марксизма, формации, которые проходят социально-исторические организмы, опосредованы их взаимодействием во времени и в пространстве. Передача исторической эстафеты от одного социора к другому или внутреннее развитие социора приводят к возникновению новой формации. Очень редко один социор проходит даже две стадии общественно-экономического уклада.

Согласно Семёнову, после перехода социора или группы социоров на новую прогрессивную историческую стадию развития они образуют мировой центр, который получает возможность к дальнейшей эволюции. Но линии развития философ выделил две: магистральную (по которой шли общества Ближнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима, феодальной и капиталистической Европы) и латеральную (общества Византии, Древней Руси, России, СССР и т.д.). Это позволило автору сделать следующий вывод: «Уже довольно давно модным стало критиковать европоцентризм. В этой критике есть моменты, заслуживающие внимания. Но в целом европоцентристский подход ко всемирной истории последних трех тысячелетий существования человечества совершенно оправдан... начиная с VIII в. до н.э. магистральная линия развития человечества идет через Европу. Именно там все это время находился и перемещался центр мирово-

го исторического развития, там последовательно сменились остальные три мировые системы – античная, феодальная и капиталистическая... Таким образом, историю человечества ни в коем случае нельзя рассматривать как простую сумму историй социоисторических организмов, а общественно-экономические формации – как одинаковые стадии эволюции социально-исторических организмов, обязательные для каждого из них» [5, с. 486].

Здесь мы встречаемся с типом историософского мышления, которое из факта существования мировой капиталистической системы выводит идею последовательного прогрессивного развития от древних обществ до современных. Но вряд ли на факте силового преобладания западноевропейской цивилизации можно построить аргументацию в защиту прогрессивного однолинейного развития человечества. Ведь от той же линии культурно-исторической преемственности, которую рисует автор (Древний Восток – Эллада, Рим – Западная Европа, США), можно нарисовать и другую линию, которую сам автор считает побочной, латеральной (Древний Восток – Эллада, Рим – Византия – Древняя Русь – Московское Царство – Петровская Империя – СССР). При этом концепция одного исторического центра не выдерживает критики: в XX в. именно СССР и США долгое время представляли двухполярную систему мира. Почему же автору именно такая (европоцентристская) точка зрения представляется наиболее перспективной? Очевидно, что ответ надо искать в его концепции истории нашей страны в XX в.

Семёнов не без основания считает, что Россия в начале XX в. была подвергнута угрозе превращения в экономическую периферию капиталистического мира. Далее в России произошла революция, которая, с точки зрения автора, была антикапиталистической. Но была ли она социалистической? Нет, отвечает Семёнов: «Объективной задачей Октябрьской рабоче-крестьянской революции было уничтожение паракapитализма и зависимости страны от ортокапиталистического центра. Эта объективная задача революции была осознана ее участниками как борьба за создание в России социалистического общества. Социализм в России не возник. Цель, которую ставили перед собой активные деятели революции, не была достигнута. Если исходить из того, что революция в России действительно по своей объективной задаче была социалистической, то придется признать ее поражение. В стране на смену одному антагонистическому способу производства пришел другой, тоже антагонистический» [5, с. 502–503]. Его автор работы называет «индустрополитаризмом», строим, при котором вся экономика находится в подчинении класса чиновников и главного чиновника – политарха, использующего свое положение как для устрашения общества, так и для личного обогащения: «Политаризм во всех его раз-

новидностях предполагает верховную собственность политаристов на личности всех остальных членов общества. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Право это могло проявляться в разных формах, но оно всегда существовало. Любой вариант политарного классовообразования предполагает репрессии. Но особенно они были неизбежны в стране, в которой имела место народная по своим движущим силам революция и где была разбужена самостоятельная активность широких масс» [5, с. 502]. Пробразом политарха для Семенова, конечно же, явился Сталин. В дальнейшем сложившийся неополитарный строй в СССР привел к тому, что при очередном кризисе капиталистической формации в отдельных ее социорах возник ее аналог – политарно-капиталистическая система, под которой автор подразумевает фашистские и нацистские режимы в Европе. После Второй мировой войны капиталистическим обществом было построено «государство всеобщего благоденствия» (welfare state), вследствие чего неополитарная мировая система во главе с СССР подверглась давлению более прогрессивного общественного строя – капитализма Западной Европы и США. Результаты этого процесса были красочно описаны автором книги: «Неополитарный строй обеспечил СССР положение одной из двух сверхдержав. Однако возможности этой экономической системы были ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов нового, третьего по счету переворота в производительных силах человеческого общества – *научно-технической* революции. Примерно с 50-х годов темпы экономического развития страны стали непрерывно уменьшаться, пока к середине 80-х годов не упали почти до нуля. Это свидетельствовало о том, что неополитарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил. Непрерывно нарастал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей совершенно неэффективной неополитарной системы. И она с неизбежностью началась» [там же, с. 508].

Таким образом, перед нами стоит такая концепция исторического процесса, которая полностью оправдала и усилила всю критику СССР, высказанную от лица троцкизма, еврокоммунизма и неолиберализма. СССР, согласно «глобально-стадиальной концепции», не был социализмом, а был диктатурой, где только репрессии обеспечивали производительные силы, именно СССР вызвал к жизни нацистские и фашистские режимы и, наконец, к 80-м годам стал совершенно «экономически неэффективен» и пал от чисто внутренних причин. Однако описание Семёновым социалистического строя не выдерживает критики, т.к. основано на исторических мифах, внедренных в сознание в период перестройки 1980 – 90-х гг. Эти

мифы подробно описал С.Г. Кара-Мурза в своей работе «Манипуляция сознанием», в которой выступил с принципиальной критикой некоторых положений советского исторического материализма [3, с. 618–629].

Экономический детерминизм и социальная антропология марксизма привели Семёнова к описанию СССР как классового общества, в котором не был построен социализм, описываемый им как государство без эксплуатации и социального разделения. Это описание основывалось, прежде всего, на положении об эксплуатации государством рабочего класса, который, тем не менее, получал в результате распределения доходов все, что не мог получить в капиталистических странах: бесплатное жилье, образование, медицину. Другое положение о диктаторской природе советского общества основывалось на обобщении автором работы исторических сведений о диктатуре как форме государственного устройства и в Древнем Риме I–II вв., и в феодальной Франции XVI в., в «политаризме» Ивана Грозного и, наконец, в гитлеровской Германии и сталинском СССР. Все эти диктатуры были политическими формами Смутного времени в истории и характеризовались жестокостью и насилием, но автор книги выводит из их существования тезис об экономическом единстве всех этих обществ, называя их политарными, только чтобы еще раз подчеркнуть марксистский тезис о зависимости политики от экономики. В СССР диктатура пришлась на период индустриализации и внутренней борьбы двух течений в советском большевизме, а также на период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления хозяйства, но впоследствии советские руководители не имели монопольного личного права на жизнь и смерть граждан СССР.

Историософия Семёнова также имеет еще одну общую черту с неолиберализмом – это ее детерминизм. Каждая историческая стадия с необходимостью следует из предыдущей. Это приводит автора к признанию того, что исторический процесс неизбежно ведет к установлению в мире единой капиталистической системы и образованию «сверхсоциора» – глобального капиталистического сообщества, в рамках которого начнется процесс перехода к глобальному социалистическому обществу.

Другим положением, опирающимся на европоцентристские представления об истории, стало утверждение Семёнова о Западе как центре мирового исторического процесса. В действительности «миф развития через имитацию Запада» появился именно в результате силового давления Западной Европы как отдельной цивилизации на другие страны. Он оправдывал колонизацию этих стран и эксплуатацию их природных ресурсов. Впрочем, и Семёнов выделяет положительные стороны в колониализме в следующих словах: «...у колониализма, помимо обрисован-

ной выше стороны (геноцида, эксплуатации, пыток – А.С.), существовала и другая. Она состояла в вырывании колонизируемых народов из векового застоя, в приобщении их к достижениям самых развитых к тому времени обществ. Англичане, например, не только грабили Индию. Они строили в ней фабрики и заводы, железные дороги, создавали телеграфную сеть, внедряли европейское образование и науку, готовили кадры местной интеллигенции, ученых, врачей, инженеров, современных администраторов и т.п. Но главное – в Индии началось формирование капиталистических отношений» [3, с. 485].

В этом панегирике рабству и угнетению выразилась черта классического марксизма – преобладание детерминизма и поклонения Европе над страданиями и судьбами целых народов, чье историческое развитие протекало вдали от «магистрального» пути угнетения и насилия со стороны европейцев. В частности, оценки Семёнова можно сравнить с критикой неомарксиста-литературоведа М. Хардта и политического философа А. Негри, которые в политической работе «Империя» по поводу взглядов Маркса на историю поработенной европейцами Индии пишут: «Единственным “альтернативным” путем, который может представить Маркс, впрочем, являлся тот же самый путь, который европейское общество уже прошло. У Маркса нет концепции своеобразия индийского общества, понимания его возможностей, как отличающихся от доступных европейцам. Таким образом, он способен видеть прошлое индийцев лишь как пустое и статичное... Утверждение, что индийское общество не имеет истории, означает не то, что в Индии ничего не происходило, но что курс событий определялся исключительно внешними силами, в то время как индийское общество оставалось пассивным, “несопротивляющимся и неменяющимся”. Конечно, Маркс был ограничен скудостью своих познаний о настоящем и прошлом Индии. Тем не менее его недостаточная информированность — не самое главное. Основным является то, что Маркс способен представлять себе неевропейскую историю лишь как строго движущуюся по пути, уже пройденному самой Европой... Европоцентризм Маркса, в конечном счете, не столь отличен от такового у Лас Каса» [9, с. 120]. Как мы видим, Хардт и Негри, в отличие от Семёнова, опираются на иную, отрицающую евроцентризм трактовку событий, что позволяет им подвергнуть критике положение Маркса об универсальности европейского исторического пути.

Таким образом, несмотря на громадную работу по систематизации и изучению мировой истории, проведенную автором книги, следует признать неубедительной абстрактную схему мирового исторического развития, обрисованную Семёновым. Уже в самой попытке построения безо-

шибочного и абсолютно детерминированного мирового исторического процесса мы видим рационализм ученого, выражающийся в стремлении раз и навсегда зафиксировать сущность исторического процесса, исключить дальнейшее развитие научных представлений, представить мировую историю как нечто в основе своей уже познанное, и познанное в соответствии с абсолютно верным критерием – материалистической философией истории.

Библиографический список

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
2. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М., 1996.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2003.
4. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
5. Семёнов Ю.И. Философия истории. М., 2003.
6. Тарасов А.Н. Опять тупик // Пушкин. 2009. № 4. URL: <http://www.russ.ru/pushkin/Opyat-tupik> (дата обращения: 112.03.2014).
7. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сб. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2003.
8. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.
9. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1998.

В.В. Суховерхов

К вопросу о необходимости изучения истории испанской философии в курсе «Новая история Испании»: исходные понятия

В статье делается попытка доказать ошибочность отождествления развития испанской философии Нового времени с европейской. В испанской философии выражены как общие с западноевропейской тенденции, хотя позднее, слабее и в некоем эклектико-прагматическом синтезе сформулированные и обоснованные, так и кардинальные отличия.

Статья – схематичная иллюстрация общего и специфического в мировом историко-философском процессе на испанском материале.

Ключевые слова: история испанской (кастильской) философии, история философии в Испании, главные национальные философские традиции, оригинальность или вторичность испанской философии, история философии и история идей, просвещение.

Мы, в своей обычной манере, являемся к концу праздника... возьмите, скажем, философию. В Европе, колыбели схоластики, уже два столетия как нет ни одного схоласта, а в Испании вдруг, совершенно неожиданно, возникает целая череда гигантов – Суарес, Фонсека, Ариага, теологи Триентского собора.

Х. Ортега-и-Гассет. Веласкес

В современной вузовской учебной литературе по Новой истории явно не достаточное внимание уделяется идейной стороне исторических событий по сравнению с более или менее подробным их социально-экономическим обоснованием и описанием – это следствие в целом переоценки

характера или замалчивания предваряющих или сопровождающих ход истории культурных процессов. Составная их часть – история идей, – в свою очередь, дается без сколько-нибудь развернутой определенной философской основы – конкретной мировоззренческой установки на существо, в частности, той или иной общественной и духовной жизни.

История испанской философии Нового времени с многочисленными идейными влияниями, прежде всего, западноевропейской – античной, средневековой и новой – наименее изученная, по сравнению с историей и литературой. Проблема и в российской испанистике, т.е. специальной научной литературе, представленной очень небольшим кругом имен [1] и еще меньшим количеством переводов трудов классиков испанской философии [2].

Таким образом, развивать изучение истории испанской философии в вузовской и академической науке – настоятельная необходимость и потребность.

В нескончаемой полемике и различной трактовке в историко-философских кругах Западной Европы и, прежде всего, самой Испании понятия «История испанской философии» (в реальности преимущественно кастильской) практически уже заложена одна из важнейших идей – вопрос существования не только истории философии в Испании, но и истории испанской философии [6, t. I, p. 13–59].

В XVI в. – первом веке существования объединенной Испании и глобального утверждения национальной традиции – абсолютистско-религиозно-католической – и больших возможностей сопротивления европейским идейным влияниям они были единичными и не глубокими.

В XVII–XVIII вв. – веках свершения революций в Нидерландах и Англии и развития Просвещения во Франции – новейшие интеллектуальные веяния способствовали усилению в Испании рационализации жизни и мышления – тенденции, трансформировавшейся в XVIII в. в либеральную традицию. Имея своим непосредственным идейным источником национальное Просвещение, его выразители, прежде всего, Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро (1676–1764) [3] и Г.М. де Ховельянос (1744–1811) [5], подвергли пересмотру ряд исчерпавших свое значение общепринятых, но далеких от истины традиционалистских идей и верований, ослабляя, таким образом, их позиции в испанском менталитете.

Отношение к национальным философским традициям у большинства испанских историков философии, несмотря на их идеалистические базовые установки и концептуальные отличия друг от друга, основывается на вполне материалистическом признании исторической и интеллектуально-нравственной реальности.

«Философия имеет свою историю» [7, t. I., p. 3], – писал, например, член Ордена проповедников (Orden de los predicadores) профессор Г. Фрайле (1909–1970), подчеркивая, в частности: «...Историю имеют также люди, которые ее создавали, вобрав в себя индивидуальность, жизнь и характер, особенности нации, к которой принадлежали, ее религию, условия времени. Так возникли греческая, немецкая или испанская философии, поскольку были греки, немцы и испанцы, которые способствовали их созданию и которые оставили на ней отпечаток своей национальной индивидуальности» [там же, p. 14].

Рассуждение Г. Фрайле и бесчисленные ему подобные – обобщение ранее разработанных и сформулированных в трудах испанских интеллектуалов положений [4, с. 115, 116] – предопределяет постановку фундаментальной проблемы: исследования характерных особенностей испанской философии.

Преобладающей из них является теологическая линия, труды разработчиков которой активно издаются в серии «Библиотека Христианских Авторов» [7, t. I. Sobrecubierta 2, p. 421–432].

Исторически сложилось и нашло отражение в обобщениях крупнейшего ученого-гуманитария, «славы Испании» Р. Менéndеса Пидалья (1869–1968), что наиболее типичная в истории испанского менталитета константа – приверженность к католическому традиционализму, понимаемому как бескомпромиссное изгнание иноверцев с испанской земли и борьба за «чистоту крови».

Другая, позднее и менее выраженная константа – следствие разного рода отношений Испании с соседними государствами, – отличалась религиозной и национальной терпимостью, открытостью к иноземным идейным влияниям, заимствованием у них полезного опыта, новаторскими устремлениями и т.д., и вместе с тем небольшим количеством по-настоящему, в европейском смысле Нового времени, крупных фигур.

При этом «левые всегда очень мало проявляли наклонностей к изучению и утверждению в наших традициях аспектов, совпадавших с их собственной идеологией, – отчасти справедливо констатировал Р. Менéndес Пидаль. – Они не стремились выделить традиционную совокупность идей, выразивших основополагающие принципы либерализма. ...Не видели ничего в нашем XVI веке, что было бы пригодным для настоящего времени, то вечное, вновь ассимилируемое и плодотворное во все времена. ...Такой исторический пессимизм создавал собой явно выраженную подчиненность левых традиций в антагонизме двух Испаний. Действуя в рамках актуального партийного экстремизма, они полностью оставили своим соперникам силу заложенных в традиции идей...» [10, p. LXXI–XCVIII].

Обнаруживалось: «левые» лишь вызвали сплочение «правых» и их стремление сохранить монопольные позиции в противовес, как они считали, разрушительным действиям своих соперников.

Испанскую философию не признавали самостоятельной. Сложилось убеждение о вторичности испанской науки в целом и философии – в частности («...los extranjeros miran con poco aprecio la ciencia española...») [8, р. 26], кроме, как отмечалось, теолого-католической.

В этой связи особое значение имела острая, заслуживающая отдельного анализа, но во многом риторическая и эмпирическая, чем теоретическая, «Полемика об испанской Науке» (70-е гг. XIX в.).

«Полемика...» отразила различие взглядов участников дискуссии по вопросу о существовании или отсутствии философии в Испании, степени ее вклада в развитие этой науки в европейском масштабе, оставив вопрос открытым, что не препятствовало практическому изданию и комментированию трудов национальных мыслителей.

Игравший в полемике заглавную роль М. Менéndес-и-Пелайо утверждал идею о существовании в Испании философии. Он, например, заявлял: «Практически невозможно... чтобы мыслители одной крови, рожденные на одной земле, испытывавшие одни и те же физические и духовные влияния, передававшие знания более или менее непосредственно от одних к другим, перестали быть похожими в чем-нибудь или многом, несмотря на свою принадлежность к различным школам и даже враждебным. Можно утверждать *a priori*, не опасаясь ошибиться, что история испанской философии как единое целое есть нечто, что имеет собственное и особенное существование. ...Что есть в иберийском стиле мышления такие особенности, которые, сохраняясь в течение веков и в условиях разных цивилизаций, обязывают сделать вывод о существовании сильнейшей внутренней концептуальной связи в воззрениях наших мыслителей. Что не сформировалась еще идея, весьма справедливая, но которая игнорировалась из-за невежества или пристрастий, признать за нами отдельное место в истории философии, если и не столь высокое, как занимаемое двумя привилегированными в этом отношении народами – греками и немцами, то, по крайней мере, как итальянцами и французами» [9, р. 368].

Таким образом, если принимается идея, что существует история испанской философии, то оправданно изучать ее. Но при этом оставалась проблема: обладала ли она некими собственными национальными особенностями.

Творчество М. Менéndеса-и-Пелайо, являвшееся предметом дискуссий при жизни, а после смерти – приспособления различных политических сил в собственных идейных интересах, вновь вызвавшего острые проти-

воречивые споры, до сих пор не утратило своего значения, что признается практически всеми имеющими отношение к истории философии людьми.

Ученик М. Менéndеса-и-Пелайо и продолжатель его интеллектуальной деятельности А. Бонилья-и-Сан Мартин (1875–1926) работал над созданием Большой истории испанской философии, послужившей основой для создания многотомного «Систематического корпуса истории испанской философии».

Работа над «Корпусом...» была прервана Гражданской войной 1936–1939 гг. По ее окончании разрозненные и прерывавшиеся культурно-просветительские усилия ряда издательств не выправили недостатка в выпуске трудов национальных классиков философской мысли.

Причины подобного недостатка различны, начиная от вековой недооценки значения истории собственной абстрактной мысли до официальных политических и религиозных предписаний и разногласий, но в любом случае не имеющие ничего общего с причинами интеллектуального характера.

Во второй половине XX в. наметилась активизация в исследовании истории испанской философии.

Из работ обобщающего характера этого времени одной из лучших признается написанная Г. Фрайле – своеобразный философский энциклопедический словарь [7, т. I–II].

Поскольку вопрос об оригинальности или вторичности испанской философии возникает постоянно, постольку для его разрешения в качестве рабочей гипотезы была взята «История идей».

Такой подход, дающий возможность исходить из концепции истории испанской мысли вообще, а не только – философской, хотя акцент был сделан в значительной степени на ней, впервые широко, опираясь на работы предшественников, реализовал в конце прошлого века Х.Л. Абелян в «Критической истории испанской мысли» [6, т. I–V].

«История идей» в концепции Х. Абеляна менее теоретичная наука, чем «История философии». Она пытается представить свидетельства, о чем и как человек размышлял на протяжении своей эволюции, но не раскрыть вечные истины, которые объяснили бы последнюю загадку человека.

Другими словами, «История идей» имеет экзистенциальный характер, поскольку изучает идеи, действующие в ходе человеческого существования. Напротив, «История философии» тяготеет к абстрактным понятиям, к игре идей, не вникая или мало вникая в их связь с индивидуумами или обществом в целом. «С этой точки зрения философия выступает как нечто отдаленное от жизни, без видимой связи с ней» [там же, т. I, p. 78].

Таким образом, актуальных проблем, которые в настоящее время остаются в испанской философии Нового времени, имея в виду, что вопрос о её существовании в принципе решен, в основном две.

Первая – ее научная ценность. Вторая, вытекающая из первой, – существование или отсутствие у нее специфических особенностей, оригинальности или эклектической вторичности.

Эти проблемы для российских историков философии Нового времени – предмет актуального исследования, прежде всего на основе сравнительного анализа воззрений испанских и европейских философов.

Задачу их решения целесообразнее начинать в соответствии с общепризнанной периодизацией развития мирового процесса [12, р. 9], а конкретно – с анализа воззрений основоположника испанского Просвещения Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро, «неустанного воителя против национальной замкнутости» [11, р. 107].

Библиографический список

1. Журавлёв О.В. Испанская философия XVIII–XX вв. Этапы становления и логика развития. СПб., 1992.
2. Кортес Хуан Доносо. Сочинения / Пер. А.П. Шурбелева, предисл. О.В. Журавлёва. СПб., 2006.
3. Кузьмичёва Е.К. Испанская общественная мысль первой половины XVIII века: Б.Х. Фейхóо-и-Монтенегро: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
4. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
5. Суховерхов В.В. Г.М. де Ховельянос. Философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012.
6. Abellán J.L. Historia crítica del pensamiento español. T. 1–5. Madrid, 1979–1982.
7. Fraile G. Historia de la Filosofía española. Biblioteca de Autores Cristianos. T. 1–2. Madrid, MCMLXXI.
8. Laverde G. Carta-prólogo de la primera edición (1876) // Menéndez y Pelayo M. La ciencia española. T. 1. Buenos Aires, 1947.
9. Menéndez y Pelayo M. La ciencia española. T. 2. Madrid, 1953.
10. Menéndez Pidal R. Los españoles en la Historia. Cimas y depresiones en la curva de su vida política // Historia de España. T. 1. Madrid, 1988.
11. Menéndez Pidal R. Los españoles en la Historia y en la Literatura. Dos ensayos. Buenos Aires, 1951.
12. Navarro E.J. La Historia de España. Madrid, s. a.

Андреева Елена Александровна – кандидат искусствоведения, доцент; доцент кафедры художественного образования, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: miss.anastasia-andreeva@yandex.ru.

Антонова Татьяна Викторовна – доктор исторических наук; профессор кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: veritas.antonova2010@yandex.ru.

Барышева Арина Сергеевна – студентка исторического факультета, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

Волкова Евгения Юрьевна – аспирант кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: fer-tree13@mail.ru.

Копоть Евгений Михайлович – старший преподаватель кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: jenius1@yandex.ru.

Мамаев Андрей Владимирович – кандидат исторических наук; научный сотрудник Центра «Россия, СССР в истории XX века», Институт российской истории РАН. E-mail: andreidx2006@yandex.ru.

Нохрин Иван Михайлович – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории, Челябинский государственный университет. E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru.

Самохин Александр Владимирович – кандидат исторических наук; доцент кафедры общественных наук, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: trustmyway@gambler.ru.

Суховерхов Валерий Васильевич – кандидат философских наук, доктор исторических наук; профессор кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sujoverjov@gmail.com.

Ширяева Светлана Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института политики, права и социального развития, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: cemantika@gmail.com.

E. Andreeva

The history of town-planning in Vyatka province
(end of XVIII – beginning of XX centuries)

The article describes town-planning and development of most interesting places in Vyatka province from the architectural standpoint. Archive materials helped to gather more specific information of the history of development of first general plans and give historical and architectural characteristics of the following towns: Vyatka, Sarapoul, Elabuga and Glazov.

Key words: geometrical plan, history of design, town-planning in Vyatka province.

T. Antonova

From the history of the first Russian edition
of the collected works of F. Lassalle

The article reveals the role of the St. Petersburg publisher N.P. Polyakov in the confrontation with the censorship office of the Russian Empire for the opportunity to introduce compatriots to the most significant works of F. Lasalle. The article discusses the motives and methods of censorship and persecution by the police of the first and second volumes of the collection of works of F. Lasalle in the Russian translation. The author shows the attitude of the society to this edition, the name and F. Lasalle's works.

Key words: N.P. Polyakov's book publishing, censorial history of the first and second volumes of the collection of works of F. Lasalle in the Russian translation, police harassment of the first volume, the act of burning the second volume, the responses of society, the illicit spread of works of F. Lasalle in Russia, Russian press in the first decade after reforms.

E. Kopot, A. Barysheva

«The Image of another»:
Russia on pages of print media in the USA in 2005–2012

The results of the analysis of materials of the American political magazines are presented in article for the purpose of identification of authors, representatives of intellectual elite of the USA, informally organized dialogue with whom could become the instrument of translation of a positive image of Russia for the American audience. The main selection criterion was the author's objective (rarely complementary) assessment of the events of the international life connected with Russia. The purpose of the article is the search of effective mechanisms and models of translation of positive sociocultural ideas of Russia concerning the American cultural and intellectual elite.

Key words: American political magazines, American cultural and intellectual elite, the image of Russia in the American mass media.

A. Mamaev

Moscow city self-government under the Bolsheviks
(the end of 1917 – beginning 1918)

The article discusses how the Bolsheviks in late 1917 – early 1918 were able to take control of the self-government of Moscow and studies the first steps of the new government in the management of the municipality and their actions to transform the system of city governance. On the basis of archival materials, the press, as well as memories of municipal Bolshevik leaders the author concludes that radical socialists abandoned the parliamentary model of self-government because of intensification of the struggle with their opponents, unwillingness to compromise, the need for centralized management and generality of the competence of self-government bodies and Soviets.

Key words: history of Moscow, Moscow city self-government in late 1917 – early 1918, the Soviet system, the Russian revolution, the Bolsheviks, the urban economy in late 1917 – early 1918.

I. Nokhrin

Political development and ethnic relations
in Canada after the War for independence:
to the problem of the constitutional reform of 1791

The article is devoted to the development of Canadian political thought after the end of the War for independence in 1783. The author also studies the

connection of political processes in Canada with the British colonial policy in the North America in the end of XVIII century, and reveals sources and the essence of the constitutional reform of 1791.

Key words: history of Canada, Canada in XVIII century, English colonial policy, ethnic relations in Canada, Constitutional act of 1791.

A. Samokhin

Yu.I. Semenov's book «History of philosophy» and criticism of «The global and stadial concept»

Yu.I. Semyonov's concept is the new word in the Neo-Marxism history-philosophical research connecting together formational and civilization approaches within the global and stadial theory of the world history. This article is devoted to the review and criticism of certain points of Semyonov's theory, such as politarizm.

Key words: Yu.I. Semyonov, global and stadial concept, Neo-Marxism, formation, civilization, politarizm.

S. Shiryaeva

Major trends in pre-revolutionary private charitable Russia in XIX – beginning of XX centuries

This paper discusses the attitude of civil society to charity and the formation of charity at the beginning of the XIX century in the Russian Empire public and private charities, as well as government agencies.

Key words: charity, social protection, Imperial Philanthropic Society, the Society of visiting the poor, Maximilianovskaya Clinic, Department of Institutions of Empress Maria, foster homes, guardianship of Empress Maria Fedorovna of the deaf, guardianship of Maria Alexandrovna of the blind, the Russian Red Cross Society.

V. Sukhoverov

To the issue of importance of study the history of Spanish philosophy in the course «New History of Spain»: initial concepts

The article presents an attempt to prove the fallaciousness of identification of the development of Spanish philosophy of the new time with European one. Spanish philosophy has common western European tendencies, a bit later and weaker, formed in a kind of eclectic-pragmatic synthesis, as well as major

differences from them. The article is a schematic illustration of the common and specific in the world history-philosophical process on the basis of the Spanish material.

Key words: the history of Spanish (Castilian) philosophy, history of philosophy in Spain, main national philosophical traditions, original and derived nature of Spanish philosophy, history of philosophy and history of ideas, enlightenment.

E. Volkova

The Catholic Church in the Viceroyalty of Peru:
stages and specificity of the process of Christianization
of the native population of South America in the XVI century

The article analyzes the formation of the first decades of the Catholic Church in the New World, the stages and the impact of Catholicism within the cultural interaction of Spaniards and the native population. The author examines aspects of political, economic and spiritual activities of the church. Particular attention is paid to the specifics of the process of the Christianization of the Indians.

Key words: Conquista, bulla, curia, spiritual mission and the Order, the episcopate, Christianization of the Indians.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;

- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном);
- ссылки на архивные источники включаются в общий библиографический список, при этом они должны содержать: название документа, название архива, номер фонда и его название, номер описи, номер дела;
- при цитировании документов в тексте статьи необходимо указывать номер листа.

К предлагаемым для публикации статьям аспирантов МГГУ им. М.А. Шолохова прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Всем остальным авторам необходимо предоставить 2 рецензии из разных организаций. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко,
Ю.Н. Толутанова
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2013.4

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 20.12.2013 г.
Подписано в печать 25.12.2013 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,2 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.